

4 96
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

**Выписывайте
Литературно-художественную
газету**

"Голос Вселенной"

Мифология. Культы и ритуалы древности. Сокровенные знания жрецов и магов. Феномены. Зомби. Инопланетяне и НЛЮ. Контакты с иными цивилизациями космоса и параллельными мирами. Прорицания. Гиперсенсорика. Духи, привидения, монстры, призраки, зверолоды, вампиры, оборотни и людоеды в прошлом, настоящем и будущем. Воскрешение из мертвых и описания загробных миров. Чародейство и колдовство. Разоблачение правящих режимов, сект и тайных обществ. Древнейшая история России и преследования современности.

***"Голос Вселенной"* —**

самая интересная из толстых ежемесячных газет аномальных явлений!

Подписка на любой почте
в Каталоге "Газеты, журналы" Роспечати!

Индекс 50022

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

фп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

4 96

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

24 Aug 11

Содержание

В. Вотрин. Гермес. Фантастический роман	3
А. Писанко. Кривые зеркала пустыни.....	168
Рассказы	219

Обложка П. Кузьмина
Иллюстрации А. Филиппова

© "Приключения, фантастика"

© "Метагалактика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

Учредитель, издатель, гл. редактор –
Петухов Юрий Дмитриевич

Рег. номер – 309.

Подписано в печать 10.01.96 г. Формат 84х108/32.
Объем 9 п.л. Бумага тип. 2. Заказ – 2546
Тираж – 15 700 экз.

Издательство "Метагалактика" ЛР 060423.
111123, Москва, а/я 40.

ГМП "Первая Образцовая типография"
Государственного Комитета по печати РФ.
113054, Москва, ул. Валуевая, 28.

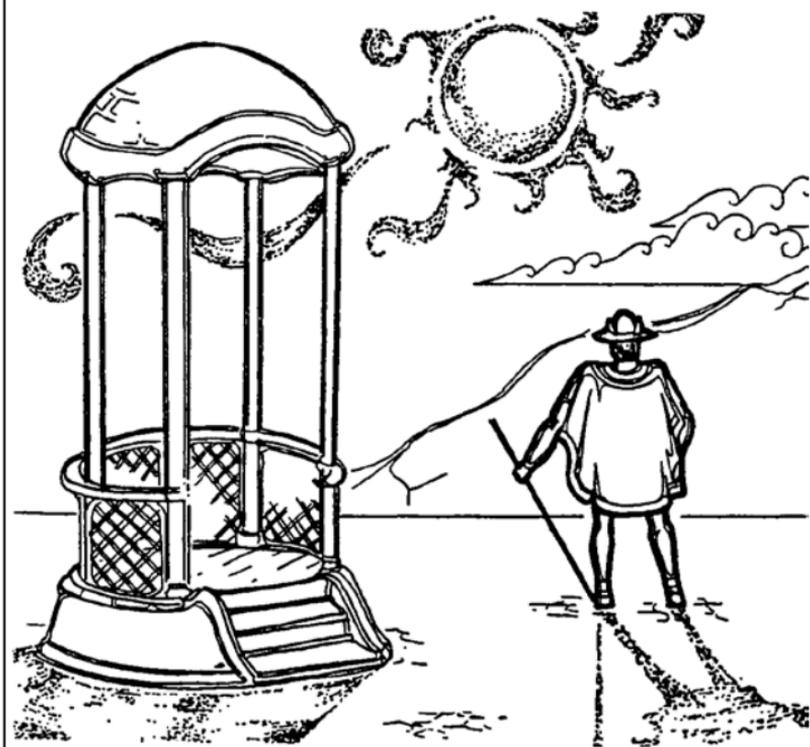
Индекс 70956

Валерий Вотрин

ГЕРМЕС

Фантастический роман

Альфа

Свирепое послеполуденное солнце нещадно калоило белый, тронутый черными нитями трещин камень высокой полуразрушенной ротонды, вздымавшей свой округлый купол к сочно-голубым небесам. Вокруг на многие мили простиралось белое каменное плато, только далеко впереди виднелись серые горы с клубящимися над ними пухлыми громадами облаков. Там посверкивали молнии, косо темнели струи дождя, бьющего по крутым уступам, доносилось слабое громыханье – над горами бушевала непогода. Здесь же – лишь жаркое солнце, пустые развалины да белая слепящая тишь огромного плато, уходящего вдаль.

Ротонда казалась издалека миниатюрным, ладным грибочком, так уместно было ее пребывание здесь, в этой каменной пустыне, – словно камень вдруг дал всходы, один-единственный всход, росток, и этим ростком оказалась ротонда. Внутри нее было пусто.

Внутри нее было пусто, но вдруг там появился человек. Оглядевшись по сторонам, он посмотрел на мохнатый желтый цветок солнца и смачно чихнул. Он был неопределенного возраста, полный, лысоватый и немного сутулился. У него был крупный, бананом, нос, черные навывкате арамейские глаза, тонкие красные губы и очень массивный, плохо выбритый подбородок. В правой руке он сжимал тонкую золотистую трость, на которую при ходьбе имел привычку опираться. Чаще всего человек именовался Магнус Мес, но у него были и другие имена. Их было столько, что даже сам он не помнил, сколько всего их у него. Но горе вам, многие имена носящие, а имени истинного не знающие! Ибо вот, придет и тот день, когда пропадут все имена ваши, и останется одно имя, которое – забвение. А вы не пропадете ли? Что в том, если знают мириады личин твоих, а души распознать не могут? Как уз-

нать душу, если нет ее, а есть кал смердящий? Как возобновить ее, а нет души? Где взять силы, ибо всякая сила – от Бога, а не даст он силу тебе, и надежду не даст Господь тебе, и не даст Господь тебе веру? Как проживешь? Ибо вот, есть в тебе лишь богопротивление!

Он вышел из ротонды и по стершимся ступеням спустился вниз, на теплый камень плато. Здесь он немного постоял, затем быстро пошел по направлению к горам, негромко постукивая своей тростью. Разумеется, он был рад снова очутиться в этом месте, но сейчас все мысли его были только о еде: он сильно проголодался.

Пройдя пешком несколько миль, так что горы впереди стали заметно ближе, он вдруг резко остановился, словно споткнувшись, и пробормотал:

– Пожалуй, здесь сойдет, – прищелкнул пальцами, как-то замысловато, кренделевидно покрутил рукой в воздухе, шепнул слова языка, очень давно никем не слышанного, и перед ним на ровной поверхности возник Стол. Мес радостно потер руки и быстро уселся за него. На Столе появился резной серебряный поднос, полный разной снеди. Здесь были жареная утка, темная миска со свежей аппетитной зеленью, белые соленые грибы, кувшин вина и вареная рыба.

Он приступил было к трапезе, но в это время взгляд его наткнулся на рыбу. Результат был устрашающим: глаза его сузились, вены на лбу налились краснотой, правая рука сжалась в кулак, и он завопил, и голос его разнесся по всему плато вплоть до откликнувшихся эхом сводов ротонды, и Стол с подносом затрясся, и рыба грянулась оземь:

– Рыба! Рыба! Еще в прошлый раз, негодяй, я говорил, чтобы здесь не было и духу рыбного, а ты снова ставишь ее передо мной! Ведь я ненавижу рыбу, я терпеть ее не могу во всех ее обличьях, будь то жареная, вареная, пареная, соленая, сушеная рыба или даже ее изображение!

Рыба исчезла. Мес, все еще кипящий от негодования, начал есть. Ел он, правда, с аппетитом, вкусно причмокивая и временами обзревая окрестности из-под густых бровей. Когда утки не стало, легонько постучал по столешнице, и на этот зов явился хозяин Стола, одноногий хитрый коротышка.

– Садись, – сказал Мес, отпивая вина. Он заметно подобрел. – Никогда не подавай мне рыбы. Никогда. Ведь я ее ненавижу.

– Прости, господин, – произнес хозяин. – Ты так давно не был у нас, что я уже начал забывать, что более тебе по вкусу.

– Я ем все, – сказал Мес. – Все, кроме рыбы. Запомни это.

– Все, кроме рыбы, – повторил хозяин.

– Да, – сказал Мес. – Никаких новостей?

– Все как всегда. День сменяется ночью. Вызревают плоды. Идет дождь.

– Событий маловато, – сказал Мес. – Ну да ладно. Но не забудь: впредь – никакой рыбы.

Хозяин поклонился.

Шагая по горам, Мес засвистел. Дурное настроение как-то пропало после того, как блаженно потяжелело в желудке. Он никогда не любил своей привычной пищи, называя ее «дармовой жвачкой» и «проклятыми испарениями». Впереди его ждало любимое занятие, уже давно на горизонте его существования не появлялись тяжкие тучи – предвестники несчастья. Но все равно губы его дрожали, когда он свистел, и знакомый мотив не получался. В уклончивом ответе хозяина Стола что-то таилось. Он оглянулся назад: Стол исчез. Так оно и должно быть. Встает солнце и заходит солнце. Ветер приходит и уходит. Столы появляются и исчезают Столы. Нет, так: время возникать Столам и время им испаряться. По чести сказать, он не любил эти непрошенные аллюзии, приходящие из незваного далека.

По едва видимой тропинке он взобрался на ровный каменный уступ. Солнце начало заходить, уже не такое жаркое и ярко-желтое, теперь оно напоминало цветом хорошо начищенную старую бронзу. Там, выше, все еще продолжалась гроза, но здесь, внизу, воздух был свеж и тих и нагрет предзакатными ласковыми лучами, и пахло чистым горячим камнем, и где-то рядом среди валунов пела какая-то пичуга, а солнце все садилось, садилось, оставляя голубое темнеющее небо на произвол неумолимой ночи. Мес вздохнул, повернулся и толкнул каменную дверь.

Он вошел в небольшое, с низким потолком, помещение. Здесь, в сердце скал, было прохладно. Углы терялись во тьме. У стен на корточках сидели каменные изваяния с бесстрастными лицами. В помещении стлался, почти незаметный и неосязаемый, голубоватый слоистый дым, который медленно плыл, когда попадал в резкий луч из какой-нибудь наружной щели.

Здесь Меса встретил высокий худой человек с гладким черепом.

– Здравствуй, Снофру, – мягко приветствовал его Мес – Ну что, много на сегодня?

– Как обычно, герр Мес, – с поклоном ответил человек.

– Угу, – промычал тот задумчиво, проходя к дальней стене и открывая небольшое потайное окошко. И сразу же сюда, в тихий покой подземелья, проник и повис, воцарился ровный басовитый гул, прорезаемый изредка истеричными женскими воплями.

Огромный беломраморный зал за стеной был запружен темной, беспокойной толпой: народ волновался и возле стен, на которых виднелись искусно вырезанные барельефы, изображающие сцены нисхождения в Аид, и вокруг постамента с венчающей его колоссальной улыбающейся статуей из розового камня, сложившей свои руки на груди, и перед пустым белым помостом около высеченного в стене большого каменного уха. Вместе с людским гомоном в отверстие проник и начал клубиться по комнате душистый дымок благовоний. Из-под потолка, с недостижимой вышины, взирали на толпу с загадочной усмешкой белые большеглазые лики. Где-то в глубине зала, за тонкой витой перегородкой, смутно, перекрывая голос множества людей, хор выводил речитативом слова древних молитв.

В который уже раз Мес увидел Омфал, святилище и оракул Трисмегиста.

– Так, так, – вздохнул он, закрывая окошко. – А где Арелла, Снофру? Почему не выходит?

– Мы ждали вас, герр Мес, – сказал жрец. – Сегодня вы немного запоздали. Толпа накалилась. Они ждут.

– Устаю, – проворчал Мес. – Везде надо поспевать... Вели начинать, Снофру.

Он уселся в удобное кресло с низкой спинкой. Жрец поднес ему вина в большой кованой чаше, и он поставил ее себе на колени. За стеной, в Омфале, ударил гонг – четкий и мелодичный звук пронесся по громадному святилищу. Одновременно, попадая точно в такт множающемуся эху от белых стен, начал нарастать голос хора.

– О-о-о! – Этот звук был и ликующим гимном, и траурным плачем, он поднимался и поднимался вверх, пока не достиг апогея.

– О-о-о!

Гонг ударил снова. Мес уловил изумленный вздох толпы: на помосте появилась жрица. Он заглянул в отверстие. Как и предписывали традиции, она была полностью обнажена, только на ногах ее были тонкие серебристые сандалии с высокой, по всей икре, шнуровкой. Смуглое тело ее, натертое благовонными маслами, блестело. Широко расставив ноги и закрыв глаза, с безвольно опущенными вдоль тела руками, она остановилась на помосте. Толпа безмолвствовала, и теперь был слышен только хор: он быстро-быстро, ритмично приговаривал, будто заклиная:

– Трисмегист! Трисмегист! Трисмегист!

– Трисмегист, Трижды Величайший! – возгласила жрица, открыв глаза, и голос ее, низкий, звучный, послужил как бы сигналом хору: тот замолк.

– Вестник, – сказала жрица.

– Он славы глашатай, – подхватил хор.

– Проводник, – сказала жрица.

– Он низводит нас вниз, – запел хор.

– Охранитель, – сказала жрица.

– Отважный привратник, – выводил хор.

– Жезлоносец, – сказала жрица.

– Он знает истину, – поставил точку хор.

– Кто, кроме него? – спросила жрица.

– Никто, – отвечал хор.

– Ведайте! – воздела руки жрица.

– О-о-о-о!

Звук вырос и упал.

– Кому ныне нужна помощь Трисмегиста? – строго спросила она.

Из толпы начали выходить люди

– Мне, – выкрикивали они. – Мне. И мне.

– Оракул слушает, – спокойно объявила жрица, и стала тишина.

Вперед вышел человек. Он был одет в простой суконный плащ и держал посох в своей руке.

– Великий, – сказал он, – несчастье пало на мой дом.

– Изложи суть, – приказала жрица.

Человек произнес:

– Около месяца назад, когда я пахал свое поле, плуг мой нечаянно потревожил гнездо змей. Двух гадов, бросившихся на меня, я убил. Но с недавних пор змеи осаждали мой дом.

Они угрожают семье. Они угрожают мне. Скажи, что делать, всемогущий? Что делать?

За стеной, в своем кресле, Мес подпер подбородок рукой. Рядом ждал жрец. На помосте застыла жрица. Магнус Мес думал. Наконец он шевельнулся.

– Сожги серпантин, – проронил он.

Снофру быстро наклонился прошептал что-то в другое отверстие, темнеющее рядом с первым. Снаружи жрица выслушала его слова у каменного уха и затем громко провозгласила:

– Трисмегист сказал – сожги серпантин!

Крестьянин в раздумье отошел в сторону и начал пробираться по стене к виднеющимся у входа палаткам толкователей.

Его место занял жирный человек в дорогом одеянии.

– Трисмегист, – заговорил он визгливо, – помоги! Ибо я прогорел. Сразу шесть сделок стали неудачными для меня. Или кара это богов?

Жрица молчала. Мес думал. Он медленно отпил из чаши, повертел ее в руках, рассматривая затейливый волнообразный узор по ее краям.

– Не бойся, ибо прощен, – сказал он, и Снофру передал его слова жрице. Та объявила их купцу, и он изумленно заморгал.

Купца сменила седая трясущаяся старуха в темной накидке.

– Трижды Величайший, – проскрипела она, – сегодня ночью я увидела во сне смерть. Это значит, что я умру? Но я не хочу умирать, – и она залилась слезами.

Мес снова отпил из чаши.

– Голова не работает, – пожаловался он Снофру. – Сегодня был трудный день. Это будет последний вопрос.

Жрец улыбнулся.

– Ваше слово, герр Мес.

Мес устало шевельнул рукой.

– Пусть скажет, что не всякому дано увидеть смерть.

– О-о-о!

Хор ликовал, просветленный.

– Оракул сказал, – объявила жрица после того, как обескураженная старуха направилась к выходу. Толпа сначала зашумела, недоуменно, растерянно, но потом люди стали потихоньку расходиться. Омфал пустел.

А в комнатке позади святилища Снофру поставил на стол глиняный кувшин с прохладным терпким вином, сыр, маслины и большой хлебный каравай. Первым сел Мес, потом Снофру, а затем откуда-то из темноты, уже одетая, выпорхнула Арелла, жрица, и тоже села с ними.

Мес преломил хлеб и разлил вино по чашам.

– Сегодня мало пожертвовали, – сказал Снофру. – Тот купец так и не смог уяснить слов оракула.

– Полагаться на слова оракула, – проговорил Мес жуя, – так же глупо, как, к примеру, бояться грозы.

Жрица через стол в упор смотрела на него своими огромными черными глазами.

– Вы не верите в собственные слова, герр Мес? – спросила она.

Мес откинулся в кресле.

– Я боюсь в них верить, – произнес он.

– Но вашими устами говорит Трижды Величайший!

Мес, который пригубливал в это время из чаши, поперхнулся.

– Трисмегист? – переспросил он. – Но... Да, как ни странно, он говорит моими устами. И также, как ни странно, в моей голове зарождается Слово оракула. Но это ничего не значит.

– Люди верят, – сказал Снофру.

– И правильно. И должны верить, иначе ничего не выйдет. Это главное. Они верят. А я занимаюсь своим любимым делом. Кроме него, у меня мало развлечений.

Повисла пауза. Арелла смотрела на кувшин с вином.

– Почему не ешь? – спросил ее заботливый Снофру. – Что тебя тяготит?

Арелла подняла голову и заглянула в глаза Месу.

– Кто ты, герр Мес? – тихо спросила она.

– Что тебе в этом? – со вздохом осведомился тот. – Что изменится от того, если я скажу?

– Не будет поколеблена моя вера, – твердо отвечала она.

– Трудный день, – пробормотал он. – Трудный.

– Кто ты? – настаивала жрица.

– Арелла! – попытался успокоить ее Снофру.

– Я хочу знать!

– Хорошо, хорошо, – проговорил Мес, морщась. – Голова разболелась... Арелла, сейчас я – никто. Понимаешь? Никто. Я – это я. Второго такого нет.

Молчание.

– Ты поняла?
– Да, – сказала она, неотрывно глядя на него. Я знала это. Я видела это во снах.
Теперь и у Снофру в глазах появилось изумление.
– Герр Мес, – начал он,
– Да? – устало повернул к нему голову он.
– Ты приходишь, когда нужен. Твои слова – непреложная истина. Ты... – это он?
– Вы что, непременно решили из меня сегодня душу вытрясти? – вышел из себя Мес. – Или беспокойно вам? Мало даров? Почестей? Славы? Может, страха? Может, просто сомнения замучили? Говорю вам – я устал!
– Скажи, – попросила жрица.
– Нет, – отрубил герр Мес, вставая. – Уже было сказано тебе. Можешь пойти к толкователям. Для вас я – просто талантливый медиум. Для остальных я сейчас – никто.

Хор

Великие Геи-Земли ввысь парящие дети страстям и порокам и думам всецело подвластны, довлеют над ними Порядка и Веры веленья, боятся они ход мироздания дерзко нарушить.

Но все же великие, и странной покажется мыслью, что больше они уязвимы, чем смертные люди, ни камнем, ни ядом, ни пламенем лютым и жгучим, но верой, точнее, неверием, можно безжалостно их уничтожить.

Мы – время, златые века наступали и вновь проходили, на смену неспешную ночи и дня это было похоже, как Гемера-День и владычица темная Никта сменяют друг друга, чредою влачась сквозь века непрерывно.

Да, знаем мы, знаем и страшную ярость титанов, Олимпа высокого ясноликую мудрость, огня угасанье и мысли и славы горенье, и клики, и кровь, что лилась бранногрозною, жуткою сечей, и острый, веками отточенный огненный разум.

Мы – вечность.

На две мощных ветви членимся мы испокон века: Геады, безмерной Земли и Титанов живые потомки, отцом остальным приходится мертвенный Хаос.

Есть Эрос лучистый и светлый, чье бремя что богу, что смертному – все одинаково сладко; владеет сердцами и волей божественный Эрос, но нет продолженья ему – Эрос бессынен.

Могуч и ужасен и грозен страшилище черное Тартар, что темною сетью по безднам на дне распростерся; и Тифон столбчатый, и злая Эхидна, подобная змеям, – его порожденья, мечами героев безумных навечно избыты.

Но Тартар силен и многих других породил он; стократно они мощь отца своего побивают; свирепость титанов, стурюких наружность и скрежет Тифона – их облик, а имя – Безглазые Гогна.

Да, Гогна.

Как и некоторые другие, Магнус Мес имел резиденцию на Вихрящихся Мирах. Солнце здесь всходило очень редко, небо всегда было сиреневым с темноватым отливом, а в воздухе плотным пологом висела радужная, загадочная переливчатая песнь тонкострунной лиры. Здесь на исполинском холме стоял огромный великолепный дворец, своими темными террасами спускающийся в прекрасные необъятные леса, где шелестели кронами могучие зеленолистые платаны и олени сшибались рогами на тенистых полянах, подгоняемые вечно-непрестанным движением жизни.

Когда Месу удавалось посетить это место в свои редкие, ничем не занятые дни, он часто бродил по здешним лесам, размышляя о тайных законах бытия. Ему, уставшему от шумных верениц теней, без которых не обходится ни одна жизнь, было приятно прохладное молчание платанов и буков, мягкий шелест крон, незатейливое пение пестрых птах, игра солнечных лучей в симметричном концентрическом узоре паутины в густоте стволов орешника. Здешние леса были исполнены тишины и той золотисто-солнечной благодати, которая наполняет душу многозначительным молчанием природы. Этот лес давал ему растраченную в разговорах мудрость и заставлял забывать – но не о важном, а о пустом и суетном, что ему не было нужно.

Однако сейчас, в этот свой визит сюда, Мес был неспокоен. Это тревожило его – такого еще не бывало. Он гулял по залитым солнцем просекам, часами просиживал в тени какого-нибудь огромного вяза, но беспокойствие не покидало его, перерастая в ясное и четкое чувство тревоги. Прошное одолевало его, прошлое, которое он всеми силами пытался отогнать все эти годы. Он не был мнителен, равно как и не был забывчив: он точно знал, что привычный ему мир изменился, а это недоумение – так он про себя решил называть его, – лишь чуткий датчик, показывающий, что что-то уже не так. Он до-

верял себе, а потому не волновался по поводу своего здоровья. Причину недомогания следовало искать где-то вне его самого.

Солнце его мира было в зените, когда он поднялся к себе во дворец. Шел через прохладные, продуваемые бродящими ветерками галереи, залы, обширные, как нефы, где колеблемые ветром огоньки свечей освещали изображенные по стенам силуэты больших плавникастых рыб, пронзаемых длинными острогами. Нескончаемые коридоры с коптящими и брызжущими смолою факелами вели в его покои. Здесь стояла большая двухспальная кровать под жемчужно-розовым балдахином, у окон – письменный стол. Окна выходили на необозримые леса, простирающиеся до самого горизонта. Дымчатое и ненужное чувство меланхолии никогда не владело его душой. Он во всем искал причину и знал, что скоро загадка, его томящая, станет ясна.

За эти дни Мес как будто бы помолодел. Он больше не сутулился. Лицо его немного загорело, волосы на голове совершенно скрыли коричневую от загара лысинку. Сам он вроде как вытянулся и не выглядел больше излишне полноватым. Голос его стал бархатистым и более приятным на слух. Золотистая трость в его руках превратилась в скипетр с трилистником на верхушке. На ногах возникли золотые сандалии.

Это был его настоящий облик.

В распахнутые окна лился аромат лесов и врывался ветерок, гулял по комнате, вздымая неподвижные ворсистые занавеси. Мес лежал на кровати под балдахином и, посмеиваясь, читал Таксиля. Вдруг он вздрогнул и приподнялся на локте. С минуту прислушивался, и на лице его застыла настороженность. Потом он сказал:

– Вольдемар Пиль, – негромко.

Ему это имя было незнакомо. Но ощущение внутренней неудовлетворенности прошло. На горизонте замаячила загадка.

В комнату проник человек. Он был небольшого роста, с загорелой до черноты кожей, острыми голубыми глазами, на дне которых мерцала искорка язвительной иронии, и тонким крючковатым носом. Одет он был во все темное.

Войдя, человек немного помедлил на пороге. Мес лежал на кровати и не отрываясь читал. Вошедший потоптался на месте и прошел через всю комнату к окну. Здесь его заинтересовал открывшийся глазам пейзаж.

– В твоём мире нет моря, – произнес он высоким тенором.

Мес поднял на него глаза и тут же опустил обратно к книге.

– Море, – продолжал Вольдемар Пиль, – вещь полезная. Оно успокаивает чересчур расшалившиеся нервы.

– Я не люблю моря, – сказал Мес, переворачивая страницу.

Пиль стрельнул глазами на заглавие томика.

– Лео Таксиль, – объявил он. – Занятное чтиво. Но я все же предпочитаю что-нибудь посолиднее. Лукиана, например. К нему я особенно благоволю. Помнишь вот это: «Какого ты мнения, Тихиад, об этом, то есть о пророческих предсказаниях, о том, что выкрикивается иными по наитию бога, о голосах, которые слышатся из сокровенных помещений святилища, о пророчествах и стихах, выкликаемых девой, предрекающей будущее?»

Мес поднял голову и встретился с ним глазами.

– Что тебе нужно? – спросил он. Человек в темном уселся в кресле.

– Мне? – переспросил он, усмехаясь. – Да, в общем-то, ничего.

– Мой дом к твоим услугам, – сказал на это Мес, переворачиваясь на спину и поднимая книгу, собираясь продолжать свое занятие. – У меня прекрасная библиотека. Там есть и Лукиан, и Цельс, и Тертуллиан.

– Великолепно, – искренне восхитился Пиль. Прошло несколько минут.

– Ты еще здесь?

– Так читать вредно. Испортишь себе зрение.

Тогда Мес медленно перевернулся на живот и в первый раз внимательно посмотрел на своего гостя. Тот как ни в чем не бывало сидел, скрестив ноги, в кресле и ухмылялся.

– Ты не рад меня видеть, – прокомментировал он выражение на лице Меса.

– Да.

– Ты слишком любишь одиночество, Аргоубийца, – бодро проговорил Пиль, вставая на ноги и выгибаясь (звучно хрупнули кости в пояснице). – Это плохо. Очень плохо. Бежать прошлого – хуже некуда. Оно ведь нагонит, герр Мес. Нагонит и надает тебе тумачков, и тогда уже не оправиться.

– Уходи.

– Не уйду, – покачал головой Пиль. – Нам с тобой предстоит долгий и довольно нудный разговор. Почему нудный? Я

учел твоё настроение, твой образ жизни и, главное, твоё отношение ко мне. Твой проклятый снобизм. Хотя неизвестно ещё, может, это мне стоит относиться так ко всем вам.

– Я встретил бы так любого члена Семьи.

– Ты всё же не такой напыщенный, как остальные болваны. Ты единственный, кто не пихал меня тогда в спину, стряхивая с Горы. И ты вестник, проводник, тебе ведомы тайны мёртвых.

– Что бы сказали вы все, – произнес Мес, – если бы узнали, что у них вообще нет никаких тайн.

– Да, и это – одна из их тайн. Произошло нечто, о чём тебе, конечно, неприятно будет услышать. Неприятно, но необходимо. Может, предложишь мне всё-таки вина?

Мес молчал.

– Я люблю хорошее вино, – сообщил Пиль. – Помню, в блаженные времена я предпочитал критское, а не ту гадость, что разливал там Ганимед. А?

Мес пошевелился, поднял рук и щёлкнул пальцами. У Пиль в руках оказалась чаша с вином.

– Фалернское, – сказал тот. – Сойдет. Одним глотком он осушил чашу до дна.

– Отличное вино.

Из комнаты они прошли на террасу. Ветер, несущий лесные запахи, всколыхнул их одежду. Солнце ласково грело. На небе было ни облачка.

– Кстати сказать, – заметил Пиль, облокачиваясь на парапет, – я уже не тот балаганный остряк, который хотел присобачить быку рога под глазами. Все мои остроты давно вышли, а душа наполнилась едкой горечью.

– Я думал, ты уже умер.

– Что я, чокнулся? – возмутился Пиль. – К тому же было приятно показать, что я сильнее всех этих лжемогучих, кто при первом же дуновении ураганных ветров ушел в Хаос. Уйти туда – самое легкое. Ты попробуй останься. Я, например, ещё помню, как свободный, не связанный формой и подобием, летел в безумных и сладких ветрах Изначальности. Вы-то этого помнить не можете. Вы ещё молоды.

На уровне их глаз летела белая птичья стая. Внезапно она изменила направление, и птицы камнем упали на верхушки лесных крон.

Пиль тоже следил за ними.

– Многие ушли, – проговорил Мес. – В том числе те, кого ты, вне сомнения, хотел бы видеть в первую очередь.

– Да. Но некоторые остались.

Мес повернул к нему голову.

– Я знаю, – сказал он. – Я даже знаю, где они. Более того, я знаю, что некоторые – мои соседи.

– Вихрящиеся Миры! – хмыкнул Пиль. – Весьма романтическое название. Этаким туманным и недоступным эмпирей.

– Всегда необходима Вершина, дабы укрыться от взглядов непосвященных.

– Или нежелающих знать. Кстати, о Вершине. Там больше никто не живет. Золотые дворцы опустели, и теперь среди их развалин бродят любопытные, но, увы, неверующие альпинисты.

– Я никогда не чувствовал особой надобности в этих дворцах, – сказал Мес. – Отец любил это место, и с его концом пришел конец Горе. Печально.

– Да. Печально.

Мес повернулся к лесной дали спиной и оперся на парапет. Пиль смотрел на него испытующе.

– Я уже давно чувствую, – тихо сказал Мес. – Мир, который я знаю, уже не тот. Так было один раз, давным-давно, когда шло Изгнание. Ты должен это помнить. Что происходит, Пиль?

Неожиданно тот вздохнул.

– Есть несколько причин. Во-первых, умирает Кобленц, и оставшиеся Архонты просят тебя снизить на Землю, чтобы принять на себя бремя его дел. И еще. Гогна пришли в мир.

Мес вздрогнул. Это имя заставило его – мгновенно, неосознанно – перенестись в неясные события далекого прошлого, связанные с. нет, он не мог припомнить. Смутно-невнятные толки, ходившие среди прочих членов Семьи, его почти не затрагивали. Но слово это – Гогна – заставило его содрогнуться от безотчетного ужаса.

– Ты боишься, – сказал Пиль.

– Да, – признался Мес, – но не знаю чего. Я не помню. Расскажи мне, Насмешник. Ведь Хаос, прародитель твой, и Тартар ходят друг на друга, как ходят друг на друга и Другие двое – мать наша Гейя и всемогущий Эрос.

– Я рад, что ты признаешь это, – произнес довольный Пиль и тут же посерьезнел: – Я не смогу поведать тебе всего, ибо сам ничего не знаю.

– Ты из старых.

– Ну и что? О Гогна ходят лишь недостоверные легенды. Я, правда, могу пересказать их тебе.

– Я их помню.

– Мы никогда не дрались с ними, как дрались с титанами, – сказал Пиль. – Они просто не давали нам повода. Кто-то из наших высказал предположение, что их сокрыл отец их Тартар. Это всего лишь одна из многочисленных версий.

– Тогда стоп, – сказал Мес. – Ты говоришь с такой страстью. Все равно. Ведь на Земле больше не наша власть. Там теперь сидит он, а потому нас его проблемы не касаются. Нам неизвестны цели Гогна. Может, они хотят подчинить себе Землю, воспользовавшись нашей слабостью. Ну что ж, они вовремя ударят, как он тогда вовремя ударил, вторгшись в наши ряды и рассеяв их.

Пиль выпрямился. Улыбка изгибала его губы.

– Ты не в курсе дел, – сказал он. – Потому что давно не был на Земле. О ком ты говоришь? Если о нем, то там нет его. А есть там Архонты, они ведают всем. Существует негласный договор, который составили он и некоторые из Семьи и еще другие – это было, когда он умер в последний раз. Так вот, там сказано, что Архонты будут распоряжаться всем вплоть до его второго прихода. Договор действителен и поныне. Ты тогда отсутствовал, и где ты был, мы не знаем. Но ты не стал Архонтом, хотя занимал и занимаешь видное положение в Семье.

– Ты тоже князь?

– Даже не собираюсь им становиться. Власть, знаешь ли, развращает. Но тебя они настоятельно просят вернуться. Ты им нужен. Тифон поднял голову. Дети Нуна подняли головы и шипят. И потом – брат твой уходит. Ты им нужен, Аргоубийца.

– С каких это пор ты выполняешь мои обязанности?

– Хе-хе, – хихикнул Пиль. – Ничьих обязанностей больше не существует. Все Ремесла перераспределены, потому что нету больше великих, кто ведал ими раньше, а он их Аралы забрал себе перед тем, как вознестись. Но самое главное, что все он унести не мог. Поэтому на Земле остались Архонты. К слову сказать, – тут Пиль снова захихикал, склоняясь к Месу, – Архонты вредят ему и будут вредить до скончания веков, потому что по сути-то они – старые. Он отлично это понимает, но поделаться ничего не может. Возможно, у него не хватает

ресурсов – заместить всех своими сторонниками. Возможно, уже нет сил. Все возможно. В любом случае это нам на руку.

– Ты мне про него не рассказывай, – прервал его побелевший Мес. – Я рыбу ненавижу. Мне известно, кто он, но меня совершенно не интересует, где он сейчас и что делает.

– Не тебе одному неизвестно, где он сейчас. Никто не знает. Все теряются в догадках. Выходит, что он оставил Землю на Архонтах. А им только того и нужно, ведь они снова добрались до желанной и давно утраченной своей власти.

Темнело.

– Много там этих... Архонтов?

– Как положено, – сразу же ответил Пиль. – Семеро. Пока.

– А что... Луконосец? – замявшись, спросил, наконец, Мес. – Что с ним? Почему он...

– Он устал. Они все устали. Появившаяся в последнее время проблема сначала не обещала быть такой сложной. Однако незаметно она разрослась, и никто не знает выхода. Твой брат – не первый, кто уходит. Сестер твоих уже нет – они ушли первыми.

– Как же мир... без них?

– Обходятся, – фыркнул Пиль. – В конце концов, это воля каждого – уйти, когда он желает. Не нам отговаривать.

– Все равно, – отрешенно сказал Мес. – Так кем стали Гогна? Ведь это их ты имеешь в виду, когда говоришь об этой серьезной проблеме?

Тьма напознала с запада по мере того, как садилось кровавое солнце. В ней тонули безбрежные леса, а небо начинало покрываться бледной сыпью звезд.

– Если хочешь что-либо узнать о них, – ровно сказал Пиль, – спрашивай не у меня. И не у членов Семьи ты должен спрашивать об этом. Никто не знает.

– А у кого? – взглянул на него Мес.

– Ты знаешь сам.

– Все это время они скрывались в Недрах, – задумчиво проговорил Мес, – но я не встречал их, когда бывал там. Ни разу не встречал.

– Чем ты занимался все это время? – спросил Пиль.

Подул ветерок, прохладнее, чем до этого. Леса внизу зашумели под его порывами, а звезды в темной вышине взволнованно замигали.

– Тем же, – ответил Мес. – Никто не слагал с меня моих обязанностей, а сам я – не лодырь и не трепло, чтобы внезап-

но уйти от дел. Люди переселились на другие миры – что ж, им все равно необходим проводник, ибо кто из них сам найдет дорогу за Гранью. Они торгуют – им нужен покровитель.

– Все как в добрые старые времена, – медленно кивнул Пиль, глядя на темно-синий небосвод, раскинувшийся над ними. Дул ветер. Они стояли, глядя, как на западе медленно, неохотно разгорается желтоватое бледное свечение, и полоса лесов, зубчатая и темная, резко выгравировывается на фоне его.

– Вот в чем странность, – прервал молчание Пиль. – Мы знаем судьбы мира, а люди забыли нас. И никто, как и прежде, не поклоняется Насмешке и не приносит жертвы Злословию.

Поколебавшись, Мес вдруг обнял его.

– Зря ты это, – сказал он. – Пойдем лучше... вина выпьем. Пойдем.

При неярком свете звезд он увидел, как блеснули слезы на глазах Пиля.

– Ты остался добрым пастырем, – прошептал он. Красная сырная головка луны взошла на небе.

Сначала небо было белым и палящим. Потом оно начало темнеть. Происходило это быстро, даже чересчур быстро, для того, кто не привык к нраву пустыни и поэтому не чувствовал изменчивости ее климата. Небо начало темнеть, первые несмелые дуновения ветра колыхнули верхушки барханов, и они задымились. Горизонт стал желтым и неотчетливым, будто далеко за ним кто-то большой и тревожный зажег огромные дымные костры, и они наполнили воздух пыльной гарью и желтизной.

Мес находился на Земле. Он давно здесь не был, так давно, что и не помнил, когда был здесь в последний раз. Он возник в полуобвалившемся белом храме с толстыми негладкими колоннами, расположившемся в самом сердце Ливийской пустыни. Сейчас он пробирался сквозь начинающийся самум, наощупь, наобум, сообразуясь с собственной интуицией, а потому не наверняка, как хотелось бы, и ругал всех богов пустыни, каких только знал. Ругал он и духов пустыни, не называя их, однако, по именам – в его положении это было более чем опасно, ведь он, вторгшийся на чужую территорию, ничем не смог бы помочь себе в случае опасности и мог быть с легкостью уничтожен. Поэтому духов он ругал словами злы-

ми и непотребными, шевеля губами, покрытыми мелким легким песком, – в воздухе его становилось все больше.

А ветер выл – надрывно, мерзко, вызывая какие-то тревожные, тоскливые ассоциации, – с верблюжьими костями под неимоверной толщей песка, с белыми выветрившимися человеческими черепами – ветер и песок сожрали их темя, и теперь только глазные впадины да зубы белеют сквозь прах, – с одинокими путниками и почему-то с перезвоном колокольчиков каравана – мерным, глуховатым таким перезвоном, который доносится до умирающего от жажды, когда караван проходит от него в двух шагах. Ноги Меса по самое колено погружались в сыпучий песок, и ему казалось, что когда-нибудь нога его не встретит препятствия, и он завязнет в этой желтой пустыне навсегда.

Тогда, чтобы не давать воли этим мыслям, он стал думать о другом. Невольно, конечно, невольно, мысли его перескочили вдруг в прошлое. Он плотнее запахнул свой плащ и стряхнул песок с полей шляпы. После той встречи с Пилем он много думал. Случайно забрел в библиотеку и нашел, что она действительно великолепна: на длинных, уходящих под самый потолок полках несокрушимыми рядами выстроились книги, сотни и тысячи книг, в которых навсегда запечатлелась человеческая мудрость. Вот чего он терпеть не мог – этого выражения.

Наугад потащил из книжного строя толстый том – им оказалась Библия. Его передернуло, он быстро поставил книгу на место, вытащил другую – Библия, большая, с кожаным переплетом, лейпцигского издания 1903 года. Бросил на пол, потащил опять – Библия, на этот раз отпечатанная Гутенбергом в Майнце в 1458 году. Он заорал с досады, стал хватать одну книгу за другой: «Апостол» Ивана Федорова, проповеди Григория Великого, «Комментарии на книгу пророка Даниила» Ньютона, апологии Юстина и Татиана, «Строматы» Климента Александрийского, сборник энциклик Льва XIII, «Этимологии» Исидора. Он уже не листал книги, теперь он только смотрел на заголовок и тут же с яростью, с силой шибал книгой об стену, об пол, так что она трепыхала листами-крыльями, билась и жалобно трещала. «Сумма теологии» и «Сумма философии» Фомы Аквинского, комментарии Николая Кузанского, «Сын человеческий» Александра Меня, «О Граде Божьем» Блаженного Августина, сочинения Иринея и Оригена, немецкая Библия Лютера, Четьи-Минеи, «Точное изложе-

ние православной веры» Иоанна Дамаскина. Он уже не швырял книги, он рвал их в клочки, толстые фолианты, свитки и инкунабулы хрустели в его руках, и тогда он топтал их ногами в молчаливом бешенстве. Он пришел в совершенное неистовство, вокруг него вихрился смерч из летучих бумажных клочков, а сам он исполнял какой-то сложный и дьявольский танец под аккомпанемент рвущейся бумаги и трещащих переплетов. Под его свирепым напором сходила на нет человеческая мудрость.

Не удовлетворяясь происходящим, он бросился в соседнюю комнату, где на стенах висело разнообразное холодное оружие, сдернул со стены меч – тонкий самурайский клинок с длинным эфесом, – и, вернувшись в библиотеку, с еще большим пылом принялся, обеими руками держа меч, крушить полки с книгами. От них поднималась едкая пыль, от которой он плакал, и ярость его не угасала, а наоборот, разрасталась, как огонь, подкармливаемый сухими ломкими ветвями, он уже не молчал, стиснув зубы, он вопил, он кричал во весь голос на том самом языке, слов которого уже давно никто не слышал, на медном гремящем языке Гомера и Гесиода:

– Мудрость! Вот вам ваша мудрость! Вот вам! Вот!

И он крушил хрупкие стеллажи острой сталью клинка, крошил переплеты, резал страницы, разрубая целые ряды фолиантов. Summus desiderantis Иннокентия VIII, ренановская «Жизнь Иисуса», «О страданиях моей души» Григория Назианзина, «Наставление в христианской вере» Кальвина, «Молот ведьм» Шпренгера и Инститориса. Вдруг, задыхаясь, он обнаружил, что меч его иззубрился. Тогда он кинул его и, снова сбегав в соседнюю комнату, вернулся с громадным двуручным мечом – образцом тевтонской доблести. Размахнувшись, он одним ударом подрубил ножки у шкафа. Целая секция с грохотом рухнула на пояс, давя книжную премудрость, и туча пыли густо повисла в воздухе. Он стоял неподвижно и оцепенело взирал на сотворенное им разрушение.

Когда пыль осела, он обнаружил перед собой лежащую открытую книгу. Он поднял ее. Это был Цельс, «Правдивое слово», тот его отрывок, который сохранился у Оригена:

«Многие безвестные личности в храмах и вне храмов, некоторые даже нищенствующие, бродящие по городам и лагерям, очень легко, когда представляется случай, начинают держать себя, как прорицатели. Каждому удобно и привычно заявлять: «Я – бог или дух божий или сын божий. Я явился.

Мир погибнет и вы, люди, гибнете за грехи. Я хочу вас спасти. И вы скоро увидите меня, возвращающимся с силой небесной. Блажен, кто теперь меня почитит, на всех же прочих, на их города и земли я пошлю вечный огонь, и люди, не сознающие своих грехов, тщетно будут каяться и стенать, а кто послушался меня, тем я дарую вечное спасение». К этим угрозам они прибавляют непонятные, полусумасшедшие, совершенно невнятные речи, смысла которых ни один здравомыслящий человек не откроет, они сбивчивы и пусты, но дураку или шарлатану они дают повод использовать сказанное, в каком направлении ему будет угодно».

Ветер совершенно осатанел. Теперь он стал видимым, ибо нес в себе песок, завиваясь наглядно прихотливыми узорами и воронками. Мес, что-то бормоча себе под нос и придерживая руками свою широкополую шляпу, шел. Ветер, несущий песок, мешал ему думать, тогда он сплетенной из пальцев фигурой молча махнул в воздухе, и его окружил прозрачный желтоватый свет, так что теперь казалось, будто его тело облеклось в сияющий, как у святого, нимб. Песок не проникал за эту завесу. Так он шел сквозь ветер.

Конечно, что там говорить, Семья вымерла. Если придерживаться принципов прямого наследования, то со смертью брата лишь я один имею какие-то шансы на главенство. Но все изменилось. Для того, чтобы стать Архонтом, не обязательно быть сыном Кронида. Ведь даже хитрый и изменчивый Малларме тоже считается Архонтом, не говоря уже о Банокке, беспутном и веселом... О Пан, сын мой! С твоей смертью подошла к концу наша эра. Я сам провожал тебя к Порогу, чтобы увидеть, как оглянешься ты, прежде чем скроет тебя мгла.

Сначала все было не так. Разве мог коварный, зловещий Бог Пустыни претендовать на мировое господство? Разве мог брат, одно упоминание о котором вызывает холодный озноб, разве мог он, разрушитель, Аполлион, наводить ужас на Буле? И разве мог он сам, герр Мес (очень смешно) отступить и укрыться, чтобы не коснулось его бремя Земли? У него заболел правый бок, и он остановился передохнуть. Вокруг выл ветер, несущийся в рыжей мгле.

Разумеется, брат уже умер. Мы быстро умираем. Раз, – и уже нет, одна смертная оболочка коченеет на одре. Сета они не хотят, но он силен. Он силен, потому что выжил. Он выжил, потому что злобен и – силен. Замкнутый круг. Модерата будет противиться и, конечно, встанет за Бакста и против Се-

та. А дорогой брат, так похожий характером на последнего, подаст свой несравненный голос за того. Он ненавидит и Модерату, и ее сына, – их главенство в Буле неоспоримо. И не остановится ведь, так и будет плести интриги, заговоры, даже, быть может, попытается убить. Да, это наверняка. Остальные не так сплочены. Малларме на все наплевать. Регана – лишь бы не отнимали ее демонского Ремесла, и потом, она птица ночная, хищная. Пан мой!

Он снова остановился, чтобы вытрясти песок из сапога. Ужасная гадость, когда мелкие угловатые крупинки набиваются в сапоги, – словно идешь по стеклу. Всегда проверяйте перед дальней дорогой, есть ли камешки в сапогах. Всегда.

Он уважал Детей Нуна. Тогда как его Семья вечно олицетворяла в мире земное веселье и свет, Дети Нуна властвовали над засмертной тьмой. Никто из Семьи не знал их так хорошо, как знал он, кого они даже принимали за своего и звали своим именем. Он знал, что выделяется среди остальных из Семьи тем, что – пограничник, вечно между светом и тьмой, проводник в сумерках, да и не любили они разговоры о смерти, даром что – хтоника, а потому – табу. И поэтому, когда он водил к Порогу страшные, безмолвные толпы – женщины, юноши, старцы, немало выдавшие горя, нежные девушки, горе познавшие только впервые, множество павших в жестоких сраженьях мужей, в нанесенных острыми копьями ранах, в пробитых кровавых доспехах, – они наслаждались близостью с прекрасными женщинами да кутили на своей, вечно тучами закрытой горушке. Но как только необходимо – ты и всегда ведь, герр Мес, посланником служишь, так вот что... Так он сказал, и вожатый послушался Аргобийца.

Из потомков Нуна остались тоже немногие. Сет. Себек. Сопду. Баст – эта наиболее привлекательна. Оси... Проклятье!

Он наткнулся на нечто. Это нечто, как он обнаружил, пошарив перед собой руками, было каменной стеной, сложенной из громадных кирпичных блоков. Следуя вдоль нее, он вскоре очутился перед высоким и темным порталом, покрытым неясной резьбой. Портал охранялся двумя статуями людей с головами ослов. Огромные каменные двери были раскрыты. Внутри храма нанесло много песка, и его высокие терриконы громоздились везде, виднеясь между колоннами и дальше, ближе к священным алтарям.

Внутри было еще темнее, чем снаружи, но здесь, по крайней мере, не было ветра. Прямо перед собой, он знал, он уви-

дит большой зал, загроможденный толстыми резными колоннами, со стенами, покрытыми желтыми и голубыми изображениями, с потолком, являющим из себя ночное звездное небо, глубокое и темное, как морские бездны. Но он направился не прямо, а свернул налево, предварительно сделав так, чтобы кадуцей светил ему. Пройдя немного, он остановился перед металлической дверью, пробитой по краям толстыми бронзовыми гвоздями. Остановившись, он постучал.

– Кто? – сказали из-за двери.

– Я.

– Имя? – сказали из-за двери.

– Герр Магнус Мес.

– Имя? – сказали из-за двери.

– Герр Магнус Мес!

– Имя? – сказали из-за двери.

– Тот.

Дверь бесшумно отворилась. Мес вошел и, не глядя по сторонам, двинулся по очень темному и очень узкому коридору к бледному свету, маячившему впереди. Коридор был длинен. Кадуцей, ярко сияющий в руке Меса, разгонял окружающую его тьму, и тогда становилось видно, что стены коридора раскрашены красным и черным с нарисованным золотом змеем-уреем – символом священной земной власти.

Он без стука вошел в застланную дымом благовоний низкую комнату. Слева от себя он увидел изображение длинного тонкого человека с головой осла, справа – изображение того же человека, но уже с острым гарпуном, пронзающим безобразного черного дракона. Прямо перед Месом высокий рыжий мужчина в пестром плаще, стоя спиной ко входу, держал в руках раскрытую книгу.

– И видел я другого ангела, – произнес Мес вместо приветствия, – и держал он в руке своей раскрытую книжку.

Стоящий резко обернулся, и его черные, глубоко сидящие глаза опалили Меса взглядом. Тот не отвел своего. Постепенно взгляд стоящего смягчился, но его лицо, желто-темное, с очень тонким безгубым ртом и маленьким подбородком, оставалось напряженным.

– А! – сказал он наконец. – Тот. Только я не дам тебе съесть эту книжку. Потому что ни в чреве твоём, ни во рту она не будет ни горькой, ни сладкой. Она очень невкусная, Тот.

– Автор никогда не ест своих книг, – ответил Мес. – Это книги едят автора.

– Очень хорошо, – сказал человек с книгой. – Но как прикажешь называть тебя?

– Только не Тотом. Меня зовут герр Магнус Мес.

Человек засмеялся. Смех его был неприятен.

– Остроумно. Очень остроумно. Герр Магнус Мес.

– А ты?

– А я – просто Сутех. Решил не лгать, да и потом, не люблю иноземщины.

– Да, Сутех.

Сутех отложил в сторону книгу, и Мес взял ее в руки.

– Хорошая книга.

– Ты думаешь? – Лоб Меса наморщился. – И как это мне удалось?

– В те времена ты был гораздо мудрее.

– Перестань.

Мес читал, Сутех стоял молча и смотрел на него.

– Знаешь что, – вдруг сказал он, чем вызвал удивленный взгляд Меса. – Давай уйдем отсюда. Перейдем в другие покои. Ветер воет и не дает мне сосредоточиться.

Мес усмехнулся.

– Сделай так, чтобы ветер утих.

– Не могу. Время от времени пустыне нужны самумы. Пойдем же.

Мес покорно последовал за ним. После недолгого путешествия по разрисованным коридорам они вошли в круглую комнату с круглым же бассейном. Круглые абажуры из белого стекла освещали наполненное густым паром помещение. Вода в бассейне была зеленовато-желтая. Пол был склизкий.

Сутех сделал знак рукой, Мес присел на одну из скамей, которые стояли вдоль стен.

– Извини, – произнес Сутех, раздеваясь и погружаясь в бассейн, – что заставил тебя присутствовать на этом моем ежедневном омовении. Здесь я всегда провожу время в глубоких раздумьях.

– Ничего, – сказал Мес.

Теперь над краем бассейна виднелись только голова и плечи Сутеха. Тело его было светло-желтым, будто слепленным из песка пустыни.

– Ничего, – повторил Мес.

– Давно здесь? – спросил Сутех.

– Не так давно. Я сразу к тебе. Теперь это не составляет такого труда. Пришлось только пробиваться сквозь бурю. Но ведь ее не сравнишь с прошлыми, верно?

По воде пошла рябь.

– Кто прошлое... А впрочем, у тебя тоже не такая уж сладкая судьба.

Мес кивнул и вновь раскрыл ту же книгу.

– Ты взял ее с собой? – послышался вопрос Сутеха.

– Угм, – невнятно ответил Мес, погруженный в чтение.

Сутех хмыкнул.

– Ты же ее написал, Тот!

– Забыл уже, – кратко ответил тот. Недолгое молчание было прервано Месом.

– Вот послушай, отличные слова: «Знай, что, овладев этой книгой, ты будешь принадлежать к живущим и пользоваться среди богов особым влиянием. Знай, что благодаря ей никто не осмелится противоречить и препятствовать тебе. Боги сами подойдут, чтобы обнять тебя, ибо причислят к своему сонму». Великолепно! Насколько я знаю, это любимая твоя книга?

Прежде чем ответить, Сутех окунулся в теплую парную воду. Вынырнув, шумно вздохнул.

– Да, – наконец ответил он. – Ты ведь не зря завел этот разговор, Тот.

– Не зря, – согласился Мес. – Я и зашел к тебе не просто так, только потому, что проходил мимо.

– В чем же дело?

– Что сказало Буле?

Сутех резко шлепнул рукой по воде, издав звук, похожий на пистолетный выстрел.

– Я еще не знаком с его решением, – справившись с собой, произнес он. – И меня не осведомляли пока о смерти твоего брата.

– Так слухи не лгали? Ты метишь в Архонты?

– Да, – просто сказал Сутех: теперь над поверхностью воды торчала одна его голова с бесстрастным, лоснящимся лицом.

– Как к этому отнесутся твои...

– Они знают, – перебил Сутех.

– И они тоже?

– Не все.

– Крокодил?

– Да, он хочет. Но я ближе к цели.

– Отрадно, – промолвил Мес, – что к власти придут, наконец, враги Осириса. Но вдруг он узнает об этом?

– Он не узнает, – быстро сказал Сутех. – Смена Архонтов происходит без его ведома. Нужно лишь, чтоб их все время было семеро.

Он снова погрузился с головой. Мес терпеливо ждал, пока он вынырнет. Когда это произошло, он спросил:

– И сколько у тебя шансов?

– Достаточно.

– Кстати, – вдруг Сутех подплыл к тому краю бассейна, где сидел Мес, – а ты сам? Твоя персона, считают некоторые в Буле, весомее моей.

– А другие считают, что лучше ты. И ты хочешь этого, а мне это даром не нужно. Пока.

– Вот именно, – кивнул мокрой головой Сутех. – Вот именно, пока. А что потом?

– Вопрос риторичен. Я не мойра, чтобы знать, что потом.

– И все-таки плохо, что ты не мойра, – бормотал Сутех, медленно плывя вдоль края. – Тогда, по крайней мере, все было бы уже известно.

– «Со времени Ра все старое исчезает и на смену ему приходит то, что молодо. Каждое утро солнце восходит и каждый вечер скрывается на западе. Мужчина оплодотворяет, женщина зачинает, свежим ветром дышит каждая грудь. Но все рожденные, все без исключения, идут к месту, которое им уготовано», – процитировал Мес.

– Уготовано ли мне то место? – пробормотал Сутех. – Или мне тоже – уйти на Запад? А, Тот?

– Не знаю, не знаю.

– Все насмешничаешь, ухмыляешься про себя. Ты хитрый, очень хитрый, Тот, – бормотал Сутех, продолжая плыть. – Ты вот тут о людях говоришь и ставишь их в пример. Люди что, Тот! Человек – это песок, сухой песок пустыни, и нет у него корней, ибо он сыпуч, и души нет, ибо сух он, а есть над ним только солнце, неумолимое, беспощадное солнце пустыни, которое жжет его и которое он называет – Судьба.

– Ты, Сет, – бунтарь, – вдруг сказал Мес. Сутех перестал плыть. – Тебе трудно, тебе сложно, потому что беспокойный. И зависть тебя точит к выдержанным, и сердце твое переполнено тьмой, и зубами ты скрежещешь, ибо ничего не можешь поделывать с собой. Давай вылазь из бассейна!

Изумленный Сутех молча слушал.

– Не слышал, что ли?

Мокрое голое тело показалось на краю бассейна.

– Спасибо, что послушался меня... Я на власть Архонта не претендую. Но если мне понадобится, я тебя сброшу. Понял? Тебя вода размягчила? Где твои зубы? Когти где?

Рыжая шевелюра Сутеха встала дыбом.

– Я твоих приказов исполнять не стану, – тихо, с затаенным бешенством произнес он и выпрямился во весь свой гигантский рост. – Плевал я на твои приказы!

– Монту поддержит тебя, – так же тихо сказал Мес.

Сутех молчал.

– Осириса, – прошептал он наконец, – я ненавижу.

– Знаю, – невозмутимо сказал Мес, сложив губы трубочкой.

– Дерзай, хочешь сказать? – крикнул внезапно Сутех и, прыгнув вперед, схватил Меса за ворот плаща. Лицо того оставалось невозмутимым.

– В последний раз он умер на кресте, – напомнил он, видя перед собой расширенные красные глаза и искривленный рот, обжигающий его горячим, как суховей, дыханием.

Сутех нехотя отпустил его.

– Это подходящая для него смерть, – проговорил он.

Мес встал, подошел к бассейну и умыл лицо и руки. Зачерпнув воды в пригоршню, прополоскал рот, выплюнув потом воду обратно в бассейн.

– Эта книга, – сказал он затем, – не для тебя. Вернее, не для тебя в твоем теперешнем положении. Ты лучше развейся делом. Ты умеешь разрушать, а больше ничего не умеешь. Вот и хорошо.

Сутех стоял на месте. Потом мелькнуло его желтое, вытянутое как струна тело – он с разбегу нырнул в бассейн. Когда голова его появилась над водой, лицо Сутеха было счастливо.

– Спасибо, Тот, – сказал он.

Хор

Владыки истины, приношу вам самую истину: ни одному человеку не сотворил я зла, нарушив клятву.

Не сделал несчастным никого из моих ближних.

Не позволял себе сквернословия и лжи в доме истины.

Не дружил со злом.

Не причинял сам зла.

Никто по моей вине не стал боязливым, калекой, больным или несчастным.

Я не делал ничего, что отвратило бы от меня богов.
Я не истязал человека.
Не морил его голодом.
Не доводил до слез.
Не убивал.
Не принуждал другого к вероломному убийству.
Не лгал.
Не расхищал имущества.
Не крал хлеба.
Не отнимал и не урезывал.
Не употреблял фальшивых весов.
Не отнимал младенца от груди его кормилицы.
Не совершал зверских поступков.
Не ловил сетями жертвенных птиц.
Не вредил разливу рек.
Не отводил течения каналов.
Не гасил огня.
Не похищал у богов жертвенных даров, которые они
выбрали для себя.
Я чист. Я чист. Я чист.

Цезарь Кобленц умирал. Тело его, длинное и плоское, одетое в просторную белую рубаху, возлежало на расписном деревянном ложе, которое было устлано голубыми и зелеными покрывалами, руки безвольно покоились, вытянутые вдоль туловища, с неподвижными бессильными пальцами. Временами он медленно открывал глаза, и тогда взгляд его, устремленный уже не туда, где жизнь, встречался с взглядами тех, кто стоял рядом в молчании. Тогда они видели его глаза, спокойные и сосредоточенные на том, что было для него сейчас главным.

Он шевелил серыми губами, они наклонялись, но ничего не могли услышать. Они качали головами, отводили глаза и невольно переводили их на узкую хищную рыбу-зубатку, чье пронзенное тонким гарпуном изображение украшало изголовье постели. И взгляд их становился жестким.

Кобленц закрывал глаза и застывал недвижим. И так же застывали, будто белоснежного мрамора статуи, те, кто стоял у одра.

И первой стояла женщина. Ее лицо, красивое и властное, было повернуто к умирающему вполоборота, так что была видна тяжелая витая серьга в ухе и плавный изгиб шеи. Волосы ее венчала небольшая рубиновая диадема в виде короны. У нее был прямой тонкий нос, голубые глаза и красивый, четко очерченный рот с полными губами. Но при таком облике в фигуре ее присутствовало что-то от величественной грузности

матрон, несущих на себе бремя жизни и мудрости. Ибо мудрость дается нелегко. Звали ее Модерата Рёдер.

Рядом с ней стоял дородный лысый мужчина. Несмотря на трагичность и тягостность минуты, лицо его не покидала широкая довольная улыбка. Его рот навсегда застыл в этой гримасе – уголки его были постоянно приподняты кверху, а широкие губы улыбались. Его абсолютно лысая голова сияла и светилась, и весь он сиял и светился желтым отсветом сытости и довольства. Он стоял, положив руки на небольшое, но объемистое брюшко, и с улыбкой смотрел в лицо умирающего. Его звали Аугусто Лента.

Чуть поодаль, в изножье кровати, одиноко и мрачно торчала высокая угловатая фигура. Человек в изножье также не отрывал своего тяжелого гнетущего взгляда от лица Кобленца. Изогнутый книзу рот был упрямо и холодно сжат, превратившись в тонкую щель, широкое скуластое темно-красное лицо с выпирающим вперед носом, похожим на боевой «ворон» грозных триер, и острым выступающим подбородком было хмуро. Он стоял, подняв угловатые прямые плечи горбура. Спутанная грива медных волос падала на плечи, закованные в стальную ребристую кирасу, на лоб, узкий и покатый. Звали человека Ахаз Ховен, и его присутствие явно тяготило первых двух, находящихся в комнате.

Но не Меса. Он появился здесь недавно. Сейчас он стоял поодаль, не приближаясь ни к двоим у края ложа, ни к мрачной и безмолвной фигуре в его изножье.

Кроме них и умирающего Цезаря Кобленца, в комнате никого не было. Она освещалась тремя бронзовыми светильниками и была очень мала. Стены были серы и голы, темные занавеси скрывали помещение от вездесущих солнечных лучей. Здесь было очень холодно, потому что близость смерти никогда не дает тепла.

Смерть никогда не дает тепла. Странная, она всегда ясно дает осознать единое и извечное правило: будь ты хоть бог, хоть человек, но должен быть срок и должна быть та четкая граница, за которой нет и не может быть жизни, а есть только холод и неизвестность.

Герру Магнусу Месу мысль эта была понятна, как никому другому. Существование его неколебимо и связно было навек сопряжено с пониманием извечных конечных истин. И если некоторые представители людской философии называли ее «философией жизни», то он с полным правом мог бы назвать-

ся «философом смерти». Он не делал этого только потому, что больше не писал пространных трактатов и нигде не пропагандировал своих идей. Это была его философия, поэтому к самой смерти он относился легче, чем остальные.

Кобленц вновь открыл глаза. Тьма Конца уже виделась в них. Модерата и Лента быстро наклонились к нему, ожидая, что он произнесет те последние слова, какие всегда невольно вырываются из коснеющих уст. Но Кобленц просто смотрел на них. Это не был бессмысленный, ничего не понимающий взгляд уходящего. Он просто спокойно и отрешенно смотрел на них, глядя, как склонились они к нему, ожидая.

Смерти нет. Есть только переход из одной плоскости бытия в другую. Есть только вечное обновление. Есть только взгляд из-за Порога на ничтожную суету живущих. Есть только срок.

Они выпрямились, разочарованные. А кадуцей Меса вдруг засветился, вспыхнул и потянул его куда-то, сквозь темную пленку барьера, лопнувшую, словно упругая материя, и он увидел перед собой странную и безжизненную местность. Это была не Земля и не другой мир, это был вообще не мир. Это был Порог, и Мес знал это. Серое вокруг постепенно темнело впереди, а потом переходило в черное, которое разделялось надвое светлой чертой. Это черное круглилось наверху высокими арками. То были два входа. Ему был известен лишь правый. Что за зевом левого и зачем он вообще, он никогда не знал.

Перед Входами на треножке пифии восседал Кобленц, его брат, но не тот уже, кто лежал там на смертном ложе, а другой, полный сил. Но лицо его было печально. С печалью смотрел он на Меса.

– Брат мой, – тихо произнес он.

Мес двинулся было к нему, но Кобленц поднял руку. – Нет. Не делай этого. Я уже ухожу.

– Я пришел, – сказал Мес. — Почему ты уходишь, брат?

– Я устал.

– Мы все устали. Однако же до сих пор Буле было неизменным.

– Оно и будет неизменным. Ты войдешь в Буле, брат.

Мес покачал головой.

– Тифон рвется в Буле. И он будет там.

Взгляд Кобленца обжег его.

– Ты зря хочешь этого. К благому это не приведет. Тифон – пустыня, он иссушит Землю знойными суховеями, он сожжет созданий наших.

– Дабы вредить Адонису, – кивнул Мес.

– И ты тоже хочешь этого? – крикнул Кобленц. – Нет, брат!

– Я ненавижу его.

Вздых Кобленца был горек.

– Я уже ничего не решаю, – тихо произнес он. – Мне конец.

Он спустился с треножника и, не оглядываясь, побрел к левому Входу. Его фигура становилась все неяснее и неяснее, пока не пропала совсем в угольной черноте за Порогом.

А Мес снова перенесся к ложу. Но на него никто не смотрел. Все взгляды были прикованы к одру. А на нем вместо так хорошо знакомой фигуры Кобленца лежала коричневая высохшая мумия – его смертная оболочка. Бессмертный дух покинул тело с именем Цезарь Кобленц навсегда.

Ховен рядом с Месом пошевелился.

– Прикажите, чтобы готовили погребальный костер, – прохрипел он и вышел из комнаты. Модерата, не взглянув на него, резко кивнула. Она все еще смотрела на останки Кобленца.

– Что он сказал тебе? – вдруг спросила она.

Мес молчал.

– Что он сказал? – повторила она, взглядывая на него.

– Передал тебе привет, – ответил Мес.

Все было кончено. Он прошел в ту же дверь, что и Ховен, и вышел на балкон. Здесь было еще холоднее. Ледяной, пахучий ветер гор дыхнул на него, растрепав волосы.

Солнце уже садилось за Гималаи, и вселенная погружалась во мрак. Лиловые хмурились горы, грозные в своем молчании, постепенно одеваясь тенью. Она, сначала цвета заката, а потом темнее, темнее, становясь затем темно-синей, напознала на мир. Но небо было еще серо-красным, как бывает иногда в горах, когда облачность делает невозможными звезды. Ближние горы были уже синими, дальние, освещенные солнцем, еще белели. Их угловатые контуры, тронутые розовым, красками света расцвеченные, сверкали. Все было в синих и розоватых тонах.

Внизу, за изломанным перевалом, темнела развалинами древняя крепость. Он стоял на балконе старинного замка, од-

ного из тех, кто помнил еще древнее зарево религии бон – религии демонов. Кобленц в последние столетия любил бывать здесь – это ненадолго восстанавливало его. И горы, сумрачно-синие, говорили об этом, и балясинки пузатого балкона, и вечернее небо говорили об этом. И камни вокруг об этом говорили.

Погребальный костер был давно готов. Он был сложен на внутреннем дворе замка, на старых, потрескавшихся плитах. Бездымное, жаркое пламя, странно-яркое в синих сумерках, миглом слизнуло ссохшиеся останки, и тот, кто давно уже был мифом, окончательно стал им.

Расходились молча.

Как замысловато искривленный кусок дерева, бумерангом называемый, пропетляв немислимо, возвращается к изначальному, так и они, когда была уже ночь, сходились на Буле. Мес вошел в зал и увидел уже прибывших первыми Модерату и Аугусто Ленту, все так же улыбающегося. Он кивнул им и занял свое место. Совет обещал быть горячим.

Он стал осматривать зал. Это было большое четырехугольное помещение, ярко освещенное и искрящееся. Стены желтые, с фантастическими изображениями сражающихся драконов: драконы красные, синие и черные. С потолка – люстра на бронзовой цепи. Три входа. Окон нет. Много мягких стульев с высокими спинками, увенчанными конусообразной шапкой. На полу – яркендские ковры.

Вошел Ховен, сел рядом с Месом. Кивнул. Не зря.

Вошли две женщины. Одна – черноволосая, с каким-то безумным взглядом черных глаз, с посохом-факелом в руке, с распущенными волосами и белым, гипсовым лицом. Движения ее были очень резкими. Ее звали Регана Цвингли. Вторая – изумительной красоты, с совершенно белыми волосами нимбом вокруг кирпично-красного лица. В ее лице, отдаленно напоминающем строгие и одновременно мягкие черты греческих статуй, в то же время было что-то мстительное и ядовитое – такой изгиб был у этого рта с пунцовыми губами, так смотрели темно-голубые глаза, словно вечный твердый лед вершин, недостижимых для смертных. Звали ее Ирид Ириарте. Сели с одинаковыми кивками.

Вошел сонный вислоносый старикашка с подслеповатыми глазками – Трифон Малларме, – пробрел к своему месту, упал на стул, заснул.

Вошел веселый коротышка с лицом, покрытым лукавыми морщинками, и открытой улыбкой – Иоанн Лерке.

Вошел Пиль.

Вошел жирный до невообразимости, похожий на громадную масляную гору, и из сливочных холмов его щек торчал красный, как морковка, ноздреватый нос. Звался Либан Бакст. Кивнул, уселся, – и закрипел под тяжестью несчастный стул.

Вошел мрачный усатый Баал Форкис с извечным трезубцем в руке, кивнул только спящему Малларме, сел.

Вошел крепкий верзила, красный и тупой, с похотливым взглядом и алым чувственным ртом – Джакомо Банокка.

Основной состав Буле был в сборе, но ждали остальных, не входящих в него. Вскоре выяснилось, что трое не придут, впрочем, как всегда.

Вошел Сутех вместе со страшнолицым, огромным, которого звали бен Кебес. Оба уселись рядом с Ховеном, слева от Меса.

Появились кубки с амброзией, которые были сразу же выпиты. Первоначальное напряжение спало. Пошел разговор.

– Живописное место.

– Давно я не пил эту жидкость. Вы заметили морщины?

– Да, место довольно красивое. Покойный был эстет.

– Морщины? Да вы прекрасно выглядите!

– Ах, смерть – это ужасно. Подумать только – Кобленц, великий Кобленц, и так вот позволил...

– Думаю, зал обставлен слишком претенциозно.

– Он не любил жизнь.

– Да, слишком претенциозно.

– Но у другой из железа душа и в груди беспощадной истинно медное сердце. Кого из людей она схватит, тех не отпустит назад. И богам она всем ненавистна.

– А нас все меньше.

– Как это верно сказано, подумать только – и богам... как там дальше? Да!

– Ведь сам ушел! Никто его об этом не просил. Не понимаю!

– Ненавистна! Да!

– Кончайте... глупости все это. Сам, не сам – вас не спросили.

– Кстати, вы видели этого... бен Кебеса? Вон он сидит. Какое чудовище! Ведь он тоже...

– Меня спрашивать не надо. Я сама все знаю.

- А кто не тоже? Все тоже.
- Да.
- Хе-хе, вы ведь их не любите? А?
- Главное – не Кебес. Главное – это то, что ушел Цезарь Кобленц. А следовательно, пришел Сутех. Вот что главное.
- А кто их любит? Ну, скажите, кто? Разве Ховен, негодяй. Я его ненавижу.
- А я знаю, что его изберут.
- Ненавидеть грешно.
- Голоса! Голоса! Мы не знаем, кто здесь за кого!
- Ах, опять моралии! Перестаньте, Малларме!
- Троих не хватает. Запомните это.
- Я сплю и вас не трогаю. На этом же основании прошу прекратить трогать и меня.
- ...морские бездны ужасны. Но они будят чувства, а это совсем не так плохо, как кажется. Чувства – это ведь так... как бы это... словом, не знаю.
- А мы ведь разваливаемся. Вам не кажется?
- Не то, не то. Розовы, розовы были горы!
- Раньше была такая веселая поговорка: «Если кажется, перекрестись». Как вам? Ха-ха-ха!
- Видите ли, дорогая, их Пантеон – это нечто особенное. Да, конечно, они тоже были связаны с людьми, но – с людьми мертвыми. Примите во внимание это обстоятельство. Слишком много было богов, связанных с загробным культом. А это значит, что люди в них нуждались. А это, в свою очередь, означает, что люди там жили не столько в этом мире, сколько в том.
- Ой, вы такой бесстыдник, Банокка!
- И вот эти двое здесь. Это только первые ласточки, будьте уверены.
- Да что вы, мадам, это такой невинный анекдот.
- Что, вы думаете, будут и другие?
- Хорошо, а что тогда анекдот неприличный?
- Неизвестно, сколько вокруг таких же, как мы, бездомных, бесцельных, безверных...
- Ха-ха-ха! Ах, да прекратите же, Банокка!
- Мы на нейтральной территории, герр Ховен. Кто может нагрянуть сюда? Местным Владыкам мы безразличны. Что им до нас? У них дела.
- Я скажу тебе по секрету, Мать Кибела, заговор – это не обязательно ножи под плащами и темная ночь.

– Война – вот что нам нужно. Хорошая кровопролитная война до тех пор, пока последний из сражающихся не издохнет. Вот что я люблю, герр Мес.

– Эмигранты!

– Я имею право на Архонство. Как-никак, я сын Кронида. И не надо... не надо мне ваших уговоров, Ирид. Вы ведь сами...

– Что, Сет?

– Бакст буянит.

– Настало время. На нашей стороне многие. Потерпи, Себек. В следующий раз и тебя...

– Пусть его. Он не добьется своего.

– Ах, Банокка... а правда, что у вас такой огромный фаллос?

– Я терплю, Сет.

– Да, мадам. Вот он.

– Нужно не допустить их, сын мой. Сможем ли? Не помещает ли нам этот рыжий дикарь? Я боюсь, Аугусто.

– Боже левый!

– Мы попытаемся, мать. Хотя я также не уверен.

– Мес, ты за нас? Смотри.

– Я боюсь, Аугусто.

– А кто еще?

– Я боюсь.

– Увидишь. Но многие, смею заверить.

– Уже скоро. Настал момент триумфа, Себек. Уже настал.

– Тогда и вы увидите, за кого я.

– Главное, не торопись.

– Мне, конечно, он не по душе, но, уверен, мне понравится кислое выражение на морде Бона дея. Я ведь не забыл, как скидывали они меня с Вершины, копытами своими по спине колотя.

– Вы такой пошляк, Банокка!

– А вы злой, Пиль.

– К вашим услугам, мадам.

– Не забудьте, ведь я – само Злословие!

– Сейчас!

Медленно и торжественно Модерата встала, зашуршало ее платье, и разговор прервался.

– По праву старшей, – объявила она в наступившей тишине, и Ховен рядом с Месом ошетинился, – я позволю себе открыть наше Буле. Все вы знаете, что сегодня ушел наш брат

Цезарь Кобленц и сегодня же были преданы его останки священному огню. Место одного из Архонтов очистилось. И вполне закономерно мы задаемся вопросом: кто вместо него?

Она села.

– Кобленц придерживался определенной политики, – заметил веселый Лерке. – Он никому не вредил, задавая тон всем.

Зашумели.

– Мы надеемся, что Буле изберет того, кому также будет дорога эта политика, – заметил Лента.

– Таких нет, – выкрикнул кто-то.

– Надоело! – выкрикнул кто-то.

– У нас свои планы, – выкрикнул кто-то.

– Кто говорит так, – проронила Модерата, – тот отступает от священных принципов договора. Мы не вредим людям.

– А мы этот договор не подписывали, – донесся голос Ирид.

Проснулся сразу же Малларме:

– Зачем же так прямо, сестрица? – спросил он дребезжаще. – Теперь намерения ясны.

– Они и были ясны, – выкрикнулся со своего места Регана. – Да скажите же ей!

Ховен ворочался на скрипящем стуле и бросал сумрачные взгляды туда, где сидели Модерата и Лента.

– Боятся? – ухмыльнулся Пиль, перемигиваясь с лукавым Лерке. – Это только цветочки.

– Хватит с нас верховенства! – зарычал вдруг Ховен, мгновенно распаляясь. – Долой мамашу и ее сына! Буле обойдется без них.

Его тут же поддержали Ирид, Пиль с Лерке (эти как будто шутили) и Регана. Мес спокойно сидел и наблюдал, посмеиваясь.

– А ты? – спросил его волнующийся Сутех.

– Потом, потом, – отмахнулся Мес. – Я сейчас не нужен.

– Зачем, – спросил Бакст, – ты это затеваешь, Ховен?

– Заткнись! – приказал тот. – Ублюдок, винная бочка! Не тебе сидеть на месте Летоида!

Бакста заглушили.

– Ну что? – насмешливо завопил Ховен, обращаясь к Модерате. – Сойдешь со своего места? Или сбросить тебя?

Модерата, разгневанная, снова поднялась.

– Мерзкий солдафон! – возмущенно произнесла она. – Уймись! Еще не остыл пепел на костре Луконосца!

– Я говорила тебе, – сказала ей Регана. Ховен раскрыл рот, загромыхал – засмеялся.

– Какими словами она изъясняется!

Сутех наклонился к Месу.

– У вас что, всегда так?

– Время от времени, – пожал плечами тот. – Нет сильной руки. Отец всегда служил сдерживающим фактором. Теперь они предоставлены сами себе. Не ведают, что творят.

Сутех отшатнулся от него.

Ховен бушевал, впрочем, с широкой неприятной улыбкой на устах.

– Я предлагаю, – сдержанно произнесла Модерата, не обращая внимания на его рык, – Архонтом избрать нашего дорогого Либана Бакста. Он достоин этого.

Бакст зарделся и стал похож на вишневый пирог.

– Тогда лучше Мес, – послышался голос Банокки..

– Вето, – произнес Пиль.

– Отклоняется, – повела рукой Модерата. Ховен, яростный, направился было к ней, но его на полпути задержали.

– Итак, все Буле... – начала она.

Наступила кратковременная пауза, и в этой паузе всплыл вдруг спокойный голос Меса.

– Предлагаю Сутеха.

– Вот и началось, – потер руки Пиль. Лерке засмеялся.

Где-то опрокинулся стул, рядом с Модератой вскочил на ноги Лента, крича:

– Вето!

Проснулся Малларме, сказал:

– Да-а, – снова заснул.

– Про! – вопил Ховен.

– Про, – подтвердил Пиль.

– Про, – сказал Лерке, улыбаясь.

– Про, – гукнул бен Кебес.

– Про, – сказала Ирид.

– Про, – безразлично произнесла Регана.

– Про, – сказал Мес.

Модерата по очереди посмотрела на остальных.

– Ну, кто еще – про? – насмешливо спросила она. – Что же вы? Ведь вы тоже в этом заговоре.

Форкис взглянул на спящего Малларме, проговорил:

– Мне все равно, – отвернулся.
– Заметьте, троих не хватает, – вскричал Лента.
– Они не в счет, – грянул Ховен.
– Ты? – сказала Модерата Банокке.
Тот пожал плечами, самодовольно ухмыляясь.
– Контра, – сказала Модерата.
– Контра, – поддержал ее Лента.
– Контра, – пробормотал Бакст.
– Хе-хе, – скрипнул проснувшийся Малларме. – Ну, дела,
– заснул.

Сутех встал со своего стула, сияющий.

– Ослобог, – поморщился Лента. Сутех рассмеялся, глядя на него.

– Теперь, – проговорил он ласково, – я буду проводить свою политику. Ведь у меня есть своя политика, Исида, и планы свои тоже есть. Непери, ты тоже помни об этом.

– Страшное дело, – восхитился Банокка. – Он ведь их всех перебьет!

– Не забудь, – предупредил Ховен Сутеха, – что Адонис тоже входит в Буле, хотя никогда не появляется.

– Не беспокойся, Монту.

– Как бы он не прислал ангела с огненным мечом, – произнес Пиль.

– Бойся, Осирис! – заорал победно Сутех, вздевая руки.

Мало-помалу все начали расходиться и исчезать, и первым исчез Малларме, превратившись в птицу.

– Ты не очень-то, – сказал Мес Сутеху. – Не сильно радуйся.

Тот, восторженный, обнял его.

– Я этого тебе не забуду, герр Мес, – взволнованно проговорил он.

– Ладно, ладно.

Над горами уже занималось утро. Горные пики были черны и остры, как исполинские черные ножи, вытащенные из ножен. Зарево вставало над замком, а по небу, красные, словно подсвеченные снизу пожаром, неслись тяжкие алые тучи.

После важного, но чересчур короткого Буле дни снова потекли спокойно. Иной раз он даже забывал, что недавно было что-то, и снова семь Архонтов у Земли. Равным образом он не чувствовал, что многое пошло на изменение. Зато он по-преж-

нему беспричинно испытывал муки тревоги, а потому знал: в мире все остается неизменным. Как было уже сказано, он не любил прошлого, как не любил и будущего: оно и впредь сулило ему неприятные сюрпризы.

Теперь он редко бывал в своей резиденции. Частые визиты в миры, населенные людьми, продиктованные велениями его Ремесла, быстро вернули его к воспоминаниям о временах давно прошедших, когда бога жили среди смертных, любя и карая. Но они были бога и тем были хороши, ибо у человека был шанс попасть в герои при жизни и быть вознесенным на Вершину. Лестно для человека, когда он знает, что бога живут не где-нибудь в поднебесье или, хуже того, не живут, но обещают когда-нибудь прийти, дабы воздать или покарать, а здесь, рядом, быть может, в соседней хижине или вон в той пещере на склоне горы.

Он часто размышлял на подобные темы. Вспоминая самую ненавистную книгу, в очередной раз поражался идиотски-простому, такому чисто человеческому определению: «Я есмь сущий». Проблема не в самом боге – ему нет дела до людских определений его естества, он сказал и забыл. Проблема в несовершенном и бедном языке, которым они пытаются или даже осмеливаются определять. И тогда Мес усмехался, пожимая плечами, – он не отказывал людям в известной смелости.

Была глубокая ночь, когда Мес прибыл на Вихрящиеся Миры, в свой дворец. Ветер гудел в верхушках лесных деревьев. Он посмотрел вверх – открылась бездна, звезд полна. Вошел в свои покои и, не успев даже принять душ и переодеться, как кадуцей позвал его.

– Что, опять? – недовольно спросил Мес.

«Да», – сказал лавровый жезл. – «Да».

Тогда Мес, вздыхая, прошел в специальную комнату, ключ от которой всегда носил на шее. Это была черная комната без окон. Три черных зеркала висело здесь. Свеча горела перед каждым зеркалом, отражаясь в его матовой темной поверхности.

Он подошел к среднему зеркалу. Огонек свечи колыхнулся, потом ярко вспыхнул и стал ровным. Зеркало не отразило Меса. Оно вообще ничего не отражало. Лишь огонь свечи ярко горел внутри него. Мес протянул руку к нему, и огонь стал прозрачным, стал живым, и не было больше темных рамок зеркала, и тьмы не было, а только огонь свечи горел, согревая

и даруя надежду, грея и давая надежду, давая тепло и обнадеживая.

Мес сказал:

– Великие Спящие Божества Космоса, те, кто без имени, те, кто родил и вскормил... Те, кто без числа и времени, те, кто спит и не просыпается, те, чьим велением все... Впустите меня!

И огонек свечи протянул ему теплую руку. Кадуцей потащил вперед, и Мес шагнул, повинувшись.

Мертвые были перед ним. Их было не так уж много, как казалось на первый взгляд. Но сначала казалось, что толпа их яростна и угрожающа и отлично знает, что делать и куда идти. Но Мес знал, что они беспомощны, ибо все они были людьми. Они стенали и плакали, потому что на самом деле понятия не имели, куда идти и что делать. Головы их были забиты разной ерундой, и они лопотали что-то о темных тоннелях со светом в конце, о бесплотности, об ангелах, о небесном парадизе. Мес не слушал их. Он сделал знак, и десятки лиц повернулись к нему, сотни глаз уставились на него и сотни ушей наострились, дабы слушать. Он произнес устало:

– Добро пожаловать за Грань. Я – ваш Проводник. Разница между нами лишь в том, что я – знаю, а вы – нет. В вашем случае разница эта превращается уже в неодолимую пропасть. Перестаньте твердить ерунду про белые ризы и рай, а лучше идите за мной.

И, поведя жезлом, он повел их за собой.

Толпа одетых в белое влеклась за ним, а он шел впереди, кадуцеем помахивая. Вокруг не было ничего. В былые времена он чаще бывал в этом неприятном месте, и единственным аргументом в пользу этого, что он признавал, было то, что он всегда возвращался, в отличие от тех, кого вел. За собой он слышал шарканье множества ног, становящееся все громче и громче, нарастал смутный гул, и по опыту он знал, что мертвых прибавляется. Они возникали и появлялись с разных сторон. Ему не надо было оглядываться, чтобы знать: он ведет уже огромную толпу.

Так было пройдено много, и вот стал виден конец. Впереди показались темные арки Входов. Когда подошли ближе, оказалось, что прямо перед ними протекает узкий, прямой, как нитка, ручеек. На берегу этого ручейка сидел мрачный темный человек и курил сигарету. Он был одет в черную рубашку и потертые джинсы.

Мес махнул ему рукой.

– Здорово, – откликнулся человек, вставая и отряхивая зад. – Привел?

– Принимай, – сказал Мес.

– Эй! – заорал человек, адресуясь к мертвым. – Проходи по одному! Вон в тот Вход, в тот, что справа!

И он стал с мрачноватыми загробными шутками переводить мертвых через ручей. Вскоре ему это надоело, и он подошел к Месу, на ходу вытаскивая из кармана бутылку. Они медленно и со вкусом выпили, глядя, как мертвые осторожно и с недоверием перешагивают через вялый холодный ручеек, исчезая затем в пасти Входа. Человек в джинсах предложил Месу закурить. Некурящий Мес отказался. Человек в джинсах закурил. Они присели на бережок. Мертвые переходили.

– Давно ждешь? – спросил Мес.

– Только прибыл, – кратко ответил тот. Они снова собрались выпить.

– Простите!

Они подняли глаза. Перед ними стоял небольшой старичок с аккуратной белой бородкою. С его лица не сходило удивленное выражение.

– Простите, – повторил он. – Но я никак не могу понять. Ведь я умер?

– А как же, – неумолимо сказал мрачный.

– Но что тогда... это? – Старичок повел рукой вокруг.

– Это – Порог, – вежливо проинформировал его Мес. – Место, к которому приходит всякий, рано или поздно.

Старичок, видимо, не поверил. Он начал горячо и странно говорить об Аиде, Вальхалле, Эдеме, Шеоле, Миктлане и Хель. Мес и человек в джинсах слушали не перебивая, последний – даже с интересом. Когда старик иссяк, человек в джинсах спросил его:

– Ну и что?

– Как что! – воскликнул старик с явным намерением пересказать все сначала.

– Кончай, – сказали джинсы. – У вас, людей, фантазия просто неудержима. На деле же есть – вот он да я да вот этот Вход, тот, что справа. А больше ничего.

Тогда старичок рассказал им о Танатосе и его объятьях, о семи кругах ада и о ладье Харона. На этот раз его перебил Мес.

– Вы склонны к олицетворению, – произнес он. – Но существуют вещи, которые не нуждаются в персонификации. Не было ни Танатоса, ни Гипноса. Не было.

– А я никогда не умел грести, – прибавил мрачный. Старичок, расстроенный, поплелся ко Входу и вскоре исчез.

– Шевелись, – орал джинсы, жестикулируя.

Мертвые переходили Порог. Внезапная мысль осенила мрачного.

– Ты никогда не видел, что там, за Порогом? – спросил он. Мес качнул головой.

– Никогда. Обратно не выходят.

– Что же там, по-твоему?

– Хаос, – проронил Мес.

Человека передернуло.

– Давай, давай, – еще пуще завопил он мертвым. Те шли. Достоверно известно: боги – дети Хаоса. Мес не верил в красивые легенды, но эта многим казалась былью. Приятно выводить свой род от Хаоса. Если как следует напрячься, то даже можно вспомнить... как там Пиль говорил... безумные сладкие... черные ветры Хаоса... а я лечу в них... наслаждаясь, ликуя... паря на невидимых крыльях... нет, не помню я ни черта.

Последние мертвые исчезли под аркой Входа.

– Выпьем, – торжественно объявил человек в джинсах, доставая бутылку, – за очередных смельчаков, пустившихся на поиски неведомого.

– Выпьем, – сказал грустный Мес.

Выпили.

Обратный путь он проделал один. Когда снова оказался в черной комнате, задул свечу, и она погасла. Он отправился в душ и здесь, лежа в теплой ванне, уснул.

Приказ настиг его прямо здесь. Приказ безмолвный, всепроникающий, неотменный, неодолимый, неотвергаемый, ослепительный, щедрый, неописуемый, неповторяемый, неповрежденный, неизреченный, безвременный, неотложный, зажигающий, явленный в молнии.

В общем, он снова требовался.

Он с кряхтением выбрался из ванны, долго вытирался пушистым белым полотенцем. Брился. Потом шел тихими пустынными залами, ударами ноги распахивая резные деревянные двери. На середине одного из залов оказалась навалена

большая куча белых камней. Мес взобрался на нее и застыл в неподвижности. Потом его не стало.

Садилось красное медное солнце, постепенно остужая свой жар в голубом мареве горизонта на западе. Белое плато вокруг было пустынно. Вдалеке на красновато-желтом небе отпечатались темно-синие горы. Стояла тишина, лишь в трещинах между камнями стрекотали сверчки.

Он вышел из развалин ротонды. Стол уже ждал его, стоящий у подножия растрескавшегося желтовато-белого фундамента. Хозяин Стола поднял фужер с вином.

– Мы ждали вас, – провозгласил он. – С очередным возвращением!

– Рыбы не подал? – ворчливо осведомился Мес, садясь за Стол.

– Никакой рыбы, – воздел руки хозяин. – Нам два раза повторять не надо.

– Поедим, – пригласил Мес.

Они начали есть. Стояло – куропатки в винном соусе, круг жирной сочной колбасы, овечий сыр, хлебы, зелень, помидоры, большая плетенка с вином.

– Легкий ужин, – заметил Мес, обсасывая косточки.

Хозяин поклонился.

– Новости?

– Все своим чередом в великих стенах Космоса.

Мес прищурился.

– Ну, а то, что вне их?

– А об этом нам ничего не известно, – так же хитро прищурился хозяин Стола.

Мес поднял и выпил свой фужер.

– Хорошо, – сказал он, вставая. – Хорошо.

– Стены сдерживают Хаос, – вдруг произнес хозяин. Он не поднимался из-за своего Стола. – Они крепкие, стены. Но Хаос все равно нашел лазейку. Хаос поселился в умах и сердцах.

Мес поднял руку и жезлом смахнул со Стола плетенку – темное вино брызнуло на белые камни.

– А вот об этом, – спокойно сказал он, – прошу тебя никогда не говорить. Что ты знаешь о сердцах, говоря так значительно? И что знаешь ты о Хаосе, ты, дух?

– Ничего, господин, – тоже спокойно ответил хозяин.

– Прости, господин.

Мес еще немного постоял.

– Ну, я не знаю, – проговорил он, двинувшись в дорогу. Не оборачивался. Все равно исчезнет.

Обиталища Снофру достиг скоро. Слепящий камень плато сменился угрюмым молчанием темных стен. Присели возле них изваяния с каменными лицами. Острые яркие лучи протыкали темное пространство помещения позади Омфала, исходя из узких щелей с поверхности. Снофру вышел навстречу Месу.

– Сегодня вы вовремя, герр Мес, – произнес он, как-то странно ежась.

– Что Арелла?

– Она готова.

– Пусть не впадает в транс, – пошутил Мес, усаживаясь в кресло и принимая от Снофру традиционную чашу. Тот вдруг ухмыльнулся.

– Она знает, что делать.

– Приступайте, коли так.

Он открыл окошечко, и вот что странно: он не услышал обычного людского гомона, переполнявшего в этот час святилище Трижды Величайшего. Да, ошибиться здесь было невозможно – огромный чертог был пуст, только переглядывались между собой громадная статуя Трисмегиста и тихо и загадочно улыбающиеся лики под потолком. Пуст был и каменный помост жрицы. Хор бормотал – точно скопище косноязычных уличных певцов.

Дам! – булькнул глухо гонг. Среди молчания храма и казавшегося ненужным шума, издаваемого хором, где-то далеко скрипнула дверь. Через огромное пустое пространство, огибая статую, к Арелле, выросшей на помосте, шел человек. Он был один, и подавляющее величие Омфала подчеркивало это, как бы говоря: «Что за мелкое насекомое ползет по моему телу?» Человек приблизился, и Мес увидел, что на нем золотом, самоцветами сверкают богатые одежды, и блеск металла ложится снизу на его лицо, делая его каким-то неживым, точно отлитым в виде драгоценной погребальной маски. Медальность его облика особенным образом подчеркивали его глаза – холодные и немигающие, они льдисто смотрели с красивого, в бронзе отлитого лица.

Человек остановился недалеко от помоста.

– Оракул слушает тебя, – промолвила жрица, и подобрался позади помоста Мес.

Насмешливой улыбкой сморщились губы живого изваяния, стоящего перед ней.

– Воистину говорят, – гулко сказал он, – те, кто ближе к богу, со временем становятся чересчур высокого мнения о себе. Ханжество – болезнь нашей эпохи. Кто ты, женщина?

Жрица изумленно заморгала – так с ней еще не разговаривали. Но мгновенно прежняя маска, внезапно сдернутая этим человеком, вновь легла на ее лицо.

– Я Арелла, жрица этого оракула, – громко и гордо сказала она. – Но кто ты, спрашивающий?

– Мое имя Зет Браганса, – проронил человек. – Недавно я стал королем этой страны. Твой оракул, Арелла, также входит в мои владения.

– Вотчина бога не может быть под властью человека, – отчеканила жрица.

Медленная улыбка всползла на лицо Зета Брагансы, короля, раздвинула губы.

– Бог далеко, Арелла, жрица.

Мес за стеной почесал затылок. Жрица отшатнулась.

– Как можешь ты, – в волнении воскликнула она, – как можешь так говорить здесь? Трисмегист слышит тебя!

Человек затрясся в тихом смехе, и было это тем страшнее наблюдать, что черты его лица почти не изменились, а глаза продолжали оставаться холодными. Отсмеявшись, он сказал:

– Я не верю в богов, Арелла, жрица. Мне они ни к чему. Единственный во всей Вселенной, я остаюсь вечным атеистом.

– Но сам ты не вечен, человек, – раздельно и бесстрастно сказала она. – Чем может служить тебе бессмертный оракул? Или ты пришел глумиться над беззащитными слугами Трисмегиста?

– Но ты сказала, что грозный бог слушает меня, – насмешливо произнес Браганса.

– Миры людей – мерзь и зло, – устало сказала Арелла. – Мы верим Трисмегисту. Однако мы знаем, что он не сможет защитить нас от всех несчастий. Болезнь и порок подстерегает всякого, и отвратить их от нас – долг прежде всего наш, а не Трижды Величайшего. Хватает и того, что он спасает нас от загробных мучений в скитаниях души по серой вечности Порога.

Браганса подошел ближе. Он слушал.

– Трисмегист заботлив, – говорила жрица. Глаза ее заблестели. – Он – добрый пастырь. Его благость не стоит наших черствых душ. Его сила бессильна поколебать столп нашего неверия. Даже слова его, мудро прорицающие, болью отзываются в сердцах лишь немногих. В сердцах же остальных они поднимают только облака рыхлого ила тупоумия. Но немногие эти, болью возвращенные, прозревают и осязают боль мира.

Мес у своего окошка с восхищением смотрел на нее. Он даже забыл о чаше с вином, стоящей у него на коленях.

– Послушай, Снофру, – прошептал он, не отрывая глаз от напрягшейся, смуглой фигуры жрицы, – послушай, как она говорит!

– Она говорит истину, герр Мес, – ровно ответил жрец. Браганса тем временем, воспользовавшись паузой в словах Ареллы, вставил:

– Ты у оракула, жрица, не забывай об этом. Слова его сбивчивы и неясны, как неясен сам облик этого вашего бога, но все-таки он существует, и люди, мои люди, идут к нему. Ты не забывай об этом, жрица.

Арелла наклонилась к нему, и запах благовоний, смешанный с запахом ее разгоряченного тела, видимо, почувствовал Браганса: ноздри его дрогнули, и плотоядно блеснули холодной изморозью тронутые глаза.

– Задай вопрос, – попросила она. – Задай один-единственный вопрос, король.

Тот отступил на шаг – так поразила его вдруг ее странная, нечеловеческая красота.

– Один вопрос, – повторила она. Браганса разлепил губы.

– Хорошо, – сказал он. – Я исполню твое желание и выслушаю слово оракула. Но не думай, что я последую ему. Об этом мне еще стоит поразмыслить. Итак, – возгласил он громко, – я, Зет Браганса, суверен всех этих земель, спрашиваю тебя, Трисмегист: что ждет меня в будущем? И дай на этот мой вопрос, сумбурный и расплывчатый, свой ответ – четкий и прямой.

Мес улыбнулся за стеной.

Рядом с Брагансой упал камень. Он упруго отпрыгнул в сторону, еще два камня упали, разбиваясь, мельчась на осколки, еще упали камни, еще упали. Он взглянул вверх. Статуя Трисмегиста, огромная и торжествующая, размыкала скрещенные до этого руки на груди. Браганса попятился. Улыбка

статуи уже не была загадочно-ласковой, она на глазах превращалась в гневную гримасу. Гигантское изваяние с каменным грохотом развело руки в стороны: одна, сжатая в кулак, опустилась вдоль туловища, другая устала перст на Зета Брагансу, карлика у пьедестала, который все еще осмеливался взирать снизу вверх на происходящее, не падая ниц от священного ужаса.

– Зет Браганса! – Голос этот не был оглушающим, бросающим на колени помимо воли трубным рокотом. Это был просто Голос, и исходил он из уст статуи. – Ты спрашиваешь, каково твое будущее? Однако я не статуя командора, чтобы утаскивать тебя в ад. Говорю тебе: ты умрешь своей смертью, Зет Браганса, и лишь потом рассмотрятся твои грехи. До той же поры живи как жил, но не гневи более богов несвязным своим языком!

Пока исполинские руки вновь принимали прежнее положение, пока появлялась вновь загадочная улыбка, пока гремело эхо под сводами Омфала, Браганса стоял неподвижно, лишь мелкие капельки пота выступили у него бисером на лбу. Что касается жрицы, то, неподвижная, пораженная явленным чудом, лежала она на помосте, раскинувшись крестом. И еще раз произошло это, когда на слова пришедшего в себя Брагансы: «А статуя-то полая!» грянуло из уст каменного Трисмегиста:

– Червь! – и камень величиной с те, что, вращаясь, вылетают из боевых пращей, ударил его в щеку, повалив наземь.

В своей комнатухе Мес, уставший донельзя, не глядя на давно лежащего на полу Снофру, подпер голову рукой, бормоча:

– Дешевый трюк!

Хор

Вспомню, – забыть не смогу, – о метателе стрел Аполлоне. По дому Зевса пройдет он – все боги и те затрепещут, с кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он ближе подступит и лук свой натягивать станет. Шутки изволит шутить Аполлон дальнострельный, могучий: все бы ему веселиться, Кронидову сыну незлому, время в пирах проводить и в охотных облавных забавах, дев полногрудых ласкать да мелодьи играть на кифаре, дивно, высоко шагая. Вокруг него бле-

щет сиянье, быстрые ноги мелькают, и пышные выются одежды.

Горе нам, горе, не стало уж Феба меж нами – в сумрачный дымчатый Хаос, стеная, навек удалился, лук свой забросив и стрелы, и сладкую песню кифары, и мудрость, любовь свою к людям, которые, хоть бы и смертны, были богами любимы. О горе нам, горе, несчастным!

Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас, там воцарился, заняв Аполлоново место. Силою были и жадной деяний исполнены руки мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами сотня голов поднималась ужасного змея-дракона. В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями пламенем ярким горели на главах змеиных огромных. Взглянет любой головою, – и пламя из глаз ее брызнет. Глотки же всех этих голов голоса испускали невыразимые, самые разные: то раздавался голос, понятный бессмертным богам, а за этим, – как будто яростный бык многомогущий ревел оглушительным ревом; то вдруг рыканье льва доносилось, бесстрашного духом, то, к удивлению, стая собак заливалась лаем, или же свист вырывался, в горах отдаваясь эхом.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона. Силу его и отвагу никак позабыть не могу.

Мир Ахаза Ховена был миром войн. Это был истинно Вихрящийся Мир, в котором не было ничего, кроме крови и смерти. Он разительно отличался от мира Меса, загадочного в своем золотом существовании под теплым морем солнечных лучей. И, тогда как мир Меса в своем бытии опирался на глубоко залегающие в недрах вселенной законы жизни и смерти, мир Ховена покоился лишь на холодном и равнодушном молчании смерти. Только здесь смерть теряла свой сакральный и уединенный характер и из неотвратимой спокойной неизбежности превращалось в нечто шумное, буйное, красное, даже карнавальное. Она была здесь уже обыденностью, еще более обыденностью, чем была когда-то в прошлые века. Мир Меса был пуст и полон тайн. Мир Ховена поражал глаз и оглушал слух необычными картинками, неистовой какофонией звуков, и все это напоминало почему-то пиршество – но пиршество мрачное, застолье во время мора.

Длинные вереницы черных птиц тянулись через все небо. Горький дым жег ноздри.

Мес засунул руки глубоко в карманы – было холодно. Налетал ветерок, остро обдувал лицо и грудь, свистел в развалинах серой беседки, где только что появился Мес. Беседка эта стояла на невысоком холме, ее обвивал плющ и цепкие колючие ветви еще какого-то растения, усеянного ядовито-желтыми цветами. Перед ней мрачный расстилался и безрадостный ландшафт. Неровная, изрезанная острыми оврагами местность к западу резко понижалась, переходя в крутой угловатый обрыв. Вся она была испещрена низкими искривленными силуэтами безобразных деревьев, похожих на виселицы. Над обрывом воздвигался гордый замок с флагами и флюгерами, островерхими башнями и зубчатыми стенами. Замок был осаждаем, вернее, так казалось сначала. Но, приглядевшись, Мес понял, что никто не лезет на высокие стены, никто не забрасывает фашинами ров и никто не приставляет штурмовые лестницы. Две шумные, непутевые орды, обретавшиеся под стенами, сражались между собой, а замок, как ни странно, походил больше на беспристрастного, скушающего наблюдателя за детским шлепапутством драки, кипящей рядом с ним, чем на обреченную твердыню.

Дорога к полю боя была тяжелой и длинной. Мес подолгу застревал в мокрой глинистой почве, огибал извилистые глубокие овраги, словно разрезы, оставленные большим скальпелем, из которых давно вытекли соки земли, но которые еще не зажили, пробирался между колючими деревьями, похожими на виселицы, и иногда оказывалось, что это и в самом деле виселицы, некоторые пустые, некоторые занятые давно разложившимися трупами, качающимися в каком-то медленном танце. Танец висельников. Рембо.

И вот, наконец, он подошел к замку. Вблизи он не был виден весь, а видна была лишь одна его стена – она оказалась на диво высокой. Ни одна штурмовая лестница не смогла бы достать до ее верхушки. Он присвистнул, глядя вверх. Рядом с ним сражались. Мес остановился и начал глядеть на битву: ворот в стене, через которые можно было бы попасть внутрь, нище не было, и он хотел спросить об их местонахождении. Но люди рядом с ним бились с ожесточением, с глухим рычанием, Мес видел их тупые, странные лица с неподвижными глазами, они заносили для удара короткие мечи, направляли в цель копыя и ассегаи, ударяли друг друга палицами и булавами, били молотами и чеканами, крутили над головой боевые цепи, стреляли из луков, метали пращами камни. Эти люди

были очень заняты, и Мес отвернулся, решив отыскать ворота сам.

Он их вскорости отыскал. Ворота были – крохотная калиточка, покрашенная под цвет камней, так что он даже не сразу ее заметил. Рядом на шнурке висел молоток, каковые молотки обычно украшают собою монастырские ворота. Постучал. Сразу же хриплый голос произнес:

– Кто?

– Да вы что, сговорились, что ли? – заорал Мес в возмущении.

– Кто? – настаивал голос.

Мес затарабанил кулаками в дверь.

– Вчерашний день, – орал он. – Открывай!

– Имя?

Он решил не упрямиться.

– Герр Мес.

И дверца растворилась. За ней никого не оказалось. Взбешенный Мес прошел через двор, мощный неровным галечником, и начал подниматься по длинной лестнице наверх, в замок. Здесь, на лестнице, и встретил его сам хозяин замка. Ахаз Ховен стоял, расставив ноги в красных сапогах, положив руку на эфес меча, и широко склабился. Судя по этому, он был вроде как рад дорогому гостю.

– Надо было пароль сказать? – сухогато приветствовал его Мес.

– Рад, рад, – произнес Ховен, не обращая внимания на эти слова. – Вот уж не знал, что ты явишься. Тебе был бы оказан великолепный прием.

– Мне уже был оказан такой прием, – не унимался злопаямный Мес.

Ховен расхохотался, широко разевая рот.

– Люблю тебя за эту самоуверенность. Ну, пойдем.

И он, держа Меса за руку, повел его за собой. Тот потихоньку высвободился, но Ховен снова схватил его за локоть, сжимая как клещами. В этом неудобном положении поднялись по узкой лестнице, что доставило Месу массу неудобств, в смотровую башню.

Отсюда побоище под стенами замка было видно куда лучше, чем с холма. У Ховена, глядящего на битву, обветренное грубое лицо восторженно закаменело, налились желваки, приоткрылся рот.

– Смотри, – закричал он, не отрывая глаз от сражения и продолжая сжимать руку Меса, – смотри, как они дерутся! Ты только погляди на это!

Мес зашипел от боли, но произнес:

– В самом деле... прекрасно...

– Да? Да? – спрашивал Ховен, блестя глазами. – Моя школа, клянусь Хаосом! Я учил их, мерзавцев!

И он раскатывал «р», грохоча и рыча.

– Ну ладно, – произнес он потом, неохотно отрываясь от любимого зрелища, – ты прибыл сюда. Зачем? Я думал, мы не увидимся до следующего Буле.

– Долг пригнал меня сюда, Ховен, – сказал Мес.

– Долг? Перед кем?

– Перед самим собой. Я не могу дожидаться следующего совета.

– Хорошо. Пойдем.

Теперь очутились в небольшой полукруглой комнате, находящейся здесь же, возле смотровой площадки. По неровным стенам были развешаны сабли, мечи, шелепуги, луки, щиты с изображением коршуна, прочая боевая утварь. Отдельно висела целая коллекция огнестрельного пулевого оружия начиная с пищали времен битвы при Павии и кончая двухвековой давности автоматами различных систем, – все это великолепно сохранившееся.

На столике Мес увидел брошенный сверху корешком томик Мольтке. Рядом, снабженные множеством закладок, лежали сочинения Клаузевица.

– Обогащаюсь, – сказал Ховен. – Ты голоден с дороги? Жаждешь?

– Не откажусь от бокала вина.

– У меня есть амброзия.

– Боишься постареть? – усмехнулся Мес.

– Боюсь, – совершенно серьезно ответил Ховен. – Я пью ее каждый день. Пристрастился.

– Это пошло на любителя. Но ничего, давай.

Они уселись в пододвинутые Ховеном кресла с бокалами пурпурной жидкости в руках, и Ховен приготовился слушать. Но Мес молчал.

– Хорошо, – наконец сказал Ховен, скрипнув зубами. – Но всего я тебе не скажу, так и знай.

Мес сделал крупный глоток.

Специфический, резковатый вкус жидкости напомнил о прошлом, и он, полузакрыв глаза, откинулся в кресле, чувствуя, как начинается действие напитка. Если долго не пить амброзию, а потом вдруг выпить много и одним махом, сначала приходит напряжение в теле, затем неизвестно откуда взявшийся прилив сил встряхивает его...

– Воспрянь, – раздался голос Ховена, и Мес открыл глаза.

– Я давно не пил амброзии, – словно оправдываясь, произнес он.

– Чем же ты держишься? – удивленно спросил тот.

– Собственными силами. Я еще сохранил кое-какие резервы.

– Я слышал, – презрительно протянул Ховен. – Верой питаешься. Что ж, и это неплохо – за неимением лучшего.

– Я так не считаю, – равнодушно пожал плечами Мес.

– А как ты считаешь? – зарычал вдруг Ховен, близко наклоняясь к нему. – Ты считаешь, это хорошо, что в Буле сидит Бона Деа со своим вечно скалящимся ублюдком-сыном? Ты считаешь благими их намерения насчет людей?

– Давай поговорим начистоту, Ховен, – проговорил Мес, тоже распаяясь от этого неожиданного приступа ярости. – Только не нужно уваливать в сторону, как это делает большинство из наших. После всего того, что произошло, после того, как я поддержал Тифона в его стремлении занять место в Буле, после позора Бакста, – ты и теперь обвиняешь меня в невмешательстве? Пойми, у нас общий враг. Но он, так сказать, трансцендентен, он не в мире, его не уловишь, а его обещания о втором пришествии я лично считаю пустым трепом. Что прикажешь делать? Я подумал – хорошо бы, если Сет сел на место брата. Единственное, что нам остается делать, и ты знаешь об этом не хуже меня, – вредить людям. Ибо они – создания его, и, причиняя вред им, вредишь тем самым ему.

– Я знаю, – сказал мрачный Ховен.

– Буле за нас, и если ты полагаешь существование нашей партии мифом, я докажу тебе, что она – реальность, и притом абсолютная. Модерата осознала это на Буле. Они с Лентой думали, что я встану на их сторону, на сторону филантропов. Но я оказался мизантропом, и их это неприятно поразило. Я – их противник. И ты – их противник. И Тифон – их противник, и Мом, и Гелос – этот не знаю, по какой причине, – и Геката, и Ирид. Малларме все равно, как и Форкису, – они одного

моря ягоды. Приап тоже равнодушен. Чем тебе не парламентская борьба? Но с приходом Сета начался новый раунд, и еще неизвестно, выиграют ли Мелайна и Лутос либо же наоборот.

– Я надеюсь на последнее.

– Уф! У меня совсем пересохло в горле, – проговорил Мес, прикладываясь к бокалу.

– А ты, оказывается, мизантроп. По твоему прошлому этого не скажешь.

Мес взглянул на него.

– А какими вообще были наши отношения с людьми? – спросил он. – Ты когда-нибудь задумывался над этим? Хорошо, мы вступали в близость с их красавицами. Верно, мы плыли героев. Дальше этого не шло и нас это ни к чему не обязывало. Однако мы им были нужны. Мы исполняли их желания, если эти желания шли нам на пользу. Мы помогали им, и они по наиву своему думали, что мы бескорыстны. Мы были владыками, недостижимыми и великими, но мы ведать не ведали и не думали даже, что это от них, да, да, от этих безъязыких, тупых червей зависит наше существование. Что, ты думаешь, мы дымом их жертв питались? А ты был когда-нибудь в Освенциме? Я был там, и в Бухенвальде был, и в Майданеке. Вонь непереносимая исходит от сгоревшей плоти. Да я всегда ненавидел этот запах! Проклятые испарения! Нет, мы жили их верой. А они всегда горой вставали на нашу защиту. Титано-бойня – так их, правильно, что сунули их в Тартар, надо было вообще убить, дабы навсегда избавиться и так далее! Отец наплодит себе очередных детушек – вот так здорово, будут еще великие цари, чтобы не прерывался род героев! И вот к чему привела эта филантропия, начиная с Паллады и этого придурка, который свистнул огонь. Прошло не так уж много времени, и люди, эти «хорошие» и «способные», нашли, что мы – совсем неправильные. Мы – ненужные. Мы – языческие. Мы – коварные и недалекие, под стать демонам, живущие лишь себе на пользу, а на них совсем не обращающие внимания. Мы – чуть что, так – молнией по макушке, чуть что, так – в камень их, чуть что, так – глыбину в гору кати, вычерпывай бездонную бочку, страдай от голода и жажды, вражайся, привязанный к огненному колесу... Но есть один среди нас. Он – хороший. Он – правильный, только потому, что вовремя сумел прельстить их обещаниями. Он – мученик, умирает, воскресает, страдает, – бедняжка! Что проще – делай, как он говорит, – и после смерти – заметьте это обстоятельство! – по-

падешь в прекрасные сады. Делай так – и победишь! Стучись – и откроют. Проси – и дадут. Только вот куда дадут, когда и чем – вопросы немаловажные, а особенно в этих обстоятельствах. А главное – не убей кого-нибудь. Вот враг даст в глаз тебе – терпи, ибо он все равно не враг, а – хороший. Он тебе – в зубы, потом опрокинет, мордой начнет возить по земле, ногами – под ребра, под дых тебе, по почкам, по почкам, а ты – молись за бьющих тебя, причем молись не во вред, а во благо, благословляй их и не чини им зла. Ведь он обладает великолепным юмором! Это надо же – выдумать такую доктрину да еще заставить верить в нее, прославлять ее! Это надо же, мы – демоны, а он – это уже не он, а – Он. Вот ведь как! ООООООн. Выдумал себе какого-то неизвестного, непостижимого, всепоглощающего, запредельного, способного зачинать духом родителя. Где такой? Покажите! Пальцем, пальцем ткните – где он такой есть? Сколько я дорог всяких исходил, сколько знаю путей, а его не видел, и никто не видел его. Но ты будь любезен – поверь бездоказательно, без демонстраций чудес, просто так. Он – есть. А нас – нет. Верь, пожалуйста, человек дорогой!

– А тебя здорово пробрало, – заметил Ховен, когда Мес остановился, чтобы перевести дух. – Я по скудоумию своему не пришел бы к таким выводам. Мес, ты извечный пессимист. К этому тебя обязывает твое Ремесло.

– А тебя к чему обязывает твое Ремесло? – спросил тяжело дышащий Мес.

– А ни к чему. Я – война. Я – разрушение и лютая злоба. Я, так сказать, пролог к тебе.

– Ты действительно скудоумен, – сказал Мес. – Я тебе одно скажу, а ты над этим на досуге подумай, – чем были бы мы, если бы не люди? Именно чем, а не кем? Кем бы мы правили? Кого бы наказывали или вознаграждали? А я тебе отвечу – мы были бы просто населением этой планеты, и нас бы тоже открывали, а потом говорили: «Тип жизни теический». Или просто, как и про них: «Тип жизни гуманоидный». Ведь мы даже обликом походим на них. Мы можем существовать только здесь или очень близко от Земли. Лишь этим мы еще и живы. А так – ничего у нас нет: ни веры, ни почитания, ни Ремесла.

– Ты-то хорошо устроился, – сказал Ховен. – У тебя есть вера.

– Они, – сказал Мес, – хоть и люди, но живут не на Земле. И потом, оракула недостаточно. Кому он нужен?

Это просто занятие, времяпрепровождение, хобби. Вот если бы святилище, настоящие жрецы, ежедневные службы... – глаза его затуманились, и он вдруг резко оборвал себя: – Нет, Ховен, ты не прав: мы хиреем. У нас ничего нет.

– Ха! – сказал Ховен. – Мне на все это наплевать. По инерции занимаетесь вы своими Ареолами, а я – так просто из удовольствия. Ты видел, как бились эти люди там, под стенами? Я внушил им боевой дух, я дал им мощь и оружие, и вот, они дерутся. Мес, человек – это злоба. Злоба движет им, когда он воюет, она – повод для разрушений и кровопролития, он уже не останавливается, он заведен как некий замечательный механизм, он совершает однообразные движения: взмахивает мечом, нажимает курок, поджигает фитиль, марширует – ать-два, ать-два! Великолепно. Человек просто совершенство. Я люблю его.

– А он любит тебя. Этим ты еще живешь: сами не ведая того, люди приносят тебе кровавые жертвы, а ты после этого еще говоришь, что только я питаюсь верой. Нет, Ховен, тебе не нужно пить амброзии: ты будешь жить вечно. Ховен осклабился в улыбке.

– Это точно, – и он хлопнул изо всей силы Меса по плечу.

– А ты, – спросил он его, – ты еще водишь людей к Порогу?

Мес разглядывал свои ногти.

– Вожу, – ответил он неохотно. – Он внушил им всякую дрянь про Грань. Они просто напичканы ею! Но я их от этого отучаю.

– А что там, Мес? – спросил внезапно Ховен. – Что там на самом деле?

После паузы Мес ответил:

– Не знаю, – и еще раз: – Не знаю.

– Ну, если уж ты... Этот, как его... Адонис, Аттис, Осирис, в общем, этот еще ничего не узнал, хотя говорят, что уже заявлялась парочка его вестников, выспрашивали, что да как. Они уж ему доложат.

– Он никогда не знает, что происходит на самом деле, – отрезал Мес. – Пиль наврет ему с три короба, да и я постараюсь. Мом – он даже не врет, он впрямую насмехается, дурак, как будто не знает, чем это может кончиться.

– И чем же? – тяжело воззрился на него Ховен.

Мес сделал отрицающий жест.

– Он просто про нас забыл.

– Напоминать ему не надо, – загромыхал-засмеялся Ховен.

– Я бы хотел навестить его, – сказал Мес.

Ховен резко закашлялся и замолчал. Он во все глаза уставился на Меса, и тот увидел, как снова они наливаются угрожающей краснотой.

– Как ты достигнешь его? – Голос Ховена был хрипл. – Никто не знает, где его искать.

– Пути я знаю, – сказал Мес.

– Ба, да я забыл, что ты у нас личность таинственная. Все про все знаешь, но молчишь, потому привлекаешь к себе внимание.

– Зато ты никогда не отличался сдержанностью.

Они улыбнулись друг другу. Ситуация была разряжена.

– Что ты хочешь сделать с этими... филантропами? – спросил его Мес.

Ховен, похоже, научился владеть собой: лишь руки его задрожали.

– Я их потихоньку уберу, – пояснил он.

– Это как же?

– Тихо.

– Убьешь? – шепнул Мес.

– Может быть.

– А нельзя... как-нибудь иначе?

– Как?

– Тебе виднее.

– Это почему же мне виднее? – ядовито ухмыльнулся Ховен. – Это тебе виднее. Ты же у нас... маг, чародей. Подумай.

– И думать не стану, – ответил Мес. – Вот когда у вас ничего не получится, когда придете в тупик, там найдете меня. И я дам вам совет. Кто помогает тебе?

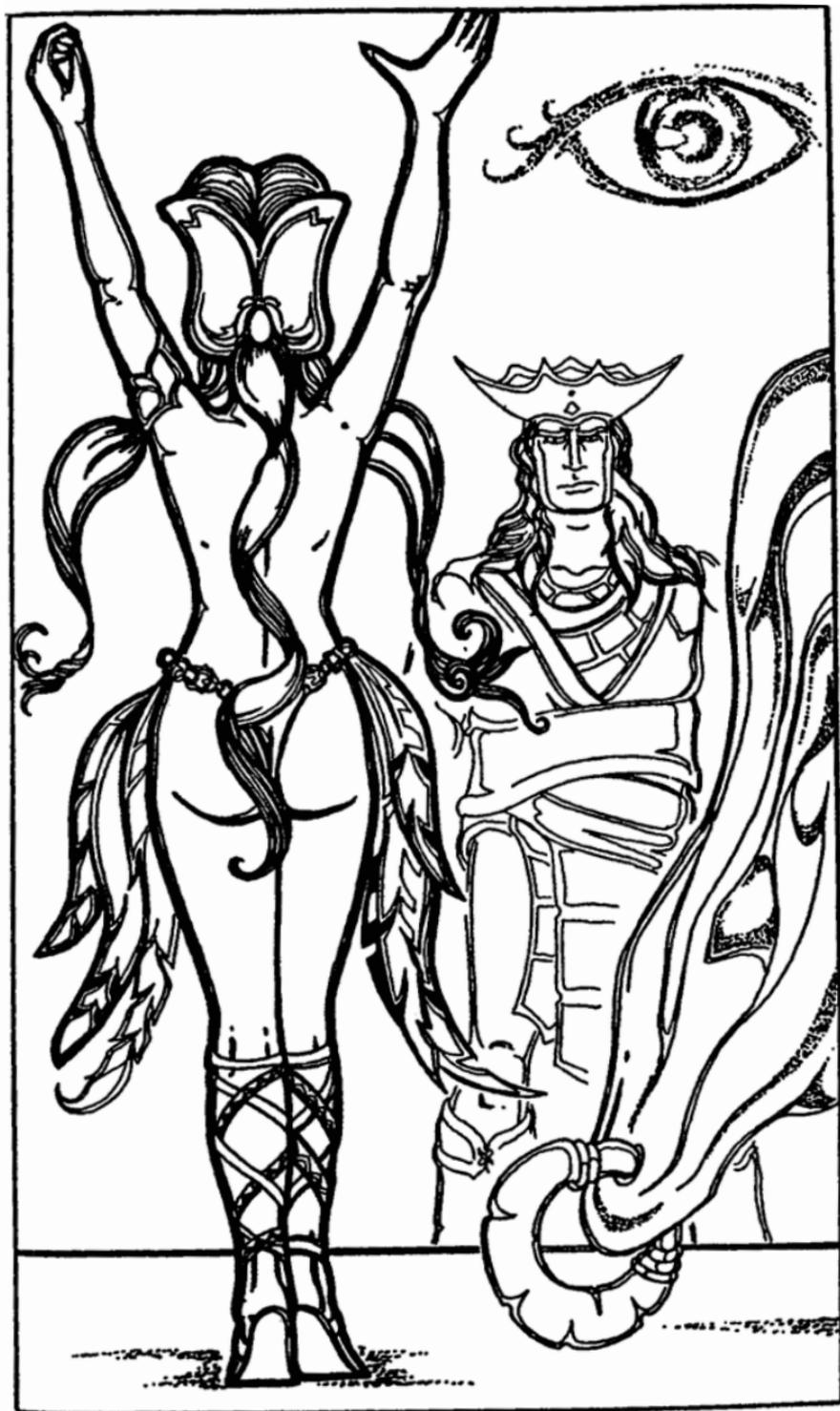
Ховен долго не отвечал.

– Я и так знаю, – сказал Мес – Сутех, вот кто. Я просто так спросил, знал, что ты не ответишь. И другие Дети Нуна замешаны?

– Себек, – сказал, будто камень бросил, Ховен.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Мес. – Хорошо играть открытыми картами.

Они поднялись и вышли на площадку. Люди под стенами еще сражались. Горы трупов вокруг замка заметно увеличились. Слышались яростные вопли, лязг и звон, хрипы и дзиньканье тетив.

– Но как они сражаются, – восхищенно, с придыханием, снова забыв про все, прошептал Ховен. Он весь был там, в пылу сражения. – Ты только взгляни. Как они сражаются!

Город был – одно большое скопление высоких стеклянных прямоугольников, окнами черного стекла сверкающих, словно пытающихся своими верхушками с причудливой прической антенн достать до облаков. И это им удавалось. Строго ограниченные по площади размеры города не давали ему расти в стороны, и поэтому он рос вверх. Где-то на уровне предпоследних этажей плыли белесые облака, четко контрастируя своею белизной с темным стеклом зданий, а антенны достигали неба. Здесь не было звуков, здесь все было бесшумно, город как точная машина, заведенная раз и навсегда, работал слаженно и без сбоев, не производя шумов и скрипов: они были просто не нужны, и их не было. Здесь нужно было только то, что нужно. Что было ненужным – отбрасывалось.

Несмотря на ограничения, город, поначалу казавшийся совсем небольшим, на деле был огромен. Что думалось и о его населении. Но туг все было наоборот: в городе никто не жил. Громадные, уходящие за облака здания из стекла были необитаемы, и ночами город, со светящимися судорожными огнями на крышах зданий, с щедро иллюминированными улицами, но с совершенно черными громадами домов, представлял собой жуткое зрелище.

Город не был городом мертвым или, того хуже, городом мертвых. С самого утра он наполнялся шумом, говором и мягким шелестом аэролетов: толпы чиновников и служащих компаний занимали пустые здания. Они жили где-то далеко, в бесплодных мечтаниях о радужных мирах Вселенной, куда когда-то улетели их соплеменники. Но сами они были нужны здесь, на администраторской Земле, центре бумажной волокиты и чиновничьих хлопот полутора тысяч населенных миров Галактики. С самого утра приходили они на работу, работали, потом исчезали. И город вновь оставался покинутым. Медленно плыли тучи на уровне крыш, одиноко торчали антенны в заоблачной белой пустоте, рядами стояли аэролеты на пустых стоянках.

Его называли то Амстердам, то Тегеран, то Канберра, то еще как-нибудь, как в голову взбредет: частая смена имени города была одним из немногих развлечений недолговечного

его населения. Судорожный, суетный день, – и долгая, темная ночь, озаренная огнем фонарей. Сейчас город назывался Фивы.

Этот город был – город-призрак.

Мес занимал здесь последний этаж одного из самых высоких зданий. Как и все прочие, оно покидалось на ночь, но днем было отмечено жужжанием голосов и переговорных устройств. Здесь работал целый штат, и он входил в него, появляясь неожиданно и исчезая незаметно. Здание, целиком отведенное под некий концерт «Олимп», посещалось им чаще, чем другие места – центры его бытия. Он всегда стоял на вершине этой пирамиды. Всегда эта сфера деятельности находилась под его неусыпным наблюдением – он не боялся соперничества, втайне даже желая его. Там, где люди платили, заключали сделки, покупали, обжуливали, продавали всякую всячину, там находился он, незримо и негаданно. И хотя он считал это свое Ремесло вторичным, хотя он немного несерьезно относился к этому, в душе к нему приходила уверенность, что оно не менее необходимо, чем, скажем, Ремесла Ховена или Ленты. Сначала с Вихрящихся Миров, а после его согласия вернуться на Землю, – отсюда, Мес строго контролировал свой Ареал и держал в руках свое Ремесло.

Во главе концерна «Олимп» стоял человек по имени Сеймур Квинке. Мес никогда не видел его в лицо, но несколько раз разговаривал с ним по телефону, когда Квинке звонил ему, чтобы уточнить, как называется его концерт и чем он занимается.

Мес вошел в обширный, отделанный черным вестибюль. Человек за стойкой бара слева кивнул ему, швейцар справа кивнул ему, лифтер тоже ему кивнул и спросил:

– Конечный, как всегда, господин Нуарре?

И Мес кивнул ему в ответ.

Он во мгновение ока взлетел под самые небеса, на последний этаж, где находился его кабинет. Чувствуя неприятное ощущение в желудке и дрожь в коленях, выбрался из лифта и остановился перед дверью, сделанной из красного полированного дерева, на которой висела табличка: «Ференц Нуарре, референт». Набрав код на появившейся из стены клавиатуре, он вошел в свой кабинет.

Президент Сеймур Квинке никогда не бывал в этом кабинете своего подчиненного, равно как и не бывали здесь прочие высокие чины из министерств и совета директоров. Они

очень удивились бы, увидев внутреннее убранство кабинета референта Ференца Нуарре. Он состоял из двух комнат. Первая комната была голой и пустой, за исключением массивного стола, кресла да древней картотеки в металлических несгораемых ящиках. На полу лежал вытертый палас. Окно было постоянно задернуто бархатным занавесом. Тут не было ни многочисленных мигающих экранов, заменяющих стены, ни разноцветных карт, ни новейших переговорных устройств и средств связи, которыми был полон каждый кабинет в этом здании и без которых просто не мог обойтись референт такой солидной компании, как «Олимп». Зато в углу, полузакрытая бархатом шторы, стояла бронзовая статуя обнаженного мужчины, держащего левую руку на уровне пояса ладонью вверх, будто прося милостыню, а другую вскинув вверх в странном салюте, с собранными в щепоть пальцами. Голова его была склонена набок. Правая нога полусогнута. Это была статуя Гермеса, древнего бога, забытого уже поколениями забывчивых.

Мес вошел в кабинет, и вслед за ним сюда ворвался его непременный помощник Езус Мария Штумпф, с вечно дергающейся под бременем тика шей и красными, воспаленными глазами. Штумпф был деятелен и неутомим. Он был незаменим в делах Меса, который ценил его больше всех на свете. Он прижимал к груди пухлую папку, лохматящуюся выбившимися из нее листами, какими-то обрывками и прочим разнородным бумажным хламом. Всю эту грудку Штумпф бухнул на стол Меса и стал нетерпеливо ждать, когда тот пододвинет кресло и усядется. Сам Штумпф никогда не сидел – огонь вечного нетерпения жег его, и Штумпф постоянно находился в движении. Он дергал шейю, дергал пальцами, часто мигал и сотрясался всем телом, перебирая ногами, глядя как Мес не спеша разбирает бумаги.

– Квинке заболел, – сообщил он своей обычной скороговоркою. – Я связывался с ним, и его мажордом сказал мне, что у него воспалилась родинка на веке, и он лег в госпиталь.

Мес несколько раз кивнул.

– Где же он на самом деле? – спросил он.

– Отдыхает на Канарах, – быстро ответил Штумпф.

– Там климат такой же неустойчивый. Разве нельзя было не отпускать его на здешние курорты?

– Он боится межпланетных перелетов. И потом, он не женат.

Мес оставил бумаги и недовольно облокотился на стол.

– Вот это уже нехорошо, – признал он. – Президент концерта «Олимп» должен быть чист и безгрешен, как аркадская овечка. Что, женщины? Или, не дайте боги, мужчины?

– Женщины, – сказал честный Штумпф.

Мес облегченно вздохнул.

– Хорошо еще, что он не увлекается разными тварями с чужих планет... Хорошо. Кто вместо него?

– Я.

– Хорошо. Давай разбираться.

И они стали разбираться.

Мои обязанности – надзирать, а не вмешиваться. Это я взял у него, моего лютого врага. Поэтому я лишь замечаю недостатки, намекаю на них кому следует – а вот он, кто следует, стоит передо мной, – а потом наблюдаю уже за тем, как прислушиваются к моим рекомендациям. Выходит, чисто человеческие функции, думал он, ерзая в своем кресле, канцелярщина, казенщина и куда девалась вся магия, магия слов и магия дел, где они, эти обязанности, кои некоторые называли божественными и кои я никогда не мог осознать? Все – через людей и во имя их, как я ни стараюсь этого избежать.

– Все потому, что я консерватор, – сказал он вдруг.

Штумпф насторожился, разом прервав свой отчет о сложных махинациях какой-то компании.

– Я живу прошлым, – продолжал Мес, мало понимая, что говорит. – Людей стало много и стало слишком много миров, где они живут. Раньше все было не так. Была Вершина, и люди селились вокруг нее.

Штумпф смотрел на него. Он даже забыл моргать. Мес тряхнул головой, сильно провел рукой по лицу.

– Так, ничего... пустяки. Что ты там говорил?

Штумпф неуверенно, запинаясь, стал продолжать, изредка опасливо поглядывая на Меса.

Я даже не Архонт. Не знаю, почему я не захотел стать им. Тогда бы все мои дела получили законное подтверждение, и снова семь Архонтов у Земли. Я же – разрушаю. Осознаю это, но делаю все в угоду Сету и его присным. Игрушка. Но марионетки слепо подчиняются, тогда как я сознательно оставляю Хаосу открытую дверь, чтобы безумные сладкие ветры его...

– Нет, я не помню, как летел в ветрах Хаоса.

Штумпф снова изумленно глядел на него.

– Извини, – произнес Мес, встряхиваясь. – Я что-то устал. Внимательно тебя слушаю.

– Вы уверены? – спросил Штумпф.

– Уверен.

Нет, ни в чем я не уверен. Хочешь разрушить термитник – напусти на него муравьеда. Сутех – муравьед. Модерата и покойный Кобленц хлопотливо, заботливо возводили термитник Земли, чтобы всем было хорошо. Я лично в последнем сомневался. Проклятые сомнения уничтожили во мне всякий рационализм. Однажды тьма взяла верх, и в термитник пролез уродливый зверь-муравьед. А там и другие ждут своей очереди, страшные, темные животные – Дети Нуна, толпятся, невнятно и бедово гудят...

– Это все, – произнес Штумпф.

– На сегодня все? – очнулся Мес, стряхивая путы своих дум.

– Да. Но дел много.

– Ты справишься, я знаю. Если нужно будет, без зазрений занимай этот кабинет. Ключ у тебя есть.

– Да, господин Нуарре.

Он пошел к двери.

– Штумпф! – окликнул его Мес.

– Да? – Тот остановился.

– Ты верующий? – спросил Мес.

– Да, ответил Штумпф (воистину, сегодня для него – день удивлений).

– А какому... какой религии ты принадлежишь?

– Я из экуменистов, – объяснил Штумпф, – но не из тех, что называют себя «Жертвами Моисея», а из пасхальников. Эта секта возникла двадцать один год назад, выпочковавшись из «Братства Зеленого Иисуса», которое перед этим разделилось на пасынков апостольских и мизерикордеистов. А корень свой мы ведем от великой и щедрой церкви Несогласия Христа.

– А она идет откуда? – полюбопытствовал Мес, лицо которого перекосило, как во время приступа зубной боли.

– Это сокрыто во мгле веков, – был ответ. – Несогласие Христово – единственно правильная и единственно известная вера.

– Понятно, — и Мес отпустил его.

Застыв над столом, заваленным горами мятой бумаги, утвержденной, незавизированной и исходящей, он уставился в противоположную стену, пустую и белую.

Надо что-то решить. Визит к Ховену, в его бряцающий и бушующий мир, правда, несколько прояснил дело, но не так, чтобы полностью разобраться в нем. Нет, дело шло незамеченным путем, на пути этом никто пока не стоял, да и в дальнейшем, я надеюсь, стоять не будет. Но пути наши – неисповедимы. И мои трижды клятые колебания... Вот этим все и затрудняется. С другой стороны, кто мне подскажет, как действовать? Ослобог решителен. Он долго пребывал в бездействии. Он не будет колебаться. Но сейчас еще возможно остановить закрутившийся маховик. Можно сказать – не надо. Можно наложить свое вето на избрание Сутеха – несколько запоздавшее решение, но лучше поздно, чем никогда. Можно объявить – несогласен-де. А можно вот так вот сидеть и размышлять, что можно и как лучше.

В соседней комнате послышалось осторожное покашливание. Мес вскочил. Там, за стеной, никого не должно было быть. Он рывком открыл всегда запертую дверь – пригодилось его умение без ключей и отмычек отпирать любые запоры, – и застыл на пороге.

Вторая комната была больше первой и сильно от нее отличалась. Обстановка здесь была роскошной, не в пример аскетизму первой комнаты – собственно рабочего кабинета Меса. Пол здесь устланы ковры, стены покрывала темная ассирийская керамическая плитка с изображениями фантастических голубых рогатых животных. Напротив двери возвышались шкафы с книгами. Потолок был неровным, с искусственными впадинами и холмами, устланными темно-голубой мозаикой. В окне была вечная звездная ночь. Курились благовонные кадильницы. Светильники с масляными фитилями делали четкими тени и размытой – реальность. Эта комната, напоминающая покои древних вавилонских владык, показалась бы случайным визитерам еще более странной, чем первая.

Лицом к шкафам стоял невысокий человек. Светильники бросали тени на его затылок, заросший редкими волосами, и широкую спину. Он повернулся – мясистое лицо, вывороченные губы, – воззрившись на Меса. А тот все стоял на пороге, и смешанные чувства одолевали его. Так они стояли и смотрели друг на друга.

– Я ждал, – наконец сказал человек, – пока вы там решите вопрос с инфляцией, экспортом и бесплатными ввозами. В связи с этим у меня появилась уверенность, что я очень тактичен по своей натуре.

Мес молчал.

– Я сяду сам, – поспешно сказал человек, поступая так, как сказал. – И угощения от тебя не приму.

Мес молчал.

– Я всегда прихожу по делу, – сказал человек. – Ты это знаешь. Чтобы не возникало разночтений, зови меня Михаил Жиро.

– Ты знаешь, как зовут меня, – сказал Мес. – В чем состоит дело, Михаил Жиро?

– Ты хороший собеседник, – отметил тот, – Впрочем, это неважно. Недавно состоялось ваше очередное Буле.

– Это так.

– Моему Господину очень хотелось бы знать, о чем там шла речь.

– Жиро, – поморщился Мес, – ты зачем ко мне пришел? Ты же знаешь...

– Знаю. Но я был до тебя и у других.

– И что же?

– Одни ничего не знали, другие просто лгали мне. Мес удовлетворенно засмеялся.

– Ты получил что хотел, – сказал он.

– Нет, я хотел не этого. Я хотел другого. Я добивался от них правды. А они впали во грех. Но чего еще ожидать от вас, изначально грешников, языческих демонов.

– Вот! – наставил на него палец Мес. – Вот каких слов я от тебя ждал! Именно – язычников! Эта ваша однобокость мешает вам воспринимать мир таким, каков он есть на самом деле. Мир прекрасен, Жиро, а вы хотите сделать из него арену будущего Армагеддона.

– По Земле бродят боги, – сказал Жиро. – Это старые, ненужные боги, потерявшие все, потерявшие самих себя. Они устали и ослабли, но все равно они не могут забыть прежних времен.

– И поэтому вы продолжаете вытеснять их? – усмехнулся Мес. – Ты изрекаешь прописные истины. Вникнуть в их положение вы не можете. Ведь столько веков прошло, столько утекло воды в великих реках.

– Блаженны нищие духом.

– А ты не уподобляйся ему, – заметил Мес. – Это только он великий специалист по произнесению Нагорных проповедей.

– Э! – сказал Жиро. – Ты, думаешь, оскорбил меня? Да мне за все это время столько всего пришлось выслушать! Но я никому не помогаю. Значит – ах ты, такой-сякой, подлец-рас-подлец, куда смотрите, ведь дети гибнут, нечестный богатеет, а честный страдает и лишается. Все эти жалобы, Мес, все они идут через меня, благо я предстою перед его троном.

– Тебе можно только посочувствовать.

– И не говори.

– Ты не думай, что склонил меня на свою сторону, – сказал Мес. – Ты не на того напал, Михаил.

Тот безучастно пожал плечами.

– Никого я не хочу склонять ни на чью сторону. Ты мне скажешь или нет?

Мес с улыбкой покачал головой.

– Я все равно знаю, – произнес Жиро, – Умер Пифеец, и на его место вы избрали какую-то мразь. Но вот кого – не знаю. Впрочем, там среди вас найдется бездна таких: вам есть кого выбирать.

Мес наклонился к нему доверительно.

– Я был инициатором его избрания, – произнес он.

– Ну? – округлил глаза Жиро. – Вот этого я от тебя не ожидал.

– А чего ты от меня хотел? Или, думаешь, хорошо – без Ремесла? А уходить в Хаос я не собираюсь. И жить без дела тоже не могу. Не кто иной, как ты, отбил у меня мое Ремесло.

– Ты не Архонт, – поджал губы Жиро. – Господин был зол на тебя и потому сказал – иди и стань проводником вместо него, ибо не Архонт он!

Мес смеялся.

– Получилось иначе, – проговорил он. – Ты ведешь своих, приверженных ему, а я веду своих – без веры.

– Они, как и ты, изгой.

– Ну и что? Они тоже умирают. Кто их поведет? Кто наставит их на верный путь? Ты, что ли? Или он?

– Его ты не касайся, – построжал Жиро.

После этих слов Мес спросил его:

– Ты знаешь Сета Пустыни?

– Что? – поразился Жиро. – Вы его избрали?

– А, пробрало! – обрадовался Мес. – Слушай, Жиро, я против тебя лично ничего не имею, хоть и не одобряю твой выбор насчет служения ему. Но его самого, Жиро, я ненавижу всеми фибрами моей души или еще чего там у меня есть. Так вот Сет...

– Господи боже мой! – сказал Жиро.

– Молчать! – разъярился Мес.

– Да, – сказал Жиро. – Да. Задали вы нам...

– Конечно, – весело согласился Мес – Вы в прошлый раз кого Сатаной объявили?

– Он был не из вашей Семьи, – сказал Мес. – Он даже старше вас

– Кто-то из Вавилона?

– Из Шумера, – уклонился Жиро. – Вы – не такие чисто злобные, чтобы претендовать на это звание.

– Ну и что?

– Он недавно ушел. И место его стало, так сказать, вакантным.

– Кто присуждает это звание?

– Он, – возвел глаза Жиро, – ну и мы, его Вестники. Тот был древен и злобен, ему приносились кровавые жертвы. Он успешно выполнял свои функции. Сейчас мы думаем. Видишь, все тебе рассказываю.

– Я это очень ценю. Мы коллеги, Жиро, а потому должны делиться профессиональными секретами.

– Я бы не назвал это так.

– Зачем же пришел тогда?

– Хотел открыть тебе, кто такие Гогна.

Мес насторожился.

– А что ты об этом знаешь? – осторожно спросил он.

– Вы, я смотрю, успели уже легенды о них сочинить, – со смехом сказал Жиро. – Что-де они от Тартара родились. Что безобразны, без образа. Все это ерунда.

– Почему?

– Видишь ли, богов продуцируют люди. В некоторых случаях это еще не означает, что боги не существовали до прихода людей в мир. Но иногда получается так, что люди верят, верят всем скопом – и рождается божество. Так возникли многие Олицетворения.

– Так возник и твой Господин.

– Нет, – ответил Жиро. – Он воскресающий и умирающий, он был всегда. Он есть путь и истина и жизнь, он весна и пло-

дорогие. Но ты в чем-то прав, люди придали ему некоторые несвойственные ему черты.

– Например, любовь к ним, – вставил Мес.

– Можешь издеваться сколько тебе угодно. Я из-за тебя никак до главного не доберусь... Да, сейчас многие верят в него, и он живет благодаря этому. Некоторые верят в других – их не очень много, – и они тоже живут. Но многие люди вообще ни в кого не верят. Божество создает вера. Но неверие тоже создает свои божества. Они-то и есть Гогна.

– Поймай. – сказал Мес, – как ты говоришь? Откуда тебе это известно?

– Имей в виду – я не лгу. Я сам до этого дошел.

– Ты знаешь хотя бы одного Гогна?

– Нет, с ними я еще не встречался. Просто я очень долго изучал природу божественности.

– И к чему же ты пришел?

– Человек зол. Как он ни учил их, какие бы слова ни говорил, какие бы книги ни даровал, им все не впрок, ибо они злы. Они ненавидят друг друга, и их уже не переделаешь: так будет длиться до тех пор, пока не возопит последняя труба. Бог же – любит их. Любит их всех.

– Не всякий, – сказал Мес.

Жиро посмотрел на него.

– Вот поэтому вы и проиграли, – проговорил он.

– Мы еще не проиграли.

– Не знаю, не знаю. Быть может, так было решено заведомо. Он любит их.

– И поэтому проиграет он, – заключил Мес. – То, что любишь, тебя и погубит.

Жиро замолчал.

– Не надо было к тебе приходить, – наконец молвил он.

– Почему же? Я очень рад. А на Гогна мне начхать. Я не буду вставать стеной, чтобы его защитить.

– Я Вестник, – сказал Жиро, – и ты тоже ангел. Но ты выше. Ты старше.

– Ты что же это... – промямлил вдруг совершенно зашедший в тупик Мес, – что же – пришел советоваться со мной?

– Ну да, – легко согласился Жиро. – Я облечен некоторыми чертами Ареала, у меня имеется мое Ремесло. Но вот опыта нет. Нет контакта с людьми. Мы поздновато заполучили желаемое. Мес, им уже не насладишься. А зачем осуществленная мечта, коли не можешь воспользоваться ее плодами на

свое усмотрение? Неверие взрастили мы сами. Мы позволили людям фантазировать – и появились догматы, установления и запреты. Мы дали им волю душить друг друга в религиозных войнах, мы посеяли в них семя сомнения, что в каждом из них сидит дьявол, – и они послушно усомнились и стали жечь своих ближних на кострах, и стали спорить, кто правее, в ненужных схоластических диспутах, и стали устраивать аутодафе, и стали почковать секты. Неверие – дитя ханжества. И как плод неверия как своеобразного культа стали Гогна. Так, Мес, мы стали свидетелями рождения новых богов. Потому они и Безглазые, что неверию не нужны глаза – оно все равно ничему не верит. Оно – знак минуса ко всему реально существующему, а, следовательно, Гогна – потомки Хаоса даже не как вы, в десятом колене, а его дети, прямые и единокровные.

Пало молчание. Трещали светильники.

– Я почти наверняка знаю, кого объявят Сатаной, – сказал Жиро. – Мы никогда не любили пустыни.

– Все козыри вам в руки, – хрустнул пальцами Мес – Но Сатана был рогат и козлоног.

– Теперь он будет рыж, – промолвил Жиро.

Он встал, и оказалось, что за спиной его крылья. Жиро взмахнул ими.

– Я скажу ему, что ничего не узнал, – произнес он.

– Мы существа лживые и недоверчивые, – хмуро напутствовал его Мес. – И потом: мы очень не любим рыбы.

Жиро открыл окно и улетел в него. Мес остался в комнате. Он встал, один за другим задул светильники – и остался в полной темноте.

Хор

Было это во времена достославного цезаря Тиберия. Некие путешественники – а количество их, равно как и звания и чины, утеряно в веках, – плыли из Греции в Италию на корабле, груженном различными товарами. И вот однажды под вечер, около Эхинских островов, что между Мореей и Тунисом, ветер внезапно упал и корабль отнесло к острову Паксосу. Когда он причалил, некоторые из путешественников уснули, иные продолжали бодрствовать, а третьи принялись выпивать и закусывать, как вдруг на острове Паксосе чей-то голос громко позвал:

«Тамус!»

От этого крика на всех нашла оторопь, и те, кто спали, сразу же проснулись, а у тех, что трапезничал, пища встала поперек горла. Хотя египтянин Тамус был кормчим их корабля, но, за исключением некоторых путешественников, никто не знал его имени. Вторично раздался душераздирающий крик: кто-то снова взывал к Тамусу. Никто, однако ж, не отвечал, все хранили молчание, все пребывали в трепете. Тогда в третий раз послышался тот же, только еще более страшный голос Наконец Тамус ответил:

«Я здесь. Что ты от меня хочешь? Чего тебе надобно?»

Тогда тот же голос еще громче взывал к нему и велел, по прибытии в Палоды, объявить и сказать, что Пан, великий бог, умер.

Эти слова повергли всех моряков и путешественников в великое изумление и ужас. И стали они между собой совещаться, что лучше: промолчать или же объявить то, что было велено, однако Тамус решил, что если будет дуть попутный ветер, то он пройдет мимо, ничего не сказав, если же море будет спокойно, то он огласит эту весть.

И вот случилось так, что, когда они подплывали к Палодам, не было ни ветра, ни волн. Тогда Тамус, взойдя на нос корабля и повернувшись лицом к берегу, сказал, как ему и было поведено, что умер великий Пан. Не успел он вымолвить последнее слово, как в ответ на суше послышались глубокие вздохи, громкие стенания и вопли ужаса, и то был не один голос, а великое множество.

Весть эта быстро распространилась в Риме, ибо ее слышали многие.

Аида никогда не существовало. Но Тартар – был. Великий певец «Теогонии» сделал его одушевленным, свирепым и мрачным чудовищем. Но Тартар никогда не подходил под такое описание. Черный его зев не имел души. Здесь залегали концы и начала всего сущего, здесь был только мрак, а потому роль Тартара постоянно менялась – от беспредельного демонического зверя до самого отдаленного уголка Аида, божественного карцера, где стенали нечестивые. Но Тартар и был Аид. Здесь стояли пустые и гулкие дома тех, кому не было места на веселой и светлой Вершине. Отягченные содеянным, некоторые мертвые также пребывали здесь.

Не всякому удавалось здесь побывать.

Вход в Тартар когда-то существовал, но за давностью событий и эфемерностью свидетелей забылось, где он находится. Но не обязательно искать какую-нибудь пещеру или дыру в земле, чтобы объявить ее входом в Недра. Сюда можно легко попасть, если иметь волю и разумение, из любого уголка Земли, да хотя бы из той же дыры в почве. Ключей от Тартара нет, да и не нужны они.

Входи, человек, но обратно уже ты не выйдешь.

Герр Мес семивратные Фивы надолго покинул и вышел за город. Туманно и пусто лежало здесь поле, костями бойцов когда-то давно сплошь устлано. Геройская плоть отменное есть удобренье для трав пышноцветных и ветвей колючих бурьяна, обильно взрастают они, питаемы костью героев, и тянутся к солнцу, воюя удобное место. Меж ними чудесное вилось плетями сухими растенье: и корень был черный, подобен был цвет молоку белизною; моли его называют бессмертные, людям опасно с корнем его вырывать из земли, но богам все возможно. Герр Мес рукой бестрепетною растение с корнями вынул. Крикнула моли, трава чудодейная, больше свой глас не давая, но он ничего не услышал. С землей гробокройной он корни ее порастратил и молвил: «Откройся!».

Он пошел вперед, ничего не видя и крепко зажимая истекающую соком траву в кулаке, а земля под ним начала пружинить, потом постепенно расступаться, потом оказалось, что ноги его увязают по щиколотку, но он шел, потом по колени, но он шел же, потом по пояс расступилась земля-мать, по шею, и голова его, будто плод перезрелый на сочном и жарком баштане, катилась отдельно, а потом он шел уже под землей и видел черные корни, и кости героев, во прахе навечно лежащих, гельминтов слепых, копошащихся темно и глухо, а потом он ушел глубже, и здесь был только мрак.

Он попал в большую пещеру с белыми, светящимися во мраке сводами. Здесь была дверь. Она была одной из многих, ведущих в Тартар со всех концов мира, но это еще не значило, что открыть ее возможно было любому. Как и прочие подобные препятствия, эта дверь также была украшена грозным и туманным предостережением, что-де войдешь – и не выйдешь. Но поскольку Мес считал, что к нему данные слова не относятся, то он щелкнул пальцами, запоры спали, и дверь отворилась.

Он вступил в Тартар.

К вопросу о географии Тартара было измыслено множество фантастических историек, в основе которых лежали рассказы тех, кто якобы спускался в Аид. Я-то знаю, что это сушная околесица, а подвиги Орфея и прочих, включая хитроумного моего внука, – не более чем выдумки. Никто из смертных не бывал здесь. Но откуда тогда эти наблюдения, что – медной оградой Тартар кругом огорожен, в три ряда ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху корни земли залегают и горько-соленого моря? То есть все это верно, это действительно так, но как об этом было узнано? Воистину, человеческое любопытство неистребимо.

Он пробирался во тьме, и ему светил кадуцей. Вокруг был мрак. Черным-черно. Даже то, что жезл светит, не имеет почти никакого значения – лишь путь под ногами освещен, слабый огонек не может прострелить вековую кромешную тьму. Так что пока ничего не видно, а потому описано быть не может. Только наверху, далеко-далеко, если приглядеться, мерцают звезды. Тартар – нижнее небо, недоступное обитателям Вершины, ее антипод. Или даже антагонист.

Тот, кто привык к темноте, легко сориентируется здесь. Иди вперед и вперед, – вот и все. Единственная преграда – это мрак. Трудно придется здесь боящемуся темноты и ее ужасов. Этот страх присущ только людям, потомки Хаоса не страшатся мрака Эреба. В этом одно из многих основных различий между ними и смертными. Вообще же хорошая мысль – обойти эту страну. Меня наверняка забыли здесь, а ведь жители здешние – народ интересный, любопытный, они стоят того, чтобы навестить их.

Так вот во тьме и шагал, размышляя попутно, герр Мес легконогий.

Скалы возникли пред ним. Их зубчатые пики наверху сливались с вечной тьмою Эреба, и казалось, что стена чего-то еще более черного, чем мрак, еще более ужасного и коварного, встала на пути. Здесь темнота немного рассеивалась, и становилось видно – правда, лишь после того, как хорошенько приглядеться, – что под скальными кручами раскинулась мертвенно-серая долина, каменистая и узкая. Дорога пересекала ее и исчезала в недрах скал. В долине стоял шатер. Из него доносились смех и музыка.

Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью: в озере светлом стоял он по горло в воде, томимый жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался. Только что голо-

ву к ней он склонял, уповая напиться, с шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось черное дно, и его осушал во мгновение демон. Много росло плодоносных деревьев над его головою, яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных, также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих. Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку, разом все ветви деревьев к облакам подымались темным.

Кое-как спустившись в долину по дороге, заваленной острыми камнями, уставший Мес подошел к шатру. Он был шелковым, но из-за сумрака терял в цвете – при дневном освещении шатер этот был бы просто дивен. Из-под его полога неслась сладкая музыка и женские взвизги. В паузах слышен был мужской голос, что-то невнятно бурчащий.

Он заглянул в шатер, откинув полог, и его глазам представилось следующее зрелище. Три обнаженные девицы ублажали вялого, рыхлого толстяка с огромным животом. На низком столике валялись остатки обильной трапезы. Два тонкогорлых кувшина лежали на боку среди живописных объектов и огрызков. Стоял смешанный аромат пролитого дорогого вина, благовоний и разгоряченных тел. Толстяк поднял на Меса блеклые глаза.

– Пардон, – сказал Мес. – Я без доклада.

– Входи, – равнодушно сказал толстяк, отсылая девушек. – Извини, у меня не прибрано.

Мес вошел и сел на диванчик, деликатно отодвинув от себя поднос с чем-то давно перепревшим.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Живу – хлеб жую, – высокомерно отвечал толстяк, переворачиваясь на бок. – Не хуже и не лучше.

– Вижу, ты зажрался, – перебил его Мес – Хуже было раньше. Сейчас тебе дали шанс.

– Все свои шансы я давно использовал, огрызнулся толстяк.

– Нет, не все. Вон какой живот отрастил. А раньше, помнишь; – чуть к фруктам потянешься – а они в небеса. Или водички хлебнуть – а негу ее! Была бы наша власть, и ты, преступник, продолжал бы мучиться.

Тот молча перебирал складки скатерти.

– Я реабилитирован, – молвил он.

Мес выбрал в круглой чаше яблоко посочнее и звучно его надкусил.

– Нас признали пострадавшими от власти Вершины, – нахмурился толстяк угрожающе. – Ведь мы крепко насолили вам во времена оны. А ему это понравилось. Мы – герои, Аргобийца, а не жертвы вашего властолюбия.

– Возможно. Преступления для кого-то – благодеяние. Но не для нас Вы – преступники и подлежите каре. Не наша власть нынче, иначе бы вас сгноили здесь во веки веков.

– Аминь, – заключил толстяк. – Где там мои девочки?

Когда Мес выходил из шатра, внутрь впорхнули девушки, и вновь зазвучал в вечной ночи звенящий смех.

Я плохо знаю эту местность. Сюда я, вопреки рассказам, никого не водил. Здесь находилась заповедная территория моего дяди, а он не любил пускать к себе в дом кого бы то ни было. Как там сказано? Там же стоят невдали многозвонкие гулкие дома могучего бога Аиды и Персефонеи ужасной. Сейчас эти дома действительно пусты – их обитатели давно уже не живут там. А было время – и, мрачен, восседал Аид на своем троне, судили преступников судьи, Минос, Эак, Радамант беспощадный, ждали преступных ужасные темные казни. Да. Все смешалось в доме Космоса.

Дорога не уходила глубоко в недра скал, как казалось издалека, а змеей вилась по самым уступам, узкая, опасная, она грозила смертью неосторожному. Мес, не колеблясь, ступил на нее.

Я и Сизифа увидел, терпящего тяжкие муки. Камень огромный руками обеими кверху катил он. Со страшным усилием, руками, ногами в него упираясь, в гору он камень толкал. Но когда уж готов был тот камень перевалиться чрез гребень, назад обращалась тяжесть. Под гору камень бесстыдный назад устремлялся, в долину. Снова, напрягшись, его начинал он катить, и струился пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась.

Камень ударил Меса в плечо, когда он, ничего не подозревая, спокойно, хотя и осторожно, продвигался вперед по тропе. Небольшим был тот камень, но Месу он показался тяжелее небесного свода. Потирая ушибленное плечо, он остановился и принялся глядеть вверх, откуда прилетел камень. Оттуда послышался издевательский смех, и снова полетели камни, большие и малые. Это был целый камнепад. Они падали на дорогу, скача, перемахивали через нее и улетали вниз, в долину. Пыль, поднятая ими, застлала кругозор. Мес, размышляя,

стоял под надежным укрытием скал. Вновь услышал он смех, несущийся сверху. Тогда Мес поднял свой кадуцей.

– Усни, – сказал он.

Смех оборвался. Дорога сворачивала налево, загибаясь немыслимо, и в месте ее изгиба была широкая площадка. Отсюда весь скорбный путь, им проделанный, был как на ладони. На площадке лежало тело. Мес приблизился. Человек – высок, с черными кудрями и белым, гладким лицом, – спал.

– Ба, ба, ба, – сказал Мес, взглянув на него. – А ну, проснись!

И человек воскрес. Он моментально сел, дико озираясь, и узрел Меса. Они смотрели друг на друга.

– Так вот кто швыряет камни в одиноких путников, – дружелюбно произнес Мес, рассматривая его. – Нехорошо-то как, а?

Человек усмехнулся и поднялся.

– Я не знал, что это ты, – сказал он небрежно. – После долгих лет ожидания – и увидеть на этой дороге идущую фигуру... Это было сильнее меня. Я сразу же кинулся собирать камни.

– А это, к досаде твоей, всего лишь я.

– Если б я знал, – пожал плечами человек. – Но мы все здесь пребываем в бездействии. Только бы он осознал, как это тяжело, еще тяжелее, чем отбивать вечное наказание. Только бы он дал нам дело...

– Ты обнаглел, – сказал Мес. – Вы все здесь обнаглели. Вы, мусор, смутьяны, стали привилегированными. Вот что скажу тебе. Помнишь тот камень, что ты вкатывал в гору?

– Я век его помнить буду.

– Довольно. Он был символом напрасных твоих потуг бороться с волею богов. Ты вкатывал и вкатывал его на гору, но он скатывался в долину, и тоща... Я не буду напоминать тебе всю историю.

Лицо человека было угрюмо.

– Он дал тебе право швырять камнями в голову всякого, кто попытается подняться сюда? – спросил Мес. – Каков милостивец! И он-то думал, что ты этим утетишься!

– Мне хватало этого.

– Месть, – фыркнул Мес. – Ты остался человеком. Причем именно тою злобной смертной тварью, какой не избыли из тебя века наказания. И что же, всем он дал такие возможности?

Человек покачал головой.

– Кроме нас, здесь почти никого нет. Если ты будешь продолжать идти по этой дороге, ты встретишь кое-кого. Но не всех. Мы, казнимые вами, у него в чести.

– Это мне известно.

– Таким образом он решил отплатить нам за наши страдания. И он поступил правильно.

– Ты так считаешь?

– Да.

– Тогда спи.

И человек свалился наземь, а Мес продолжал свой путь.

Мрак то сгущался, то редел, и тоща становились видны по сторонам то горы, то реки, то какие-то строения. Ни звука не было в темном прохладном воздухе. Я бы сказал, что это и есть главная особенность Недр: здесь нет тех милых сердцу звуков, какие непрестанно бушуют на поверхности и которые, в сущности, и представляют жизнь во всем ее многообразии. В Недрах этого нет – здесь царит молчание. Не тишина, а именно молчание, будто все те, кто обитает здесь, при твоём появлении вдруг замолкли и тихо ждут, пока ты пройдешь, чтобы потом вновь начать свои медленные бессмысленные разговоры. Мом когда-то прозвал дядю Спелеологом, и мне это понравилось. Но не понравилось ему. Да, Мом всегда был человеконенавистником. На деле он единственный являлся инакомыслящим под суровым оком отца, не терпящего свободных волей. Тяжка роль шута, но еще тяжелее роль шута умного, сознающего гибельность всего происходящего.

Он проходил мимо странного дома, вздымавшегося на своих серебряных колоннах к черным небесам. Над ним нависали скалы, из которых убийственно медленно вытекал и журчал по камням обрамленный алым мрамором ручей. Дом, конечно, сейчас был пуст, как большинство домов в этой стране. Когда-то жила здесь богиня, будящая ужас в бессмертных, страшная Стикс, – Океана, текущего кругообразно, старшая дочь. Я знал ее. Это была женщина, красивая мрачной и нелюдимой красотой. Она ушла одной из последних, не вытерпев одиночества и презрения, ставших еще более невыносимыми. Но родник течет. Ужасный это родник.

Он вдруг остановился, точно прозрев, подошел к роднику и набрал немного воды в оказавшуюся на его поясе небольшую фляжку. Вода эта ценится в сто раз дороже мутноватой воды Леты, ледяной воды Коцита, отдающей болотом влаги

Флегетона. Жиро со товарищи дорого бы дали, чтобы набрать в туесок этой водицы. Они проглядели в самом сердце владений своего господина, где власть его незыблема и тверда, заповедный уголок – осколок древнего мира. О сын мой Пан!

Ну вот, наступает самое главное.

Бездна бездн – собственно Тартар – неверное, если говорить научно, есть не что иное, как гигантский разлом в коре планеты, берущий свое начало в грандиозной каверне Верхнего Тартара и уходящий в недра на многие сотни миль. Вниз вела хорошо сохранившаяся лестница. Возле торчком была воткнута большая серая плита. Было запечатлено: «Если уж ты удосужился пройти весь Аид от края до края, то тебе нечего бояться спуститься и сюда, ибо терять тебе уже нечего: ты зашел слишком далеко». Мес, начавший спуск, улыбнулся юмору Спелеолога, любителя откалывать такие мрачные шуточки. Потом он начал думать о предстоящем. Глазам его открывалась темная и кажущаяся бездонной пропасть. Ни огонька было в ней. Она воронкообразно вклинивалась в самое сердце Земли, и по склонам ее тянулись, невидные и черные, террасы, на которых жило очень много существ, встречаться с которыми Месу совсем не хотелось. Он не боялся. Лестница была хорошей защитой, и он знал, что не встретит никого, с кем не хотел бы встречаться.

Он остановился передохнуть и еще раз заглянул на самое дно Тартары. Там-то под сумрачной тьмою подземные боги-Титаны были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных в месте угрюмом и затхлом. Он вновь начал движение. Нет, не люблю я эти места, которые искони приписываются мне в виде Ареала. Узнал бы дядя... У нас были плохие отношения. Вечно больной, тощий и злой, кашляющий старик, он был сердит на весь мир. Это был настоящий отшельник. Но отнюдь не аскет.

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке, и от бесплодной пучины морской, и от звездного неба все залегают один за другим и концы, и начала, страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут. Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота, дна не достиг бы той бездны в течение целого года: ярые вихри своим дуновеньем его подхватили б, стали б швырять и туда, и сюда. Даже боги боятся этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи там расположены, густо одетые черным туманом.

Оспаривать эти слова бессмысленно. Бедные смертные. У всякой твари свой страх. Муравей убегает от гигантской ступни, но это всего лишь человек, вышедший на прогулку. Человек дрожит при мысли о темных злых силах, препятствующих его существованию, но это всего лишь боги. А боги трепещут, завидев тьму Тартара, ибо не ими она создана и потому не поддается их разумению. Тартар страшен именно тем, что никто не знает, зачем он, как никто не знает, зачем создан весь мир. Но мира почему-то никто не боится, хотя надо бы, а вот Тартара страшатся, ужасаются его безликой реальности, задаваясь риторическими вопросами «зачем» и «куда».

Равеннец талантливо описал здешние места, будто действительно побывал тут, и вел его не Вергилий, а я. Но – ох уж эта людская фантазия! – многое приукрасил. Семь кругов – не те ли это семь кругов, что выстрадал он сам, пройдя путь до великих вершин человеческой мысли? Воздаяние за грехи, совершенные на земле, – эта идея тяготела над людьми во все эпохи, а наш милый Адонис только привел ее к окончательному оформлению, создал целую гамму каменно-жестких догматов и предписаний, положил начало суеверию и непокорности. В сущности, он сам – великий грешник, ибо не нужно быть чересчур умным, чтобы людям, которые и так бедны умом и сварливы и снедаемы пороками, проповедовать именно те постулаты, истинность коих можно проверить, только лишь умерев. Воображаю, сколько проклятий от моих ведомых к Порогу сыплется ему на голову.

Оставалось пройти только один марш. Дно у пропасти все же было, и он уже мог видеть его. Невдалеке воздвигались огромные ворота, белеющие во тьме гигантской триумфальной аркой. Что было за ними, он не видел, да и не мог видеть, ибо знал – это и есть предел, а там, за воротами, только тьма и загадки. Там же – ворота из мрамора, медный порог самородный, неколебимый, в земле широко утвержденный корнями. Перед воротами теми снаружи вдали от бессмертных боги-Титаны живут, за Хаосом угрюмым и темным.

Каково это – встретиться с предками, услышать их речь, обежать глазами их облик? Никто не видел их со дней творения, не говорил с ними. Я буду первым. Вопрос, волнующий меня, слишком важен.

Ему послышался залиvistый собачий лай, но он был слишком далеко, чтобы это казалось явью. Он остановился и прислушался, но в это время лай смолк. Потом, по мере его

приближения к воротам из мрамора, лай опять зазвучал, тонкий и писклявый, перемежаемый злобным, но таким же тонким, захлебывающимся рычанием.

Перед воротами стоял стол. За ним три огромных существа со множеством голов и рук пировали, поднимая тяжкие, увенчанные пеною кубки и опустошая сотни блюд с жареным мясом. Но это был какой-то печальный пир, более похожий на тризну. Веселья не было, только печаль была разлита в воздухе. Огромные Гекатонхейры молча и с ожесточением вгрызались в сочное розовое мясо. Мес приблизился к ним, и сотни глаз уставились на него угрюмо и вопрошающе.

– Привет, – сказал Мес – Приятного аппетита.

Из-под стола на него бросилась собака. Маленькая и черная, она тем не менее была такой же злобной, как и все остальное в этом мире. Вместо хвоста у нее в воздухе крутилась голова ужа.

– Назад, Цербер! – прикрикнул на нее один из Сторуких, и собака, ворча, убралась обратно под стол.

– Любезный Гиес, – обратился к нему Мес, – направляясь сюда, я вовсе не хотел помешать вашей трапезе.

– Ты редкий гость в этих местах, – заметил тот, кого называли Гиесом. – Сядь же с нами и отведай нашего угощения.

Мес церемонно отпил вина из одного кубка и съел кусочек мяса.

– Очень вкусно, – сообщил он. – Но скажите, по какому случаю пир, дабы можно было поздравить чествуемую персону или же, напротив, оплакать ушедшего от нас?

Гиганты переглянулись.

– В последнем ты прав, живший на Вершине, – произнес один из них, Бриарей, сидящий справа. – Мы заранее оплакиваем самих себя, ибо, как справедливо посчитали, никто более не оплачет нас, несших верную службу твоему отцу с начала времен.

Мес склонил голову, как и подобало приветствовать тех, кто ныряет в водоворот Изначальности.

– Но как же те, кого вы охраняете? – спросил он. И услышал вздох.

– Они давно уже не пленники, – сказал третий Гекатонхейр, Котт. – Просто по природе своей они уже не мыслят своего существования без этих темных сводов. Их жизнь проходит в размышлениях, ибо они стремятся разрешить тайны мира.

– Это невозможно.

– Что-то им удастся, – сказал Бриарей. – И они знают, где предел. Они – древние, им многое ведомо, но очень многого они не могут объяснить.

– Отрадно, – сказал Мес, – ибо над чем тогда ломать голову, если все можно объяснить?

И они сказали:

– Ты думаешь?

И он сказал:

– Конечно.

И они сказали:

– Нам пора.

И он сказал:

– Вас проводить?

И они сказали:

– Мы сами.

И он сказал тогда:

– Идите.

И ушли они.

С минуты он неподвижно смотрел на стол, за которым сидели три сгорбленные мумии тех, кто ушел. Потом из ближайшей ямы, пышащей подземным жарким пламенем, он зажег факел, бросил на стол, и его заняло огнем Гекатонхейры, верные слуги Кронида, погребальным костром уходили в легенду.

Из пламени послышался яростный визг и прекратился. Цербер ушел вместе со своими хозяевами.

Я помню, конца мы искали порою, и ждали, и верили смертной надежде... Но смерть оказалась такой же пустою, и так же мне скучно, как было и прежде. Пошел черный дождь, и его капли угольными слезами потекли по щекам Меса.

Он подошел к вратам и налег на огромную медную дверь. Тяжко она отворилась.

Он ожидал увидеть все что угодно – ослепительный рай, ад, весь в жарко-багряных огнях демонских очагов, холод и лед вселенского бессмертия. Вместо этого он поначалу ничего не увидел. Вернее, он увидел только тьму. Эту тьму нельзя было сравнить с тою темнотой, что была перед медным порогом. Там можно было хоть немного видеть, даже при входе в Тартар. Здесь же ненужным было не только зрение, прочие чувства также не нужны были. Это было похоже на то, будто

он с маху влетел в какое-то черное бескрайнее пространство и завис в нем, слабо трепыхаясь, как пойманное насекомое.

Однако пространство это было обитаемо. Перед взором Меса, быть может, даже внутренним, возникли пять прямых и тонких фигур. Пятеро суровых старцев застыли в неподвижности. Загорелось множество бронзовых светильников, и старцы целиком выступили из мрака. Стали видны их лица, и вместо глаз их была тьма, словно окружавшим мраком постепенно пропиталось все их существо, и последним актом этого действия было то, что тьма пожрала их глаза и сама стала зрением. Тьма была вместо их глаз.

Не нужны были приветствия. Предки были перед Месом. Острым оком взирая на него и видя, они не требовали ни уважения, ни почтения – им было это ни к нему, как не нужно было все прочее, нелепое и преходящее. Живые свидетели тысячелетий. Повинуясь внезапно нахлынувшим чувствам, Мес поклонился.

Зачем ты пришел? Меня волнуют болезни мира. Только лишь волнуют? Не болен ли ты? Нет. Чего ты хочешь? Знать. Знать – трудная вещь. Знать и сохранять – еще труднее, ибо тем самым ты будишь в себе скорбь. Временами я и так скорблю слишком сильно. Моя просьба скромна. Я всего лишь хочу знать, Эта цель недостижима. Даже мы, обреченные на вечное заточение, не знаем. Что ты хочешь знать? Кто такие Гогна? Мы не знаем. Я не ожидал от вас неопределенности. Но может ли знание быть определенным? Оно несовершенно и недостаточно, оно – как огонь этих светильников, горящих, но не разгоняющих тьму. Кто такие Гогна? Ты говорил с Вестником, и он сказал тебе. Этого недостаточно. Не таково ли все наше знание? Гогна – это вы. Мы? Мы. Мы все, продукты неверия. Может, недоверия? Может, и так. В этих словах корень одинаков. Но Гогна другие. Да, те Гогна другие. Они новые. А мы – старые. Вот и вся разница. Что же он – не боится их? Нас он уже не боится. А их не боится еще. Ведь они новые. Молодые. Хотя должны были быть всегда. Они и были всегда. Нет. Дело во времени. Они явились недавно, но влияние их уже губительно. Они сильные боги, антибоги. Тем они и опасны. А что же люди? Они не сознают что делают. А ведь они плодят богов и антибогов. Но им все безразлично. Человек – это смерть. В конце концов он уходит, и, понимая это, он ничего не боится, как ни пугай его засмертными муками. Что делать с Гогна? Сосуществовать. И все? Да. А с ним?

И это ты спрашиваешь только сейчас? Обстоятельства подвигли меня на это. И вновь отвечаем тебе – не знаем. Это решать только вам. Но вы? Что же вы? Мы уже все решили. Сначала ушли наши стражи, немного погодя – уйдём и мы. Кто же останется? Люди. Но они же невечны! Правильно. И в этом их сила.

Светильники погасли, и фигуры старцев ушли во мрак и вновь стали невидимы.

Когда Мес перешагнул медный порог, то вначале зажмурился: после кратковременной, но полной тьмы тьма за порогом показалась ему ярким полуднем. Погребальный костер Сторуких догорал. Дождь перестал. Ему предстоял долгий путь обратно.

Ни боли, ни счастья, ни страха, ни мира, нет даже забвения в ропоте Леты. Над Стиксом безгласным туманно и сыро, и алые бродят по камням отсветы.

Лечебница находилась вдалеке от города, в уютном и тихом месте, среди обширного, тщательно прореженного и окультуренного леса. Она была укромно запрятана в деревьях, поэтому редко кто знал, что здесь находится место, где потерявшие покой люди ищут его и не могут найти. Лечебница занимала довольно большую территорию, архитектурно была выверена по точным, изящным линиям классических образцов и в целом являла собою пример невидимого миру прибежища, надежно укрывающего своих питомцев. Среди деревьев в лесу преобладали в основном клен и дуб, сюда намеренно не заносились чуждые, неземные породы растений, гибкие, красные и клейкие, будто смоченные лаком. Содержащие лечебницу справедливо считали, что человека может излечить только вид его деревьев, память о которых вековечно коренится в его генах, и все чужое и неестественное лишь отпугивает миг выздоровления, приводя организм, напротив, к немедленной и сильно нежелательной развязке. Все эти давно ставшие постулатами правила были золотыми буквами вписаны в толстую книгу устава лечебницы, незыблемую и строгую эклогу ее законов. Но на деле этих правил мало кто придерживался. Сошедшие с пути люди здесь сходили с пути все больше и больше, и самая мысль, самая память об этом понятии, нормальном для каждого здорового человека, уходила из них с каждым днем, с каждым часом, как уходит по капельке жизнь из тела. Здесь было много пациентов, и по всем требованиям лечебница была призвана образцовой.

Ее окружал высокий каменный забор.

К небольшой дверце в этом заборе подошел Ахаз Ховен. На Землю он прибыл официально по документам на имя Невилы Тюренна и по причине, которой он лично придавал значение особенное и немаловажное. По этой самой причине он, оставив свой неотвязно-любимый мир, не забредал по пути ни в одно другое место, сразу же прибыв сюда. Он позвонил. За дверью не затопало и не зашуршало, не послышалось ни одного звука, по которому можно было бы судить о подходящем привратнике, готовом ее открыть. Ховен позвонил еще раз и сильно толкнул дверь. Шагнув в открывшийся проем, он мельком пожалел, что так долго ждал ответа в этом месте.

Так же, как и вне ограды, здесь тоже царила осень. Разодетые в искристо-желтые листья, как в пестрые рваные рубища, стояли здесь клены, часто и многоствольно. У их корней торчали свежесрубленные пеньки, что говорило о том, что роща содержится в заботливом порядке, а разросшийся кустарник безжалостно вырубается. Повсюду, даже на белых дорожках, разбегающихся по всем направлениям, опавшие, желтые, красные, багряно-жаркие – опавшие листья. С кучами их, бугрящимися везде и курящимися едковатым, серным дымком, не справлялись и усердствовали, дабы ни единого постороннего листика не было на больничной территории, чтобы ничто не привлекало взгляд и не отвлекало внимания больных от правильного единообразия природы.

Лечебница специализировалась на наследственных заболеваниях. Ховен невдалеке от себя обнаружил группку непонятных и нескладных существ, неуклюже пытавшихся наладить собирание в одну кучу палых листьев. Это были пациенты лечебницы, несчастные, уродливые создания, которых должны были бы здесь лечить и излечивать, но на самом же деле просто содержали. Ховен пошел к виднеющимся впереди светлым стенам и четким линиям больничных корпусов.

Природа неизвестно чему – радовалась. Была осень, и спадал желтый лист, и шумели уже тронутые зимней чернотой, почти нагие ветви, и слышалось в небе пиликанье птиц, улетающих на свои зимние курорты, но все равно солнце светило по-летнему ярко и жарко и бросало волнующие зайчики с помощью больничных окон, в ветвях гомонили птицы, другие, которые, по-видимому, на нынешний момент улетать совсем не собирались, и солнце сияло, и особенно странно было видеть это тут, в обители скорбей и недугов. Ховен сурово

взглянул на это несвоевременное осеннее гульбище, в котором взбрыкивала и смеялась природа, и вошел внутрь.

Тут его сразу же, безо всякого подходящего случая пролога, оглушило и озадачило многообразие и разносторонность человеческих напастей. Двери во все палаты, которые служили также и комнатами для проживания пациентов, были распахнуты, и больные свободно гуляли по коридорам или находились в своих палатах, все равно отлично видимые. Ховен видел людей коротких, с круглыми лицами, бесформенными, скатанными в комок ушами, людей косоглазых и беззубых, с маленьким носом и широкой переносицей, гидроцефалов и микроцефалов с головами, как гигантские пузыри, наполненные жидкостью, или, напротив, крошечными как кулачок, людей кривошеих и короткошеих, людей с синдромом «лица свистящего человека», с глубоко запавшими косыми глазами и очень маленьким ртом, людей с полностью заросшими веками, глухих и слепых, добродушных и одинаковых, словно близнецы, страдающих болезнью Дауна, клювоносых больных синдромом Рубинстайна-Тейби с огромными ноздрями, людей низкорослых, с вывернутыми губами и куриной грудью, с большими уродливыми ушными раковинами, людей с лицами застывшими словно гипсовый слепок или, наоборот, судорожно гримасничающими под необъяснимым действием тика. Были еще какие-то скрюченные, немые, но глядящие глазами, полными непередаваемой тоски, и еще горбатые с длинными шеями и огромными черепами, передвигающиеся толчками, и еще какие-то, и еще, но тут даже тренированная память Ховена отказалась ему служить, и он принялся просто констатировать – вот еще урод, потом такой же, но уже чуточку другой. Люди выглядывали из дверей, лежали на кроватях под действием лекарств, ковыляли по коридорам, издавали бессмысленные звуки, мочились, тупо, по-животному скалились, что должно было означать улыбку, неподвижно, часами, просиживали на стульях, на кроватях и на полу, ели – нечистоплотно и скверно, как могут только есть люди, переставшие быть людьми. Ховен шел по коридорам. За весь свой путь по ним он не встретил ни единой души из обслуживающего больницу медицинского персонала, ни единой сестры в белом передничке и в аккуратном колпачке на волосах, ни единого верзильи-санитара. Он шел по коридорам.

Ему нужна была доктор Юфина Эдмонда Гутьеррес. По слухам, в последнее время она обреталась именно здесь, в

этой клинике, безвылазно и не показываясь на Буле. Ее отшельничество несколько не смущало Ховена, оно было ему даже на руку, неожиданность ее появления на грядущем Буле только сильнее выбьет из колеи его противников. Не беда, что он не общался с нею много веков. Они узнают друг друга, а Гутьеррес должно понравиться его предложение. Ведь сколько времени она находится в этом жутком склепе, ей должна показаться приятною мысль, что он, Ахаз Ховен, нарочно прибыл сюда, дабы вывести ее в мир и официально признать ее существование как члена Буле.

Даже здесь, в здании, запах тлеющих древесных листьев был ощутим и неотвязен. Путь Ховену преградила женщина. Это была странная женщина, и Ховен, сначала принявший ее за одну из пациенток, потом всмотрелся повнимательнее. На ней было черное, без украшений, платье, а черная косынка покрывала ее голову, оставляя открытым только лицо. Лицом-то она и привлекала внимание. Оно было очень бледным, но не это приковывало взор. Казалось, все безумие и сумасшедшая одержимость лечащихся в клинике были сконцентрированы в этом лице, делая его черты резкими, выражение – одухотворенно-страстным, как у кликуши. Особенно поражали ее глаза. Они были белыми, горящими сумасшедшим огнем, но в то же время удивительно провидящими. Это были глаза Кассандры. Ховен поежился, заглянув в них. С обеих сторон к женщине льнули два уродливых идиота, оба без рук, и что-то мычали, пуская желтые слюни.

Ховен шагнул к женщине и наклонил голову.

– Мать Гутьеррес, – сказал он вполголоса. Женщина резко дернула головой – кивнула.

– Ахаз Ховен, – сказала она. Ее голос был лишен всяких интонаций, но и исполнен их одновременно, точно она была чревоушательницей. Она молча повернулась, отшвырнув идиотов, и последовала куда-то напрямик, мимо кишящих любопытными уродами палат. Возле одной он нагнал ее.

– Куда мы идем? – спросил он.

Гутьеррес начала смеяться, хрипло и пронзительно, и Ховен отшатнулся от нее. Дальше шли в молчании. Миновали несколько лестниц, по последней начали подниматься. Еще палаты, в них – сплошь морщинистые карлики. Еще лестница. Поднялись по ней. Пришли. Дверь без таблички, черная, как безысходная тоска. За ней открылась маленькая комнатка. Вся она была загромождена разным хламом, пыльным и бес-

цельным, в том числе банками с заспиртованными зародышами. Первым побуждением всякого глянувшего на этот хлам становилось то, что совсем не хочется приглядываться и выяснять, из каких мерзких отбросов состоят эти груды и горы. Ховен был не исключением.

Как только дверь была закрыта, женщина бросилась к Ховену на грудь, крепко обняла его и поцеловала в засос. Он отлепил ее от себя, убрал в сторону и утер губы.

– Ты что, окончательно рехнулась? – сказал он. – Я не проведать тебя пришел.

Раздосадованная, она уселась на замусоренный стол.

– Я не хотела тебя видеть, – сказала она. – Но вот. Ты пришел. И я рада тебя видеть. Я тебя ненавижу. Но мне дорого твое посещение.

Он, по-видимому, привык к зигзагообразному ходу ее мыслей.

– Я явился по делу, – сказал он.

– Подожди, – сказала она. Нет. Не жди. Хотя. Постой. Я не понимаю. Дело. Прыгаю. Черт.

– Не волнуйся, — сказал он.

– Не путай меня, – сказала она. – Я хотела что-то. Спросить. Да. Какое дело?

– Ты окончательно свихнулась, – сказал он. – Тебе нельзя здесь оставаться. Эти люди, они убьют тебя, убьют твой разум. Пойдем со мной.

Она снова начала смеяться.

– Люди, ха-ха! Ха-ха, убьют, ха-ха. Люди.

Вдруг она осеклась.

– Человек – мое животное, Ахаз, – сказала она.

– Ты не любишь тех, с кем я вижусь, – сказал он. – Даже ненавидишь. Так ведь?

– Да, – сказала она. – Всех. Ненавижу. Они меня изгнали. Давно. Это был мелкий проступок. Но все равно. Они покарали. Это было давно. Но все равно ненавижу.

– Прекрати, – сказал он. – Ты постоянно говоришь об этом. Ты нужна мне. Помнишь ее? Ту, что тоже изгоняла тебя?

Юфина Эдмонда Гутьеррес вскочила и закружила по комнате. Сейчас она больше всего была похожа на безобразную ночную птицу. Белые глаза ее сверкали так, что было больно смотреть в них.

– Какую? – бормотала она. – О, их было много! Но все они, все, ушли. Так какую же. Какую? Скажи.

– Раньше ее звали по-разному: Карпофора, Фесмофора, Хлоя, Хтония, Термасия, Мелайна.

– О! – запела она. – Мелайна! О, конечно, я ее помню. Я помню тебя, Мелайна!

Ховен стоя наблюдал за этим взрывом темного ликования.

– Скоро очередное Буле, – сказал он. – Ты обычно не ходишь на Буле.

– Я обычно не хожу на Буле, – бормотала она кружась. – Я обычно не хожу на них. Но там будет она, Мелайна, Хлоя. О, я пойду туда, герр Ховен. Можно, я пойду туда?

– Можно, – сказал он. – Ты должна околдовать ее.

– Околдовать ее? – повторяла она. – Околдовать? Но когда-то за это меня изгнали с Горы.

– Не бойся, – сказал он. – Ведь я тоже буду там. И Мес. Мес тоже там будет.

– Мес? – говорила она. – Герр Мес, Аргоубийца? Его не было там, на Горе, когда меня. И тебя тоже там не было. Вы двое. Будете на Буле.

– Да, – сказал он.

– Но как я могу кинуть этих? Они останутся здесь без меня. И излечатся.

– Ты очень скоро вернешься, – сказал он. – Это не продлится долго. И потом – они безумны и без тебя. Ты им более не надобна.

– Как? – забеспокоилась она, вновь забегав. – Как? Я? Нет. Да. Хотя. Подожди. Постой.

– Я стою, – сказал он.

– Нет, – сказала она. – Не может быть. Они. И я. Это одно целое. И вдруг.

– Помолчи, – сказал он. – Ты вернешься. Ты вернешься и будешь продолжать, если тебе так хочется.

– Да, – сказала она. – Я уже не могу без этого. Мне надо. Прости.

– Пожалуйста, – сказал он. – Так ты придешь?

– Да, – пела она самозабвенно. – Да. Я приду. Я приду, герр Ховен. Я приду.

– Хорошо, – сказал он. – Хорошо. Просто отлично.

Выходя, герр Ахаз Ховен погладил одного юного бессловесного кретина по угловатой головке.

Хор

Ни с того и ни с сего
Вдруг поднялись, зашумели
Как в лесу стенают ели
Под порывами метели,

Начали решать – кого
Выбирать на самом деле
После векового сна
Закричали, загалдели,

Голос подала война,
Голос крови и тарана,
Голос сабли, в битве рьяной,
Голос шашки, битвой пьяной.

Голос подала она.
Зов ядра и ятагана.
Взволновались, забурлили,
Как под дулами наганов,

Разговоры не любили,
А любили развлеченья,
Пыл, ненужные мученья,
Философские реченья.

Жизнь свою враз загубили,
Вниз сплавляясь по теченью,
Все гордились и кичились,
А нуждались в обученьи,

Но презрением сочились.
Козни, странные советы,
Бестолковые ответы,
Злобно-страшные наветы.

А учиться – не учились,
Летя вдребезги в кюветы
С высоты золотого трона,
Обнадежившись приветом.

Покривилась корона.
А ведь клялись и корпели,
В однообразии тупели,
Гневались да песни пели.

Не смогли снести обновы.
Как ни рвались и горели,
Вновь подняться не смогли.
Громы грянули, и снова
Семь Архонтов у Земли.

Ей снилось. Храм с колоннами словно лес, невидимые в темноте своды, по углам и возле стен тьма. Поют. Это жрецы.

Поют. «Я тот, кто сотворил небо и землю и населил их живыми существами... Я тот, кто сотворил небо и тайну его высот и вложил в них души богов... Я тот, кто, открывая глаза, повсюду разливает свет, а закрывая их – все окутывает тьмой... Воды Нила текут по его повелению... Но боги не ведают его имени...» Ступени, мощные балки каменных перекрытий, портики, все из серого камня, и надо всем этим разлито звездно-вечернее небо, а жрецы все поют. «Слава великой Баст, богине-кошке. Ибо она веселится, и все живое веселится вместе с ней. Небосклон играет вместе с ней, и звезды пляшут ее вельнем». Звучат музыкальные инструменты, почти зримо, журчаще и ритмично льется мелодия, кто-то танцует, стучит босыми пятками об пол, звенят женские украшения, звучит и звучит систр, льется мелодия, звенят украшения, пляшут и поют, звучит и звучит систр. Этот сон – не тягостный, неизлечимо-неизвестный кошмар, он приятен, я еще очень долго смотрела бы его с удовольствием и видела бы эти картины, – ведь они так дороги мне. Взошла луна, освещает многолюдное сборище – здесь мужчины и женщины, все вместе, вперемешку, слышен людской смех, от которого теплеет на душе, звучит и звучит систр, все пляшут и поют и смеются, а луна освещает это сборище в ночи, в одиноком храме на краю великой и молчаливой пустыни. Зажгли костры, при их свете пляшут и поют. Некоторые парами уходят в темноту, прочь от света костров. Ночь тепла. Вверх несутся искренние хвалы богине-кошке Баст, у которой такой легкий и приятный характер. Славься, мать Баст! Славься во веки веков! Звучит и звучит систр.

Перед ее глазами встают строки из ею же написанного трактата. Он назывался «О взаимовзвешенности плоти и духа», но, о боги, каким сухим и несодержательным было это название по сравнению с той бездной мудрости, которая была туда ею вложена. О, она была достаточно умна, чтобы написать книгу не хуже той, что создал Тот, символ мудрости. Не ее вина, что трактат этот сгорел при пожаре в библиотеке Александрии: к сожалению, свиток был недолговечен, и никто не знает о нем, никто, кроме тлену подлежащих, хотя и мудрых жрецов, не прочел его. Хайя, горе мне!

«Человек сотворяет все: дома, деревья, животных, воду, плоды, храмы, поля, плуги, драгоценные украшения, масло, лодки, пищу, – человек – дитя богов. Боги сотворили его, и человек создал их. Именно поэтому – как излишний груз то-

пит ладью, как огонь очага превращает в пепел хижину, как созданное орудие губит своего хозяина, – так и человек сильнее богов, его создателей, и волен над ними».

Систр все звучит.

Пробудилась. Мое имя – Мириам Хойра. Я уже не знаю толком, сколько мне лет. Сеть, сотканную из лет, будто кто-то вытянул из моей памяти – вытянул пустой. Имя мое – Мириам Хойра. Я живу на Земле и никогда не бываю на Вихрящихся Мирах.

Она жила на Земле, всегда на одном и том же месте. Она не страдала патриархальщиной, не давала никаких обетов, просто так было заведено испокон веков. Она была красивой. Гибкая и грациозная, с тяжелой гривой черных, отливающих синевой волос, закинутой за плечи, она, Мириам Хойра, известная танцовщица и поэтесса, была желанна везде, но у нее никогда не бывало гастролей. Нередко в широкие круги просачивались слухи о какой-нибудь ее очередной эксцентрической выходке, которыми она славилась. Но она была талантлива, и в нее верили. Верили, что нескоро забудется полутемный зал, загадочная завеса экзотической музыки, колеблющаяся в воздухе, и резкие, даже ломаные, вывернутые движения ее смуглого, привычного к ним тела, трепещущего под воздействием мелодии и наркотического опьянения танца. Ее пристрастие к странным, полувоздушным нарядам, тяжелым золотым украшениям, к резким мазкам косметики на лице и особенно к кошкам вызывал в артистических кругах легкую насмешку, но не более. Ведь она была талантлива, и ей все прощалось. Знаменитые художники, композиторы, прочие люди искусства приезжали к ней в Луксор, и она встречала их в комнате, больше похожую на древнюю погребальную камеру, всю в сандале, золоте и пышных, тяжелых драпировках, окруженная своими любимыми кошками, которых было огромное множество, и они прыгали, мяукали, ходили вокруг нее с поднятыми палкою хвостами, ластились и терлись об ноги своими маленькими твердыми круглыми головами. Люди искусства восторгались, но она не замечала этого восторга, а если даже и замечала, то по ее виду ничего подобного определить было нельзя. Величественная, царственная, она держала себя так, будто гости – это ее рабы, и в любой момент можно будет их наказать или же облагодетельствовать.

Ее артистическим псевдонимом было имя Сехмет.

Считали простым капризом то, что она постоянно и почти безвыездно проживает в Луксоре. На ее танец приезжали посмотреть издалека, приезжали восхищаться – уже заранее, не видя танца воочию, они пребывали в устойчивом состоянии восторга, и ее исполнение только добавляло этой устойчивости. Может быть, даже лица ее конкретно не запоминали, может, не видели глаз, но магия танца искупляла все, они сидели как зачарованные, смотрели, смотрели. Она была их владычицей, боготворилась ими, и воистину, она была богиней этого места. Но ей самой это не приносило удовлетворения.

Она не могла покинуть город. Когда-то, правда, она имела постоянное пристанище в древнем Бубастисе, но упадок города и гибель ее кошек от какой-то неизвестной эпидемии сделал свое дело: она ушла оттуда и вскоре поселилась в Луксоре.

Она полюбила этот город. Древний Луксор был великолепен, не в пример жалким строениям нового города. Тот образцом своих построек уходил в сторону от величественности исполненных зданий Луксора древнего, Луксора фараонов, Луксора Хатшепсут и Рамсеса. Она часто прогуливалась здесь, и древние камни нашептывали ей древние песни каменщиков, строивших грандиозные здания. Она приходила к Луксорскому храму и здесь стояла в великолепном проходе между двумя рядами огромных каменных колонн. Здешний храм Амона также привлекал ее внимание, и она часами всматривалась в лицо титанической статуи Рамсеса у его входа. Она проходила аллеей сфинксов, и сердце ее переполнялось изумлением, радостью и любовью к людям, возведшим к небесам такое чудо. Синие небеса молчали, и с приходом ночи замолкали также растрескавшиеся камни, мудрые от нескончаемости веков. Золотая колесница Ра погружалась в океан, и ночь нисходила на обильную богами страну пирамид.

С остальными она почти не виделась, ибо все ее время было поглощено любимыми ею танцами, и на сварливые усобицы его не хватало. Но она была в курсе того, что происходит. Доступным всем Детям Нуна чувством, в основе которого лежит всеведение, она ощущала и разлад, и распад, и ненависть и не одобряла, и ненавидела это. Такое времяпровождение – удел одного только Сета, я думаю, который и есть зачинщик всех бурь в мире, а остальных, в том числе и Монту и Тота, он лишь втягивает во вселенское столкновение мировых

зол. Быть может, мнение такое было ошибкой, но она привыкла считаться со своим мнением.

Жилищем ее был один из здешних храмов, должным образом перестроенный и приспособленный под ее нужды. Проживание в таком особенном доме также относилось к числу прихотей ее изменчивой натуры и не осуждалось, чему она была очень рада. Дом-храм был удобен тем, что мог вместить неограниченное число гостей, – а ведь она славилась своими приемами, – ибо был велик размерами. А собственно ее покои, личный кабинет, спальни и прочие помещения были устроены позади храма, переделанные из многочисленных камер для хранения ритуальных приношений и жилищ жрецов. Цветные изображения, когда-то сплошь покрывавшие стены, от времени стерлись, и их пришлось освежить и подновить, резьбу колонн – углубить и привести в порядок, и храм, превратившийся в дом, для чего, собственно, и предназначаются все храмы, в которых живут божества, вновь засиял во всем своем великолепии.

Мало кто знал, чем занимается улыбчивая и доступная Мириам в свое свободное время, не занятое приемами и разучиванием новых танцев. Она всегда была на виду – или же так казалось. Оказывалось, однако, что бывали и такие дни, когда ее не донимали настырные поклонники. Тогда Мириам Хойра писала свою книгу. Нет, она не восстанавливала трактат «О взаимовзвешенности». Это было отдельное, самостоятельное произведение, куда, конечно, вошли и ее мысли из предыдущего труда, как основные идеи, не дающие покоя и тревожащие автора, встречаются во всех его произведениях. Трактат назывался «О конце» и был уже близок к завершению.

Так жила танцовщица Мириам Хойра, существо абсолютное аполитичное и легкое, как птичье перо, интересующееся только своими танцами, писанием серьезного философского трактата и виртуозной игрой на сестре. Память не беспокоила ее, а она решила не беспокоить память, – это было бы бесполезным и никчемным занятием. Оно только встревожило бы душевные раны, уже затянувшиеся устраивавшими ее твердыми рубцами. Воспоминания о прошлом у нее, как и у других ее соплеменников, вызывали только боль. А они не любили боли самозабвенной и жертвенной, полагая такую разновидность боли явлением крестной муки, а значит, омерзительным извращением.

Уже давно не выдавалось у нее свободного дня, когда можно было бы вздохнуть и с легкой душой приняться за работу. Колобродящие мысли в ее голове тем временем стало невыносимым, то и дело мозг выдавал готовые, уже отшлифованные фразы, хоть садись и записывай, некоторые идеи достигали точности и сжатости афоризмов, поминутно выскакивали полузабытые слова и речения. Все это нужно было немедленно запечатлеть на бумаге. Новейших устройств для записывания мыслей она не любила, предпочитая по старинке бумагу и перо.

Она писала. Выходило необычно и, уж во всяком случае, спорно. Она писала.

«Что есть пространственность Хаоса и что есть тогда пространство вообще? Выдвижение античными мыслителями разных концепций Хаоса то как разлитой воды, то как бесконечно-пустого пространства требует своего вопроса, а именно – где? Где тогда такой Хаос – хаос-пространство, время, яйцо, то есть непрерывное и бесконечное становление? Несмотря на всю невозможность и даже невообразимость данного вопроса, ответ на него, пусть в самой фантастической форме, все же имеется. Хаос трансцендентен, он вне всего, а то, что подразумевали под Хаосом древние, на самом деле является Космосом. Как такое может быть? Космос в полной мере подходит под всевозможные и невозможные описания: он и безраздельно пуст, но и животворен, он и беспределен, но и ограничен, он и страшная бездна, но на деле бездна вовсе не такая страшная, что доказывается современными исследованиями. Тогда что же: Космос – это Хаос? Нет. Парадоксально, но всякая вещь в Космосе – оформлена, тогда как Хаос бесформен и бесформенны его сущности. Значит, Хаос – смерть? Нет, Хаос – жизнь, он дает ее всему, что рождается, ибо бесформенно рожденное. Но смерть – это Космос, то есть тот мир, где пребываем мы, ибо смертна оформленная, оконтуренная оболочка. Такое значение смерть приобретает для одного только человека как механизма мыслящего и ей подлежащего и склонного о смерти размышлять, чем он, впрочем, от животных и отличается. Мысль о конце тревожит его, а мысль о том, что в Хаосе расплывется его душа, разрушится его самость, хотя и с последующим выплавлением новой личности, приводит его в ужас и содрогание. Смертный желает жить вечно. Но бессмертный, или бог, жить вечно отнюдь не желает – это для него не самоцель. О чем же знает он? А о том, что он и отлич-

чается-то от смертного не только тем, что конец его отодвинут на какой-то неопределенно долгий срок, но и тем также, что в Хаосе, прародителе и убийце, сущность его не расплавится и не сгорит, будто в горне, но будет существовать самостоятельно, как носятся в бушующем потоке отдельные песчинки. Более того, душа бессмертного будет себя чувствовать там так легко и привольно, словно все свое существование она была здесь, тяготясь немного лишь тем, что навек отрешена от своих земных и чувственных дел. Этот предмет, однако, несильно будет заботить ее, ибо, если пойти и дальше, можно высказать и такую гипотезу, что души и сущности бессмертных могут по своему желанию и по желанию своего опекуна Хаоса, естественно, возвращаться на Землю, дабы воплощаться здесь в разных произвольно выбираемых оболочках. Такая мысль кажется просто безумной, но, как и всякая смелая гипотеза, она имеет право на существование. Вся проблема в том, что бессмертные, уходя в Хаос, делают это не ради удовольствия, а терзаемы болями и скорбями по этому миру. При уходе в Хаос бессмертного не тревожит беспокойство по поводу своего будущего – оно вполне безоблачно. Но тревожат его мысли о прошлом, и с этим ему приходится смириться».

Дописав, она порывисто встала и заходила по комнате, обдумывая написанное и, что до нее случалось со многими писателями, постепенно приходя к выводу, что эти слова подсказаны ей свыше. Но кем? Другом и покровителем ее, тем, кто судит и воскресаает из мертвых? И она преисполнилась благодарности к нему, подсказавшему ей такой чудесный и ясный выход.

Мес вошел к ней в разгар этих раздумий, когда она, не замечая ничего вокруг, застыла у своего стола, устремив полный провидческого знания взгляд за окно, где огромные резные менгиры луксорских храмов упрямо топорщились под жгучим солнцем и неустанными ударами прибороев времени.

– Мириам! – негромко позвал Мес и увидел, как его голос заставил вздрогнуть ее, моментально напрячься, как изо всех сил она пытается обуздать себя, стреножить, чтобы с радостным писком не броситься ему на грудь и не залить ее горячими и долгожданнами слезами. Вместо этого она, пересиливая себя, медленно повернулась – и вдруг бросилась к нему и крепко обняла его. И он также не сумел воспротивиться этому порыву, этому мощному притоку силы, бьющей из нее, и его объятия были не слабее. Но во время этой неожиданной

вспышки мозг его остался незатуманенным, мысли были так же ясны, и он поэтому без труда понял, что прежняя его любовь к ней так и не проснулась, так и не проснется. Они шептали что-то, покрывая друг друга поцелуями, но с его стороны это было немного принуждением, хотя и приносящим приятные плоды. К тому же мысль, что она может принадлежать к чужому лагерю, совершенно отравляла все. Он не мог не думать об этом, даже когда целовал ее губы.

Когда все понемногу утихло и взаимные, внезапные и нахлынувшие нежности кончились, она подняла на него свои прекрасные глаза.

– Ведь я ждала тебя, – произнесла она с укоризной. – Ждала, давая в себе желание и любовь, не оставляя лазейки надежде... Ты бы мог прийти. Но не захотел.

Он нежно провел ладонью по ее щеке.

– Ты же знаешь, что я вообще не появлялся здесь.

– Я искала тебя, – проговорила она и отвернулась. – Я была на многих Вихрящихся Мирах, но и там тебя не было. И я оказалась сама себе такой непроходимой душой, так резко вспыхнул передо мной свет правды, и ты так явно показался в нем в образе пустого и легковесного болтуна... – Она замолчала. – Извини. Я не хотела тебе этого говорить. По крайней мере, сейчас.

– Я не обманщик, Мириам, – мягко сказал Мес, вновь касаясь ее. – Прости, я запутался, и даже сейчас не вижу выхода. И никто не может мне показать, где он. Быть может, ты сможешь сделать это?

– Ты пришел только за этим?

– Нет, – и он притянул ее к себе, начал целовать, но она вырвалась и ударила его по щеке. Лицо ее горело, волосы растрепались.

– Такой, как прежде, ты меня не найдешь, Тот, – сказала она.

– Ты всю жизнь пыталась вовлечь меня в какое-то непонятное соревнование, – ровно произнес он. – Я это знал, но не хотел осаживать тебя. Вижу, ты не оставила своих бесплодных попыток. Ты хороша, когда являешься сама собой, Мириам. Я хотел поговорить с тобой.

– Хорошо, – произнесла она. – Но не больше.

– Может, и больше, – улыбнулся он, без стеснения ее разглядывая. – Вижу, ты действительно стала другой. Округлилась в некоторых местах.

– Оставь свой дурацкий тон, – снова вспыхнула она. – О чем ты хотел говорить?

– Не обижайся. Я не хотел портить отношений... Узнано, что Осирис раздает какие-то титулы... или звания, не знаю как сказать. Это распространяется не только на его окружение, но и, что самое интересное, на нас. Недавно я беседовал с неким Жиро, и он предупредил меня о том, что Сатаной хотят пожаловать нашего общего друга Сета.

Она усмехнулась.

– Ничего себе титул! Но на этот раз – в точку. Сет прекрасно подходит для этой роли.

– Да, но я не досказал. Он действительно объявлен Сатаной, хотя еще неизвестно, понравится ли ему это. Титул этот – такая же фикция и синекюра, как, скажем, и звание Архонта. Однако он к чему-то обязывает, но я не думаю, что сам Осирис в точности знает обязанности Сатаны, кроме того, что Сатана должен быть по отношению к нему в оппозиции.

– Какая ерунда!

– Ты философ и должна разбираться в этом. Другое дело, что ты не интересуешься нашими делами.

– Не оправдывай меня, – сказала она. – Ложь – единственное, что я не терплю. Ваш же мир целиком замешан на лжи.

– Слушай дальше. Звания Пророков им не даруются, ибо люди сами наделяют себя их полномочиями. А вот Антихрист должен быть объявлен свыше.

– Кто же он? – заинтересовалась она.

– Точно не знаю. Но думаю, им будет некто Браганса. Сейчас это неважно. А важно то, что тебя он объявил Шехиной.

Они стояли друг напротив друга в молчании, пока Мес не спросил:

– Ты не удивлена?

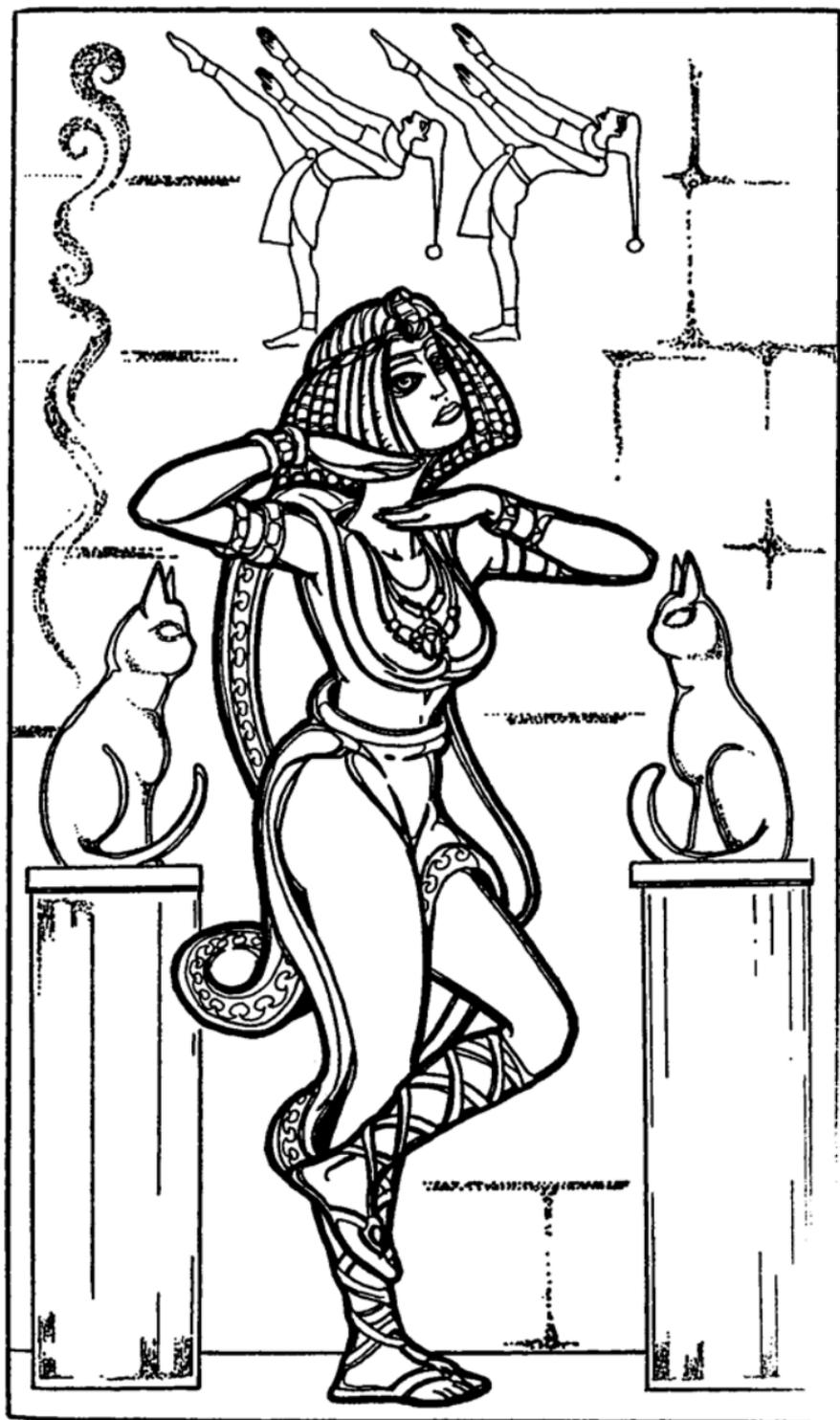
– Я знала об этом, – ответила она. – Он известил меня заблаговременно.

– И ты согласилась? – натянуто спросил он.

– Конечно, – совсем не так натянуто, а с легкостью, лучезарно улыбнулась она. – Я – его представитель здесь, его проявление в этом мире и даже, если позволишь, посредник между ним и вами.

Она замолчала, улыбаясь. Мес, который никак не мог опомниться, стоял и смотрел на нее.

– Так, так, – наконец сказал он. – Этого-то я и боялся.

– А бояться здесь нечего, – ответила она. – Облечение таким званием подразумевает хоть какую-то к нему симпатию, а откуда ей взяться у вас? Да вас всех поголовно можно объявлять Сатанилами!

– Это что, шутка? – сухо спросил он.

– Я сейчас редко шучу, – так же сухо сказала она. – Я больше плачу сейчас, глядя на вашу бесполезную грызню. Кроме того, я буду присутствовать на следующем Буле в качестве его представителя и обо всем доложу ему. Своевременно.

Мес приблизился к столу и в рассеянности поворошил лежащие на нем исписанные листы.

– Лучше бы ты занималась своим трактатом, – вдруг произнес он. – Ты, игривое и веселое существо, сама себя втянула в отнюдь не веселую и уж точно нечестную игру.

– Мне надоели ваши дразги, – сказала она. – Пусть вы и меня когда-нибудь раздавите, как вскоре раздавите Исиду, – все во благо!

– Ты и это знаешь? – усмехнулся Мес недобро.

– Какой ты стал! – прошептала внезапно Мириам. – Тот, ты стал злым и перестал быть похож на самого себя, прежнего. Тогда ты был остроумный шутник, любитель жизни, веселый и продувной и симпатичный. И я любила тебя такого. Сейчас же ты стал желчным и недобрым и жаждущим невинной крови. Я перестала любить тебя. Ты разве не понимаешь этого? Тот, тебе нельзя заниматься тем, чем ты сейчас занимаешься, опомнись!

– Нужда, – сцепил пальцы Мес – Это все нужда. И принципы.

– Отбрось их!

– Не понимаю, откуда взялся в тебе этот геройский оптимизм?

– Я же сказала тебе, что изменилась, – тихо проговорила она.

У него было тяжело на душе. Он шел сюда, думая, что это только слухи, что она на их стороне, что, возможно, он даже полюбит ее или как там бывает – чувство снова проснется в его душе, и все будет как прежде. Но нет, не будет ничего как было прежде, а все будет наоборот, и лишь тьма Хаоса впереди.

– Ты была хорошей поэтессой, – глухо напомнил он. – Прочти мне какое-нибудь стихотворение.

Она с готовностью кивнула и сказала:
– Это новое мое стихотворение, написанное совсем недавно. Оно называется «Ощущение»:

Нарастая повсеместно,
Белладонной вырастая,
Будто черных уток стая,
Будто черной туши точка,
Лишь сравнима с мукой крестной,
Будто от тюрьмы отсрочка,
Бессловесная, простая,
Появляется неожиданно
И польнью прорастает,
И твержу я постоянно:
«Подожди, еще настанет,
Светлый день придет в июль,
И тогда свечой истаёт
И пройдет навечно боль».

Трифона Малларме, существо самое изменчивое и своевольное, отыскать очень легко. Живет он в море, но не в черных его глубинах, как Форкис, а на той еще глубине, куда достигают солнечные лучи, раскрашивая все в зеленоватоголубой цвет и делая обманчиво-переливчатым. Здесь, по слухам, у Малларме великолепный дворец, куда он, впрочем, никого не пускает и не приглашает. Раньше у него было много дочерей, которым злые языки прочили роль одалисок его обширного гарема. Сейчас он живет один и, опять же по слухам, очень скучает. Но все это лишь слухи. Трифон Малларме живет в море, дел не ведет и на людные собрания, за редким исключением, не ходит. Его советов добиваются многие, но не многим он их дает. Он счастлив.

Трифон Малларме славится своим умом и мудростью. Единственный среди оставшихся, он по-прежнему владеет ключами от многих бездн, где хранятся секреты и тайны мира, а раз ключами владеет он один, значит, он один обо всем и знает. Ибо, как гласит древняя мудрость, кто владеет информацией, тот владеет миром. Согласно этой истине, Трифон Малларме и есть тот гипотетический Господь, в существование которого многие верят, а если даже и не верят, то хотя бы надеются, что таковой в действительности существует.

Трифон Малларме существует. Он живет в море.

Однажды некто со странным именем герр Магнус Мес решил отыскать его, дабы задать ему несколько накипевших и наболевших вопросов. О нем давно уже распространялись

истории, что он задает некоторым довольно трудные вопросы, у которых, по всей видимости, настолько трудные ответы, что респонденты Меса, пытаясь на эти вопросы ответить, слегают с длительными головными болями. Но Месу, как думали окружающие, этого было мало, и он решил помучить также и Малларме.

Итак, следуя условию, герр Магнус Мес отправился на берег моря. Достигнув береговой полосы, он побрел вдоль линии волн, внимательно следя, как эти волны, цвета прокисшего киселя, натужно пытаются доползти до его босых ног, словно стараясь укусить, а затем уходят в песок, безнадежно отчаиваясь. Следуя заданным курсом, Мес по очереди набрел на: а) поседевший от соли ржавый гребной винт; б) полу-сгнившие сети; в) почти не тронутый тлением труп молодой женщины в купальном костюме; г) пучок водорослей; д) старичка с бородой, удящего рыбку. Этим старичком при ближайшем рассмотрении и оказался искомый Трифон Малларме. Он глянул на Меса и произнес:

– Проходи, чего встал! Рыбу мне распугаешь.

На Малларме была сползшая на затылок широкополая шляпа-брыль и старые плавки со слабой резинкой. Он был весь коричневатый от загара и дымил вонючей, прихотливо изогнутой трубкой.

Мес молча плюхнулся рядом с ним на песок. Шло время, светило солнце, дымила трубка, плескались волны. Мес исподволь, но внимательно следил за Малларме. Сначала тот просто сидел, шурясь и временами поглядывая на поплавок. Потом он обнаружил в своем носу рудник и, действуя острым отросшим ногтем указательного пальца, как кайлом, начал не спеша откалывать в глубинах своих малоразработанных карьеров целые глыбы, вытаскивая их затем на белый свет. Тут оказывалось, что они различны по размеру, форме и цвету. Хорошенько рассмотрев добытое, Малларме, по видимости, приходил к заключению, что это пустая порода. Поэтому палец опять, словно неумолимая вагонетка, нырял в темную глубину обширных катакомб, чтобы принести на себе обратно новую порцию отвоеванных у упрямых недр сокровищ. Приносимое, которое вновь исследовалось придирчивым взглядом, клалось на ноготь того же пальца, следовал короткий и сильный щелчок, и таким трудом добытый клад по правильной и плавной траектории проносился над волнами и чуть ли не с тяжелым бульком падал в воду. Затем следовало, видимо,

погружение на дно, учитывая тяжесть даримого морю. Иногда же в глубинах заросших седым волосом шахт слышался сочный чмок, и палец возвращался странно влажным. Тогда Малларме медленно тер им о другой палец, – Месу это напомнило почему-то мельницу, где тяжело вращающиеся жернова, прокручиваясь, превращают зерно в белую, тонкую муку, – так и пальцы Малларме в результате похожего трения производили некие летучие крупинки, которые сыпались наземь. Затем Малларме, плотно пригнетая палец к брюкам, проводил им по своему бедру, и так этот незаменимый инструмент проходил необходимую профилактику и заново становился годен к продолжению опасных и сопряженных с риском внезапного и вулканически-фатального чиха работ.

Наконец, закончив разведку недр, он взглянул на Меса косяком и спросил:

– Тебе чего-то от меня надо, Ангел, или тебе ничего от меня, Ангел, не надо?

– Мне, Метаморф, нужны твои ответы на мои вопросы, – отозвался Мес.

– Задавай мне их. Только не части и не впадай в грех зауми, а излагай их четким и связным языком, на что получишь изложенные таким же языком мои ответы.

И Мес спросил:

– Кто такие Гогна?

И Малларме ответил:

– Не знаю.

– Кто такой Осирис?

– Не знаю.

– Кто мы такие?

– Не знаю.

Тогда Мес встал и сказал следующее:

– Нда! Несмотря на однозначность и абсолютное отсутствие информации в твоих ответах, они тем не менее наиболее полно отражают тот уровень знаний, на котором мы сейчас находимся, и безразлично, какие это знания – о Гогна ли, о нас или о нем, – все они одинаково неполны. И для всех них у нас есть свои подсказки-гипотезы. Только следуя им, мы сможем чего-нибудь добиться. И даже тогда мы ничего не сможем узнать ни о Гогна, ни об общих законах материи.

– Ты хорошо, правильно говоришь, – кивнул Малларме, забрасывая наживку. – Хорошо, правильно говоришь ты, Аргоубийца. Только вот для кого ты стараешься?

– Как для кого? – удивился Мес.

– Ну да, для кого? – продолжал монотонно Малларме. – Для нас? Так мы все равно уйдем. Для человека? Но человек – это постоянная метаморфоза. Сфинкс у Эхила прав, помнишь: утром – на четырех ногах, днем – на двух, вечером – на трех. И так постоянно, Аргоубийца, постоянно, не только количество ног изменяется у него, но и сам он, и весь строй его мыслей, – а это самое главное в человеке, герр Мес. Постоянно изменяется его мировоззрение, постоянно внутри него рушатся какие-то барьеры и воздвигаются новые, и сообразно этому растет число морщин у него на лбу и углубляются складки в углах рта. А потому человек неизменен по своей природе.

– У тебя клюет, – сказал Мес.

Малларме подсек, и над медленными волнами на судорожно дергающемся крючке повис ярко-оранжевый пустой пищевой бачок.

– Я пошел, – сказал Мес.

– Будь здоров, – отозвался Малларме, снимая добычу с крючка.

Хор

На море шумно-широком находится остров, лежащий против Египта; его именуют там жители Фарос. Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно в день с благовеющим ветром попутным корабль проплывает. Пристань находится верная там, из которой большие в море выходят суда, запасенные темной водою. Здесь пребывает издавна морской проницательный старец, равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря все глубины и царя Посейдона державе подвластный. Если суметь овладеть им, любое он средство откроет: долог ли путь и дорога, успешно ль смертного дело свершится или бессмертного бога. Мудр он и многое знает, что происходит иль происходить перестало. Нужно лишь только суметь овладеть им, тоща он в свирепого с гривой огромною льва обратится, после предстанет драконом, пантерою, вепрем великим, быстротекучей водою и деревом густовершинным. Следует же не робея тем крепче держать, тем упорней. Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны, сделается тих и с кротким обратится вопросом, что за бессмертный-де указал вам средство обманом его пересилить. Далее следует

вопросом пустым пренебречь вам и со своим обратиться: и долог ли путь и дорога, успешно ль грядущее дело. Все мудрый старец откроет, расскажет подробно и с толком: зачем в мире жить и кто жить привольно мешает; все объяснит вам Протей, бог богов, морской проницательный старец: Безглазые Гогна зачем, и Адонис, и Ангелы вместе, все вам расскажет, вы только покрепче держите. После же, все рассказав, погрузится в морское глубокое лоно.

К Месу, хрустя камешками, подошел Пиль.

– Привет, – поздоровался он, оглядываясь, – консилиум, похоже, еще не собрался.

– Так много событий произошло, – откликнулся Мес. – Чувствуешь себя виноватым. Будто когда я прибыл сюда, все это и началось.

– Зрело-то столетьями. Ты не виноват. Просто попал на перелом, перевал нашего бытия. – Пиль уселся рядом с ним на белый камень, торчащий из земли.

– Что ни Буле, так просто побоище, – с удовлетворением отметил он. – Они стали происходить гораздо чаще, хотя хорошего должно быть понемножку. Я, к примеру, воспринимаю все это как спектакль. Актеры из нас великолепные. Как ты находишь?

Мес сорвал травинку и сунул ее в рот.

– Согласен, – немного погодя шепеляво ответил он (былинка торчала во рту). – Но кому ты уделяешь роль зрителей?

– Ему и его Ангелам, – важно поднял палец Пиль.

– Возможно. – Мес выплюнул изжеванный стебелек. – Возможно. А по мне, ему до нас дела нет.

– Это все так говорят. На самом деле он очень внимательно следит за нами.

– А может, совсем и не следит.

Внизу, невидимый глазу, рычал прибор. Над головами носились и хрипло орали чайки. Воздух был даже наощупь мокр, словно пронизан сырым туманом, и временами до них долетали крохотные холодные капельки – дети играющего моря. Скалы вокруг, ноздреватые, влажные, серые, были усеяны птичьими гнездами, пухлыми островками бледной мертвой травы и белым налетом соли. Воздух был горек и терпок и раздражал обоняние: пахло водорослями, рыбою, птичьим пометом.

Они сидели на небольшой круглой поляне, которую заточили в себе влажные прибрежные скалы. Когда-то неизвестный, ушедший давно народ поместил здесь капище своих богов – усеял землю правильными кругами белых нетесаных камней, в центр вогнал камень побольше, видимо, алтарь. По внешнему виду святилища было непонятно, что за боги когда-то здесь обитали. Наверно, это были простые боги, боги простых человеческих желаний, ведавшие благополучным возвращением на берег после бушующих штормов, счастливым ловом рыбы, уютом домашнего очага. Это были еще во многом неискусшенные боги, не знавшие ни войн, ни голода среди своих подопечных, довольствовавшиеся лишь ежемесячной жертвой на том белом камне в центре – рыбой или птицею. Поэтому их больше здесь не было, они ушли или были уничтожены вместе с народом, им поклонявшимся. Пространство между камнями было усыпано мелкой обкатанной галькой, сквозь которую пробивалась свежая зеленая трава. Благодаря ей – зеленое на сером, – площадка эта среди скал казалась единственно живым, не сточенным влагою местом на этом побережье.

К тому времени собралось уже шестеро: Аугусто Лента, неожиданно один, Пиль, Мес, Регана и Ирид и доктор Берджих Сулла. Лента сел далеко от них, лицом к морю, и погрузился а размышления. Регана и Ирид прохаживались вокруг большого камня и беседовали. Берджих же Сулла, доктор, присел рядом с Месом на камень и сразу же включился в их общий с Пилем разговор. На Буле Сулла никогда не появлялся, сейчас объявился без приглашения, и Месу это показалось заслуживающим любопытства. Сулла был серьезен и солиден и в очках и в ослепительном белом костюме, отдаленно напоминающем врачебный халат. Своего мира он не имел, а проживал на Земле, практикуя среди людей, а заодно и изучая их. Он был блестящий ученый и врач и мог претендовать на все оттенки превосходных степеней, как, впрочем, и все остальные, когда дело казалось их Ремесла.

– Пороки, – говорил доктор Берджих Сулла, не замечая, какое впечатление произвело его появление на собеседников. Он говорил твердо и убежденно, казалось, что за каждым его словом стоит непреложный научный термин, подтвержденный многочисленными экспериментами, но и даже это не могло скрыть удручающей банальности его выводов. – Человек по сути своей порочен. Взгляните сами – какая-нибудь тысяча

лет прошла с момента его появления – и вот уже вся палитра человеческих пороков заискрилась во всей своей многокрасочности. Причем заметьте, спектр ее не самый широкий: душевные пороки или, если хотите, нравственные, и пороки физические или, если будет позволено, плотские. Не будем касаться первых: не нам судить о разуме людей, когда мы так долго взлелеивали в себе понимание всей гибельности и мелочности их натуры. Поговорим лучше о вторых. Спиртное, – доктор Берджих Сулла стал загибать пальцы, – наркотики, секс, различных видов психотропные средства. Как видите, с течением веков эти киты человеческого нездоровья совершенно не изменились. Может, с развитием прогресса к ним прибавится еще что-нибудь. Но основных столпов уже не поколебать, к ним можно лишь только добавить, нанести этакий дополнительный штришок. Утопии, говорите вы! – кричал он, хотя Мес с Пилем ничего не говорили. – Да, романтики-философы надеялись, что человек в будущем будет истинным властелином Вселенной. А ничего этого не произошло, да-с! Он был и остался саморазрушителем. Чрезмерность! Вот истинный бич их мира. Перегрузка во всем, даже в спорте, даже в занятиях любовью, в еде, – во всем! Человек болеет и болеть будет. Ничто не спасет его, и оставьте, оставьте эти ваши радужные надежды: он останется собой до тех самых пор, пока как биологический вид не уйдет в небытие!

Мес и Пиль кивали и цокали языками.

Тем временем появились остальные. Ховен. Лерке. Форкис. Мес поклонился им. Возник Банокка, тут же подошел к прогуливающимся Регане и Ирид, завязал шутливый и двусмысленный разговор. Рядом с Месом кто-то шумно вздохнул: усаживался на свое место Либан Бакст. Лента, судя по всему, нервничал: может, чуял что-то, может, переживал отсутствие матери. Вздох изумления и тихие разговоры вызвало появлением Юфины Гутьеррес в неизменном черном своем платье и платке, а следом вдруг пришла Мириам, да не одна, а под руку с высоким снежно-седым белолицым человеком во всем белом и с большими крыльями за спиной. Его звали Габриэль Катабан. Мес видел отсюда, как Ховен при его виде рассвирепел, что-то хрипло пролаял, на что Катабан не обратил никакого внимания. Мириам даже не взглянула на Меса, стояла и разговаривала со своим спутником, и оба они с непонятной ему иронией окидывали взглядом собрание.

– Кто-то говорил про ангела с огненным мечом? – насмешливо осведомился Пиль.

Юфина Гутьеррес подошла к Ховену, двигаясь как оживший манекен. Мес махнул ей, и она, как будто только увидав его, кивнула ему – дернула шеей и головою в черном платке. Появились Сутех и бен Кебес. Их уже знали и приветствовали как равных, последнего – немного сдержаннее. С их появлением говорки и шум поутихли, и Мес громко произнес:

– Начнем же!

Он увидел среди задвигавшихся и рассаживающихся фигур лицо Лента. По нему пробежала тень сомнения и недовольства.

– Мы не можем начать, – заставил он себя опровергнуть слова Меса. – Нет моей матери.

Тут же за этими словами произошло какое-то молниеносное движение. Ленту схватила черная Гутьеррес и с минуту глядя в его остановившиеся глаза.

– Мать, – каркнула она. – Так она – твоя мать?

– Ты, – выдохнул Лента. – Ты же исчезла!

Юфина заклекотала смехом, медленно выпустила его и ушла на свое место рядом с Ховеном. Лента сидел совершенно потрясенный. Опомившись, проговорил:

– Только враги миру могли пригласить ее сюда.

Юфина, по-видимому, наученная Ховеном, снова встала.

– Я пришла сюда сама, по праву, – выкрикнула. – Я имею право присутствовать на всех советах.

– Тварь! – с ненавистью глядя на нее, скрежетнул Лента и больше ничего не говорил.

Ховен в восторге зажмурился.

– Ничего, – весело прокричал Лерке. – Мы начнем сами.

Мес видел, что расселись все как-то неспроста, сторонник возле сторонника, оказавшись лицом к лицу со своими оппонентами. Лента, оставивший около себя пустое место, Бакст, как-то незаметно перебравшийся от Меса к нему, Мириам и Катабан сидели все рядом, сплоченным кружком. Их противников было больше, и число это усугублялось безучастными и равнодушными к происходящему – Баноккой, Суллой и Форкисом. Юфина Гутьеррес что-то клекотала.

– Архонты! – прозвучал бас, и Катабан встал. – Вы, семеро: Ховен, Цвингли, Лента, Сутех, Банокка и отсутствующие здесь Малларме и Редер. Я послан своим Господином!

– Всегда-то они с этого начинают, – проворчал Мес Пиллю.

– Я чувствую, что наше неподкупное и строгое Буле превратится сегодня в злое судилище, – откликнулся тот. – Эти двое плохо сделали, что пришли только парюю. Им выявиться грозным сонмом, блистать и греметь и задавать тон. А это же – просто комедиантство! Наши их сейчас съедят.

– Нам предстоит, – говорил Катабан, – принять решение важное и существенное.

– Позволь, – с ехидством в голосе проговорила со своего места Ирид, – на нашем Совете нам самим думать, какое предстоит принять решение.

– Верно, – грохнул Ховен.

Лерке смеялся, мотал головой.

– Ох, нет с нами Малларме – вот бы посмеялся старик!

Хмурый Форкис сказал:

– Пусть скажет, чего он там хочет. Все равно уже ясно, чем дело кончится.

– Говори, – обратился Лента к Катабану.

Тот едва сдерживался. Мириам шептала ему что-то на ухо, по всей видимости, успокаивая.

– На вас лежит выбор извечного и черного противника нашего Господина, – сказал наконец Катабан. – У всех вас шансы равны: все вы вредите ему равно. Поэтому выбирайте. Но знайте: мы остановились на Сете.

После этих слов наступило безмолвие. Сутех поднялся. Вопреки ожиданиям, он не ярился и не выглядел недовольным. Он поднялся. И, помедлив, вновь сел.

– Про! – оглушительно сказала Буле. Катабан горестно склонился.

– Ваше слово, – сказал он. – Плачьте, люди, ибо снова объявилась погибель ваша!

Мес видел Ленту. Его голова также была склонена.

– В конце концов, – приглушенно проговорил Лента, – я рад, что Сатана избран не из нашей Семьи.

– Мы скорбим, – посреди тишины произнесла Мириам, и голос ее был звонок. – Мы все должны скорбеть. Но таковы законы мира: Сатана должен быть избран. На мне бремя еще горше, еще несчастней: я должна провозгласить Антихриста. Горька моя участь, ибо он должен быть из людей. Горька моя участь еще и потому, что я не знаю его имени. Вы мне должны сказать его. Кто скажет мне имя?

Они переглядывались. Они не знали. А ее взгляд был устремлен на Меса. Ты знаешь. Но я не хочу говорить. Ты зна-

ешь. Пусть говорят другие. Ты должен. Я пока еще не должник. Враг, скажи имя Врага!

– Зет Браганса, – промолвил Мес. И будто вихрь возник в воздухе – Зет Браганса, Зет Браганса, – имя было произнесено и названо, ничто уже не могло повернуться вспять, имя было названо – Зет Браганса.

– Зет Браганса!

Он знал, что в это время, сейчас, невиданные силы, дающие имя всему, встряхнули где-то на мирах их избранника, перевернули его естество и сделали так, чтобы и он тоже знал о новом своем предназначении. Зет Браганса, ты стал Антихристом – знай об этом!

– Зет Браганса, ты стал Антихристом – знай об этом! – воскликнул Габриэль Катабан и воздел руки к небу. Браганса был по-новому окрещен.

И в этот момент безумие захлестнуло Ленту.

– А-а! – закричал он, падая на колени и раскачиваясь. – Горе! Горе! Все погибло! Погибло все!

– Что с ним? – спрашивали они друг друга. – Что с ним? – и только доктор Юфина Эдмонда Гутьеррес ни о чем не спрашивала, она была неестественно спокойна, ибо знала все доктор Юфина Эдмонда Гутьеррес.

– Горе! – Лента упал на землю и стал кататься, биясь головою о твердые камни. Из головы его, из нескольких сразу открывшихся ран, потекла кровь. – Мы все умерли! Умерли!

Среди поднявшейся неразберихи – бросились поднимать и успокаивать Ленту многие, – Мес прошел к месту Юфины. Тут он увидел Ховена. Они оба сидели рядом и отрешенно наблюдали за беготней и суетой вокруг тела Ленты.

– Она напустила на него безумие, – сказал Ховен, глядя на Меса и одной рукой заботливо прижимая к себе Юфину.

Мес перевел взгляд на нее.

– Мес, – забормотала она, не глядя на него. – Герр Мес, Аргоубийца. Ты же за нас? Ты за нас, герр Мес, Аргоубийца?

Он колебался. Он колебался.

– Ате, – сказал он. – Ате, – сказал он.

– Ты не понимаешь, – закричала она. – Он – сын Мелайны. Он – враг.

– Ате, — сказал он.

– Мес, не дури, – произнес Ховен, вставая и с тревогой глядя на него. – С Лентой покончено – безумный не может быть Архонтом. Сутех что-нибудь на этот счет придумает.

– Кого он посадит на его место?
– Тебя, – развел руки Ховен.
– Я не хочу быть Архонтом.
– Тогда... тогда кого-нибудь другого. Ну, перестань думать об этом.

Мес кивнул. Мес повернулся и, оставив их за спиной, направился к своему месту. Тут его ждал запыхавшийся и красный доктор Берджих Сулла. Он протирал очки.

– Не знаю, что и думать, – проговорил он. – По виду типичный нервный срыв. Но что-то меня тревожит. Раньше с ним такое случалось?

Мес уселся возле него.

– Смотри, – устало показал он. – Видишь, вон там, рядом с Ховеном? Знаешь ее?

Сулла, не переставая протирать стекла очков, близоруко прищурился.

– Клянусь Хаосом! – вырвалось у него, когда он разглядел. – Боги Хаоса! Это же она!

– Ате, – сказал Мес.

– Тогда понятно, – сказал Сулла, надевая очки и вглядываясь уже вооруженным глазом. – Я-то думал, что она ушла.

– Все так думали.

– Бедняга Лента! – пожалел доктор Сулла. – Теперь ему придется уйти. А где же его мать?

– Иногда она не приходит на собрания, – вмешался только что подошедший Пиль. – Воображаю себе, что с ней будет, когда она узнает, что теперь ее сыночек немного, хе-хе, не в своем уме!

Лента, а с ним вызвавшийся его довести в целости Форкис, исчезли. Подошли, оживленно обсуждая происшествие, Лерке и Банокка.

– Так вот все и бывает, – говорил Банокка, делая неприличный жест. – Пойдешь в пику другим – и сойдешь на нет.

– Это преступление, – возгласил в это время возмущенный Катабан. – Все произошло прямо на наших глазах.

Мириам была солидарна с ним.

– Ховен, – сказала она твердо, – уведи ее отсюда, а то она натворит еще бед.

Как ни странно, но Ховен подчинился.

– Пойдем, – потянул он за руку Юфину.

– Мелайна, Мелайна, – забормотала та, противясь. – Где же она?

– Ее ты получишь в другой раз, – усмехнулся Ховен, кинув взгляд на Мириам.

Ховен с Юфиною исчезли. Катабан вознамерился было что-то сказать, но тут его уже терпеть не стали.

– Почему это ты снова здесь кукарекаешь, Габриэль? – перебили его Сутех и бен Кебес. – Убирайся отсюда и передай своему Господину, что мы все исполнили. И не суйте до времени нос в наши дела!

– Я Шехина, – выпрямилась Мириам, гневно побелело ее лицо. – Мы – его представители на Буле, и так будет и впредь.

– Не будет, – бросил Пиль.

– Точно, не будет, – обрадовался Лерке. – А ну, вон! Вон отсюда!

Те исчезли под веселое улюлюканье и гогот Лерке и Пиля.

– Такого еще не бывало, – проговорила Регана, задумавшись. – Мы их прогнали, но они-то все видели.

– Это уже не страшно, – заметил Мес. – Страшно то, что избраны ключевые фигуры... – он оглянулся: Сутех их не слышал, занятый разговором с бен Кебесом. – Избраны ключевые фигуры, – повторил он. – Мы стали ненужными.

– Что? – не поняла Регана.

– Я за свое Архонтство буду драться из последних сил, – став мрачным, произнес Банокка.

– Вот этого я и боюсь, – вздохнул Мес. – Это – война. Только уже не Титаномахия и не Гигантомахия, а – Теомахия. Земля слишком мала, чтобы выдержать топот и рев очередного мирового побоища.

– А я буду драться, – упрямо повторил Банокка.

– Вольно или невольно, а события стягиваются в узел, – сказал Пиль.

Вдруг заговорил доктор Берджих Сулла:

– Убираться отсюда надо. Братъ, как люди говорят, ноги в руки.

– Еще не конец, – сказал Мес.

– Буле-то закончилось, – удивился Пиль. До них донесся голос.

– Мес, – сказал Либан Бакст, – ты будешь претендовать на Архонтство?

– Очнулся, – фыркнул Пиль.

– Нет, – ответил Мес.

– Тогда я, – тяжело пыхтя, поднялся Бакст, – тогда я сяду Архонтом. Возражать не будешь?

Мес ничего не ответил. Бакст исчез.

– И всегда-то у нас кратко получается, – раздосадовано ударил рука об руку Пиль. – Ждешь великолепного спектакля, а получается какой-то жалкий фарс.

– Арлекином сегодня был Катабан, – заметил Банокка.

– А Коломбина не явилась, – смеясь, заявил Лерке.

– А я – болтун Доктор, – сказал Сулла.

– А Бакст-то наш – Панталоне, – уязвил Пиль.

– Ну, а я тогда – Тарталья, – заключил Мес.

Кто-нибудь знает, что такое Вихрящийся Мир? Привольное творение великого разума и рвущегося изнутри желания, воплощенная, но остающаяся несбыточной мечта, горький вызревший плод осуществленной грезы, Вихрящийся Мир и назван-то вихрящимся потому, что он весь дымится, разноцветится, струится, вихрится, как льются и переливаются сновидения, эти невоплощенные зачатки действительности, как падает с высоты интеллекта мысль, по пути изменяясь и превращаясь в то таинственное, чему уже невозможно подобрать имя. Сотнями Вихрящиеся Миры висят вокруг Земли клейкими гроздьями, невидимые и недоступные. Одни из них населены и обитаемы, словно радужные пузыри, летающие в беспредельном одиночестве вечности. А те, что пустуют, временами лопаются и исчезают с великим звоном, ибо не могут более существовать без питающей их идеи хозяина. Окружающие их смыкаются и занимают место погибших, чтобы и дальше кружится и кружится вокруг родимого, но уже, в сущности, бесполезного сине-зеленого шара.

Один раз Мес, стремясь попасть в мир, где когда-то ожила его статуя, попал вместо этого в совершенно иной мир. Здесь тоже был вечер, и солнце этого мира также постоянно садилось, никогда не восходя. Трубное величие зари, восхода, ни разу не загоралось здесь, а птицы никогда не пели перед тем, как встанет солнце. Вместо этого здесь вечно был предзакатный час, когда светило еще не полностью, а лишь по пояс, уходит в черные жирные земли горизонта, проплавленные его гигантским огненным телом. В темнеющем, но еще не темном небе зажглись уже незнакомые голубые звезды, постоянно светящие тут – печально и ярко.

Этот мир был очень похож на мир Меса, но все-таки это была не его земля. С удивлением обнаружил он позади себя целый город: белые дворцы, купола, крыши, арки, стены высоких домов, тонкие вырезы окон и входов. И он пошел туда,

белый город не отдалялся, и он вскоре вошел в него, с любопытством осматриваясь. Он не знал, чей это мир, но чувствовал, что возрастом он равен его миру, а значит, хозяин его наверное знакомый или даже из Семьи. Легкий полумрак скрывал детали интерьера городских домов, а двери их были открыты. Этот город не подлежал распаду, как и мир, он мог существовать намного дольше, чем мог существовать его хозяин. Но он не мог жить вечно, ибо противоречит это всем и всячески законам. И Мес понял, что это покинутый мир, что он случайно оказался здесь и, конечно, не встретит местного господина. И перед уходом он решил осмотреться здесь детальнее.

Больше всего его заинтересовал один дворец. Это палаццо находилось в центре города и было, по-видимому, главным элементом его архитектуры. Как и все дома, палаццо было белым, с изящными мавританскими балкончиками и лепными нишами удлиненных кверху окон. Вход стерегли два льва, геральдических зверя, а сами двери были из палисандра. Мес вошел и стал свидетелем и внутреннего великолепия палаццо. Здесь было много статуй, и зеркал, и картин, и старинной дорогой мебели, и пышных, скрадывающих шаги ковров, и Мес любовался всем этим. Живопись, как он заметил своим взглядом знатока, была подобрана со вкусом, сообразно стилю, в котором была выдержана каждая комната, и многие картины, висящие в комнатах, запечатлевали ландшафты столь чуждые и образы столь дикие, что кисть изобличала явно неземное их происхождение. Видимо, бывший хозяин палаццо был существом, тонко разбиравшимся в неродном искусстве. Но кем был он, Мес так и не смог разгадать.

Дело в том, что герр Магнус Мес, даже если брать во внимание очень широкие его познания сразу во многих областях, крайне плохо знал существ, которые могли быть сравнимы с ним. Он был в курсе дел Семьи, неплохо ладил с Детями Нуна, но про других знал плохо или просто ничего. Конечно, он понимал, что прочие Пантеоны узко национальны, а его Семья интернациональна только в силу своей чрезвычайной разветвленности и многочисленности. Кроме того, многие из его Семьи в прочих семьях также играли свою роль, но уже под другими именами и даже в другом обличье. Но были и такие Пантеоны, пантеоны людей дальних, племен затерянных, варварских, члену которых не знал ни он, ни кто-либо другой из Семьи. Пантеоны эти отличались резкой национальной спе-

цифичностью, и поэтому они были недоступны их пониманию, а следовательно, отталкивали. Но, как ни сложились обстоятельства, члены тех семей тоже пострадали от власти Адониса, которого называли по-разному, и тоже обладали способностью творить Вихрящиеся Миры. Так что этот мир был, по-видимому, одним из тех, куда никогда не попадали члены Семьи Меса.

«И не будет ни эллина, ни иудея...». Вот чем он их приманивал, и они по обыкновению своему непревратно толковали его слова. Прямой смысл: течение времени, его религия и их вера размоют национальные черты, и не будет уже ни эллина, ни иудея. Все гениальное просто: он по-другому взглянул на людей, – не как на объект наслаждения, не как на немощных червей, не как на и так страдающих от жестокостей жизни и неба, коих нужно спасать, но как на силу, способную вознести, возвысить. Впервые его вера поднялась над жесткими бордюрами родной крови и стала – всемирной. Что боитесь, маловеры? Не будет уже стона и скрежета зубов, а будет град небесный, новый Иерусалим, и потекут реки молочные. Только терпите, смиритесь, усмирите самих себя. Все гениальное просто, но сложно людям усмирить себя. Чуть возвысится – и возносится их гордыня вверх, как флаг неприятельский вздымается над войском несметным. Возомнили о себе – и поклоняются истуканам, забыли бога истинного. Мнят о себе чрезмерное, вызывают у себя мысли гордые, мысли сумрачные. Эти-то мысли, таящиеся в голове человека, как хищный кайман прячется в грязи болотной, и есть ад, отравляющий бытие таких, как Адонис. Брызги этого ада несмываемы, их не вытравишь ни бумажным колпаком еретика, ни чтением благостных книг, написанных черствыми и грешными ханжами. Оно, это зелье, и заставляет жить древних дьяволов, в которых уже давно никто не верит.

Мес повернулся, чтобы идти и покинуть этот заброшенный, погибающий мир, но на пороге столкнулся с Вольдемаром Пилем. Тот запыхался и смотрел удивленно.

– Один шанс из тысячи, – произнес он, борясь с одышкой. – Я знал, что ты где-то в чужом мире, но совсем не ожидал, что именно здесь. Какой же я везун!

– Чей это мир?

– Не знаю. Я здесь никогда не был. Послушай... Но давай сначала присядем.

– Опять долгий и нудный разговор?

– Опять. Я чувствую свою вину, что вытащил тебя на Землю, а тут все и началось. Я ведь выступил в роли добровольного советчика. Но это принимает дурной оборот.

– Что, опять Гогна?

Пиль невесело хмыкнул.

– Гогна, – сказал он, – стали таким гипотетическим символом невидимой, но существенной опасности. Сейчас дело не в них. Вернее, в них, но уже в другом ракурсе. Я думал, что ты почувствуешь это на Буле.

– Я и почувствовал.

– Что? Что именно почувствовал ты?

– А то, что и на этот раз не обошлось без нашего новоиспеченного Сатаны.

– Правильно. Сначала он стал Архонтом...

– Ты, надеюсь, не собираешься взваливать всю вину за это на меня?

– Пока тебя никто не трогает, – покачал Пиль головой. – Но дело все серьезней и серьезней. Для Сутеха объявление Сатаной не опала, а награда. Он очень горд этим. И лезет дальше.

– Куда дальше-то?

Взгляд Пилия приковал его к месту.

– И впрямь, дурацкий, нудный у нас разговор выходит... тут цепочка не очень длинная. Твой знакомец Зет Браганса, кого обозвали Антихристом, стал для Гогна – только, пожалуйста, не вздрагивай так, да, да, они здесь очень даже причем, – стал для них нечто вроде яркого маяка в ночи. И они потянулись к нему, повлеклись, как идут на огонь хищные рыбы. Они пришли к нему.

– И что? Они его убили? – поинтересовался любопытствующий Мес.

– Нет. – Удрученный его непониманием Пиль сморщился.

– Я тебе о чем толкую? Они стали его слугами. Понимаешь? Ведь он – ходячий символ неверия, так же как Сет – символ извечного противления. Браганса и Сет столкнулись между собой, и я думаю, что они заключили союз с Гогна.

– Как? – вскочил побелевший и нахмурившийся Мес. – Союз? О чем? Откуда ты знаешь?

– Ховен мне кое-что поведал, – сообщил Пиль. – А ему в припадке самовлюбленности рассказал Сутех.

– Что это за союз?

– Не знаю. Кстати, ушел Лента.

Мес застыл.

– Что? – наконец сказал он. – Не может быть!

– Не знал, что это будет иметь для тебя хоть какое-то значение.

– Я начинаю понимать...

– Все верно, – подтвердил его догадку Пиль. – Да. Сутех хочет посадить одного из Гогна на Архонтство.

– Боги Хаоса! – прошептал Мес, до которого только сейчас дошло. – Великий Хаос! Да это же чудовищно! Сутех спятил!

– Я тоже так думаю, – кивнул Пиль. – Модерата оплакивает смерть сына. Малларме куда-то пропал. Все разбежались. Это самый удобный момент.

– Кто из Ангелов знает об этом?

– Никто. Иначе это уже вызвало бы бойню.

Мес встал и начал ходить. Пиль следил за ним одними глазами.

– Где Браганса и Гогна? И где Сутех?

– Сутех на Земле, в своем храме, – ответил Пиль. – А Браганса... тебе это не очень понравится.

– Где он?

– Там, где твое любимое святилище.

Мес остановился.

– Арелла! – прошептал он.

– Да, там. Он все еще король, но сейчас его амбиции разгорелись. Он объявил себя Rex mundi.

– Ховен, мерзавец! – скрипнул зубами Мес.

– Он – тоже орудие Сета. Он ведь сыграл и на его жажде действий, кровожадности, и на твоей ненависти к Адонису.

Мес задумчиво поковырял обивку кресла.

– Вскоре исчезнет Модерата, – сказал Пиль. – И знаешь как?

– Знаю, – обронил Мес.

– Ну да, это ведь ты притащил сюда воду Стикса.

– Что придумал Сет?

– С ее уходом освободится второе место в Буле. Но он пойдет и дальше. Он станет уничтожать оставшихся. Он хочет составить Буле из Гогна.

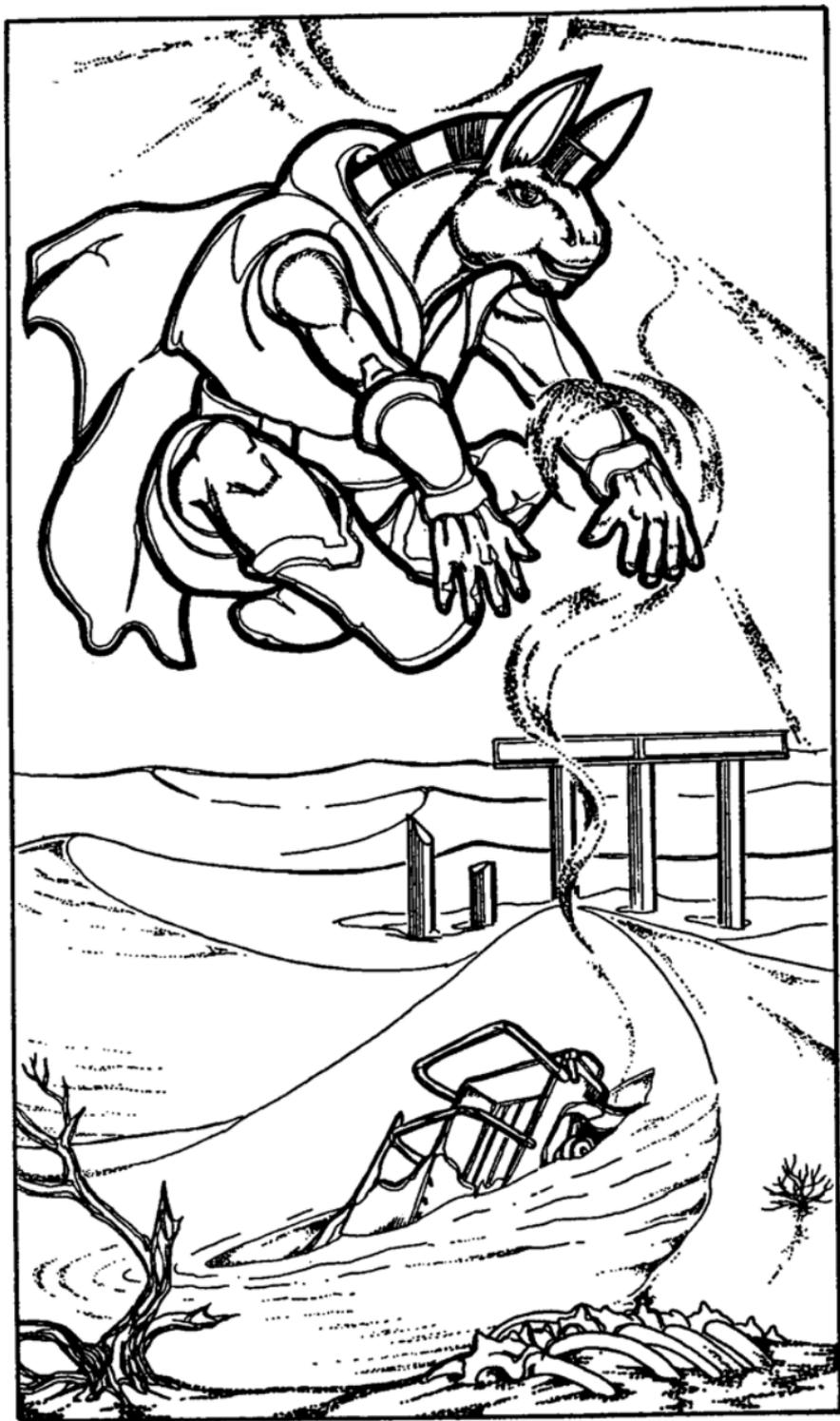
Мес никак не мог прийти в себя.

– Я же помог ему! – восклицал он. – Помог ему! Ты хорошо поступил, что не стал Архонтом, Пиль, но сейчас тебе это уже не поможет.

- Меня ему не поймать.
– Тебя – да. А другие? Они более уязвимы... Ты знаешь дорогу отсюда?
– Нет. Но ведь все Вихрящиеся Миры – соседи друг другу. Думаю, как-нибудь выберемся.
И они покинули белое палаццо несбыточных снов.

Хор

Я хотел бы, да, хотел бы,
Чтоб рука моя нагая,
Неизбывно-человечья,
Налилась бы жгучей силой,
Твердокаменной стала б,
И тогда б я той рукою
Твердокаменной своею
Бил по голове, покамест,
Кровью, волосом залеплен,
Не пробил бы постепенно
Дырку в черепе ненужном.
Через дыру эту большую
Я перстом паучье-цепким
В недра сущности ворвался б
И принялся им крутить бы
В мозге, мыслях и кровище.
Забурлил, заволновался
Котелок пустых желаний,
Извергать парами начал
Яд сомнений, соль разлуки,
Желчь и морок дружбы тщетной,
И любви порочной сахар,
Одинокий дым свершений,
Веры страшную химеру,
И победный призрак страха.
Соль сомнений, яд разлуки,
Желчь любви, тщету порока,
Одиночества химеру
С ароматом нафталина, –
Все смешал я жестким пальцем,
Обуянный разрушеньем,
С криком громким в бой кидаясь,
Идеалам изменяя
И плюя на прах закона.
Все расставил в голове я
По местам своим исконным.
А потом я полной горстью,
В прошлом щедрой на даренья,
На тяжелый мрамор гладкий
Ляпнул б первую добычу –
Кровомозга сгусток жуткий,

Кляксой красною бы ставший,
Раз, другой, — и так, покамест
Котелок вечно болящий
До дна вычерпан не будет.
А затем — короткой скалкой,
И привычной, и удобной,
В блин кровавый все расплющить —
Соль любви, тщету разлуки,
Химеричный призрак счастья,
Ледяной песок измены,
Отвращенье первой ночи,
И напрасный веры пламень,
И смиренный рев молитвы,
И поганый ужас смерти,
И фонтаны, и прозренья,
Что приходят мутным утром,
Винных грез итог понятный,
И так дальше, и тем больше,
Чтобы голова пустая
С этим новым состояньем
Пообвыклась бы немножко.
Блин кровавый тощ и дырчат.
Прокатить еще раз скалкой –
И готов к употребленью.
Скалку в сторону, один раз
Загнут левый уголочек,
Загнут правый уголочек,
Сложен пополам любовно
Мерзкий блин тщеты и тлена –
Превратился он в журавлик
Безобразный, но летучий.
Ветер вечности поднялся,
Небосклон судьбы стал хмурым.
Прянул с места мой журавлик,
Полетел, расправив крылья,
Полетел, вихляясь, корчась,
Скрылся прочь.

Град богов, семивратные Фивы, в который уже раз распахнули свои врата Месу, врата невидимые и недоступные, но от этого вовсе не перестающие быть реальными. И он вошел, как когда-то входил в Фивы некто сфинксоборец Эдип – победителем и будущим властелином-царем. Но совсем не предвкушение вожденной награды ощущал Мес, возносясь на лифте к себе на последний этаж, поднебесную конуру в концёрне «Олимп». А чувствовал он жуткое сосание пустоты, облекшей сердце, – пустота такая возникает в конечные и гибельные моменты, когда должно прийти решение, но не приходит. Но что хуже может быть того, когда не понимаешь

своей горечи, не знаешь ее истоков, и душа воет в тоске, ибо, чует злобу и слепоту рока. Так и Мес, словно душа неприка-
янная, бродящая ночами у жилищ и костров, окунувшись вновь в
переживания прежнего, занятость и поглощенность делом, но
все равно знал внутри, что и это – не выход.

Он вознесся в небеса и вышел к двери с табличкою «Фе-
ренц Нуарре». Кабинет за время долгого его отсутствия успел
неуловимо преобразиться – ведь здесь хозяйничал Штумпф,
когда он сам не мог заниматься делами. И запах здесь стал
другой – такой же неуловимый, но ясно говорящий о присут-
ствии нового хозяина.

Мес сел. Пестрые мысли захламляли его голову, мысли,
пребывающие в первозданном хаосе, нелепые мысли, нерас-
сортированные, мельтешащие и бегающие, подобно мелким
шныряющим тварям, они носились, не давая покоя мозгу, и
единственным выходом было – поддаться, устремиться прямо
в гущу этой мятущейся толпы и, раздавая грубые тычки воли,
расставить, подавить, привести в порядок хаос – быть Твор-
цом нового образа мыслей, созданного во время семи секунд
Творения. Но тут в комнату вбежали Штумпф, Езус Мария, и
Мес был поставлен перед проблемой еще некоторое время
мириться с гулом и метанием нерасставленных по местам
дум.

Вошедший Штумпф поклонился, шумно сопя, – было
видно, что он только что узнал о прибытии Меса и спешил,
чтобы застать его.

– Сеймур Квинке выздоровел, – сообщил он вместо при-
ветствия.

Его руки были пусты, что Мес с удовлетворением и отме-
тил, – сегодня особенно не было охоты и всякого желания
окунуться в бездну дел, предоставленных неугасимым
Штумпфом.

– Он уже работает?

– Да, он уже на посту.

Тотчас же, будто наконец-таки дождавшись этих слов, по-
служивших ему сигналом, зазвенел аппарат под рукой Меса.
Он нажал кнопку, и из динамика донесся голос на одних вы-
соких нотах, голос президента концерна «Олимп» Сеймура
Квинке:

– А, это вы, любезный... – тут Квинке, видимо, справился
у кого-то насчет имени, – любезный Нуарре! Так вас трудно

поймать, очень уж вы занятой человек, не в пример нам, прозябающим в лени!

Мес слушал.

– Я к вам вот по какому вопросу, собственно, – голос Квинке дал хрипотцу. – Пришли, понимаете ли, люди из министерства, а я совсем забыл название нашего концерна. Совершенно, извините, из головы вылетело – по болезни, наверно. Не могли бы вы...

– Отчего же, – сказал Мес. – «Тартар».

– О, огромное, огромное вам мерси, господин Нуарре, – рассыпался Квинке. – Может, заскочу к вам как-нибудь, посидим, поговорим.

Квинке отключился, и Мес переглянулся иронически со Штумпфом, слышавшим весь разговор.

– Много дел накопилось, – прокашлявшись, сказал тот. Мес понял, что спорить в его положении не приходится.

– Ну что ж, излагай, – сказал он, на что Штумпф проговорил:

– Простите, я не захватил с собой кое-какие бумажки, извините, – и выскочил из кабинета, что-то еще бормоча.

Мес остался сидеть в той же позе. Взгляд его бесцельно блуждал по стенам, по голому серому потолку, пока не уткнулся в картотеку. Эти ящики в углу, прибежище его ненадежной памяти, были строго зашифрованы и пронумерованы, как и положено. За долгие годы своей деятельности в этом месте он вносил в картотеку буквально все, с чем сталкивался, поэтому она была обширна и познавательна, как энциклопедический словарь. Составлена она была по алфавиту, но непонятных значков, которыми была усеяна каждая ее карточка, никто излишне любопытствующий понять бы не сумел, – картотека Магнуса Меса была на языке «Илиады». Он вынул два ящика и бухнул тяжелые железные прямоугольники себе на стол.

Первый ящик был на «пи». Здесь он отыскал имя Ленты. Так, вот и первая жертва. Он покопался на столе, нашел вечное перо и баночку черных чернил, вынул карточку Ленты и написал на ней теми же письменами одну-единственную строчку. Как много имен в этой картотеке было завершено вот этой вот строкою.

Он вытащил карту Модераты из ящика, помеченного буквою «дельта». Вынул и, пробежав ее глазами, задумался. Он уже знал, что совсем недавно Сет, Ховен и Себек, ставший

недавно Архонтом при поддержке Сета, заставили Модерату Рёдер, ополоумевшую после смерти сына, произнести пустую и ложную клятву над страшной водою Стикса. Сразу же по произнесении клятвы Модерата упала наземь и погрузилась в тяжелый, похожий на забытые сон. На ней не сказалося то, что ее силком принудили произнести древние слова. Сет и Ховен торжествовали.

Но воду-то принес он. В качестве награды они звали его на Архонтство. Но он чуял недоброе и не согласился. Нет, не меня они хотят видеть рядом с собою. Я, конечно, хорош – помог им обрести власть, не шиплю злобно и не шушукаюсь по углам, что-де прошли старые, добрые времена. Я стал ненужным только потому, что – непонятен, потому что не могут объяснить они причин моего отшельничества. Тщеславие Бакста объяснить могут, и ненависть Ховена тоже. Но я остался им непонятен. Но разве непонятно омерзение при виде их проделок? Сет совершенно зарвался. Рассказы о его деяниях уже переполнили миры, и все только ждут... Чего ждут они? О, любители парадоксов, они ждут второго пришествия, дабы мир был избавлен от Сета! Я был виновником его избрания. Змею пригрел на груди своей, и вот, желает вонзить зло свое в грудь неприкрытую, еще долго не будет пришествия, и успеет натворить Сет дел. Гогна! Гогна приведет он в мир!

Он, очнувшись, медленно вывел на карточке Модераты те же слова, что и на листке Ленты. Потом встал и задвинул ящики обратно в их гнезда.

Вбежал Штумпф. На этот раз руки его были отягощены весом толстых бумажных кип. Он свалил все это на стол Меса.

– Я не об этом хотел говорить с тобою, – произнес тот, и Штумпф застыл на месте. – Давно знаю тебя, и ты произвел на меня впечатление человека умного и хваткого, хотя и неспокойного. Только не знаю вот, чем объяснить беспокойствие твое?

– А ничем, – объяснил Штумпф. – Я такой с детства. Друзья дразнили меня выюном и егозою, но по сути своей, знаю, я трезв и мыслю логически. Так что это – лишь внешнее, неглубинное.

– Я редко бываю на Земле, – проговорил Мес. – Скажи, что обременяет души людей здесь? О чем их помыслы? Штумпф вдруг вздохнул.

– Не знаю, – сказал он. – Не могу ничего сказать о помыслах. Но... Начало твориться нечто. Земля уже не та. Причем с недавнего времени. Хотя экологический баланс был более или менее приведен в норму три сотни лет назад, в последние годы кажется, что природное равновесие опять нарушено. Стали заступать пески. Глобальная температура повышается. Постепенно тают полярные шапки, и повышается уровень Мирового океана. Но что самое худшее, люди начали болеть, будто неведомые силы ополчились на мир. Врачи бьются изо всех сил – и сами погибают.

– Откуда у тебя все это?

– Я статистик. Причем статистик, не сторонний мировым проблемам. Наука вступила в бой с чем-то, что вдруг проснулось, и ведет этот бой не на шутку. Огромные центры цивилизации задохнулись в чаду эпидемий и моров. Пески наступают на мир:

– Пески... – повторил Мес.

– А что? – вдруг в упор спросил Штумпф.

– Я только интересуюсь. Лишь отмечаю. Пески, значит.

– Да, пески. Оправдываются слова древней пословицы: «Где тонко, там и рвется». Где нет преграды, где воля слаба, где провидение топчется и буксует перед натиском непонятного, – там как будто что-то прорывается в мир, будто дамба прорывается, и лезет к нам нечто... Многие ударились в мистику и стали голосить о силах зла. Я в это не верю.

Мес с грустью смотрел на него. Потом быстро опустил глаза, чтобы Штумпф не увидел в них эту непонятную для него грусть и ничего не заподозрил.

– А во что ты веришь? – спросил он.

Штумпф смотрел в сторону. Вся его горячная суетливость вдруг пропала, тело перестало вилять и дергаться, перестали дрожать руки, словно от предвкушения близкого барыша. Перед Месом стоял спокойный и собранный человек, который знает, что говорит.

– В человека, – сказал он.

– Что? – не понял Мес.

– В человека, – повторил Штумпф. – Я верю в человека. Для вас, наверное, это звучит как новость, однако это не так. По убеждениям я – гуманист. Я верю в справедливость и в идеал. Я верю в торжество идеи и разума. Я верю в добро и в чистоту, и в красоту я верю. А Бог – это и есть красота.

Мес смотрел на него.

– Не смотрите так, – внезапно смутился Штумпф. – Странно... В вашем взгляде таится что-то... Знаете, когда-то, очень давно, на Земле было Возрождение. Все самое высокое пробудилось в людях, и они, словно прозрев после мрака, начали творить. Они создавали прекрасное, они верили в святость красоты и в то, что ее поймут и через века. Осознание своего бессмертия через собственные произведения приводило их творчество к апогею, на ту самую грань, где, слабое и немощное, кончается человеческое и начинается, зачинается божеское. Одни мастера умирали в нищете. Другие, приближенные к князьям, низвергались затем туда же, в нищету и ненависть. Но и те, и другие продолжали жить и после смерти, жить и дарить жизнь остальным, жить и вдохновлять. Они завоевали для себя бессмертие.

– Ты знаешь выход? – недоверчиво спросил Мес.

– Нет, – горько покачал головой Штумпф. – Я не знаю выхода. Но я верю, что кто-то знает его и выведет нас из тьмы, куда ввергли мы сами себя.

– Но кто будет это, ты знаешь? Бог? Или человек?

– Это будет человек. Не бог. Потому что давно ушли от нас боги.

Мес поднял одну бровь.

– А что же церковь? – спросил он. – Несогласие Христово?

– Они поражены проказой, подобно нам, – сказал Штумпф. – Ибо проказа – болезнь крестовых походов.

Еще немного поговорив, Мес отпустил его. Штумпф ушел. Бронзовый Гермес глядел из своего угла. Мес наклонился. Одним коротким, точным движением задернул старого бога плотной тканью занавеса.

В мертвом, переделанном под жилище луксорском храме было холодно. Дрожащие светильники в уставленном колоннами главном, гипостильном зале делали видимыми тучные, резьбою траченные колонны, проходы же между ними наводняли непробиваемой, непросветляемой, могучей стеною тьмы. Поэтому не хотелось идти туда и блуждать между молчащих колонн – мнилось, что нет в главном зале храма свободного прохода, а весь он заставлен светлыми и темными столбами, подпирающими свод.

Прочие помещения также напоминали игру света и тьмы – одни были напоены светом, другие ввержены во мрак. Только

то помещение, где разговаривали они, не было похоже на другие, – здесь царили сумерки.

Они разговаривали: он – стоя, опираясь рукой на невысокую тумбу, где стояла нетронутая чаша с вином, она – сидя в кресле и приняв всегдашнюю свою царственную позу. В окно светила сливочная луна, жирная и пористая, как пенка. Свет ее падал точно между ними, лежал на полу, ровный и чуждый, словно аппликация. Из-за этого они плохо видели друг друга, лишь силуэты: свет был слишком ярок для полутемного помещения. Слишком яркая луна уродилась в этом сезоне.

Говорили они уже долго, но вряд ли замечая это – протяжные и надрывные паузы превращали разговор в одно сплошное многозначительное молчание и сводили на нет то немногое, что было сказано. Замолчали не от того, что нечего было сказать, но от неловкости, смущения, быть может, странного недопонимания там, где раньше все схватывалось с полужестота. Мучительно протекающий разговор этот, в сущности, был не нужен ни ему, ни, тем более, ей. Однако он все равно пришел, чтобы говорить с нею, а она не могла отослать его. И поэтому истязали себя оба. Поминутно то у него, то у нее вдруг выплескивался наружу поток слов – и так же резко обрывался. Давно бы следовало закончить, положить конец, подвести черту – и разойтись. Но нет, они продолжали свой мучительно-бессмысленный разговор.

– Пойми, о вине говорить не нужно, здесь вообще неприложимо самое это понятие. Мне, видимо, при рождении на лбу это написали, воцгли в мозг – будь хитрым, ловким, умным, – и чересчур приспособливающимся, примиримым. Тогда как остальные не выдержали, я пытаюсь ненавистью оправдать себя, а на самом деле – просто боюсь. Чего? Ангелов? Нет, неизвестности. Пойми, это болезнь, нет, это мука – быть здесь, говорить с тобою, поведывать тебе все это через боль. А ведь ты сама должна понимать.

Пауза.

– Нет, ты не понимаешь. Мне больно, грешно, если выражаться твоими словами, было видеть, как там, на Буле, ты взглянула на меня – с тем, чтобы причинить мне эту боль, чтобы унижить даже, а ведь я поступил, как требовало этого от меня мое естество.

– Я знаю.

Пауза.

– Тогда пойми, пойми тогда и ты, что мое естество требовало, вынуждало меня прийти к нему. Воздай людям по-своему, сказал он тоща мне, и я спросила: как, Господи? И он сказал: будь свидетелем моим пред людьми. А с сущностью своей языческой расстаться не хочешь, спросил он меня. Остаться тою же хочешь? И я ответила: не хочу, Господи, возьми ее у меня. Но я ничего не почувствовала, когда в то же мгновение облек он меня судьбою Шехины. И я стала ею. Как древо, прогнулась ты под бременем этим, сказал он

– Господом назвала его ты.

– Да.

Пауза. В лунном свете показался ее профиль.

– Видеть покорной меня желаешь? Скажешь: отрекись, стань такой же, как прежде, ибо требуем от тебя этого мы? Брось людей, брось тяготы мира на растерзание и глумление нам, Архонтам мира сего, ибо не нуждается в заступниках? А слов его не помнишь: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит»? Человеку! Что же говорить о вас?

Пауза. Рука его сжалась в кулак и сдвинула чашу, из которой пролилось вино.

– Человеку? Вы, в своем заблуждении и самолюбовании, в своих песнопениях и славословиях, забыли о людях. Любовь ваша к ним превратилась в привычное сюсюканье, а нет ничего хуже привычки, ибо она есть зло меньшее. Криком искричитесь, воплем извойтесь, а не заставите любить вас насильно, гордецов вселенских! Так же, как люди верные, стойкие и благодные удерживают в этом мире тебя, так и те люди, коих зовете вы мерзкими, греху преданными и недостойными, удерживают здесь нас.

– Ты говоришь ложь.

Пауза.

– Ортодоксальность ваша вошла в поговорку. Всемерно раздуваете вы вражды и растления, вам по нутру хрипота в горле от несчетных споров, утверждающих вашу хваленую святость, вы содействуете ложным проповедям и лжепрооркам.

– И опять ты изрыгаешь ложь и хулы.

– Но нет, не пытайся чуждое вам, но от этого не становящееся неверным, мнение объявлять хулою и лаем небес! С миром покончить хотите? А миром покончить не хотите?

Пауза.

– Как, если не светлыми и темными, называют нас люди? Пустозвоны! Что они на земле? Недостойны они всяческой милости, предатели, но смерти достойны!

– Смерти требуете? А сами не смертны? Лишь узрев великую славу моего Господина, кинулись по кустам, будто собаки алчные.

– Слава? Где она? И кто ты сама? Уже говорил тебе: ты такая же. Тебе не исправиться. И перестань корчить из себя праведницу. Ты – наша.

– Как много в тебе злобы! И я любила тебя.

– Да, ты меня любила.

Пауза.

– Ты хочешь обратить меня, повернуть вспять. Пустое. Людей не можете исправить, что же тогда обращать меня, закосневшего? Лучше подумай, основательно, хорошенько подумай – и вернись. Ты ведь Дитя Нуна. Тебя не простят сейчас, пусть даже ты отречешься у всех на глазах. Но лучше быть запоздавшей, чем подвергнуться всемирному позору.

– Никогда.

– Хорошо, тогда объясни: что ты для людей?

– Я заступница. Я не видна, но я есть. Люди, не ты, поймут меня.

– Они не верят. Они не поймут.

– Пусть! Все равно внидут в царствие небесное, где не место вам, дьяволам!

Пауза.

– Да, он обратил тебя. Я это понял окончательно. Ты стала его глазами и ушами, его языком. Он нашел хорошую заместительницу.

– Но и ты знай: путь злобы есть путь в Хаос.

– Хаос – наш дом, так говорят древние. Я не стыжусь его, своего прародителя.

– Но и ада не стыдишься.

Пауза.

– Мне жаль.

– Чего?

– Ведь нам не по пути. Зачем ты пришел! Только разбередил раны моего сердца и свое сердце разбередил.

– Я не хотел этого.

– Ведай то, что я сказала: путь злобы суть путь в Хаос. Не болеешь душой – не живешь. И если не любишь людей – тоже не живешь.

Пауза. И после паузы он сказал, подойдя к ней:

– Я... поцелую тебя. Нет, это – поцелуй прощания. Ведь мы расстаемся.

– Да, – сказала она.

И, хотя их поцелуй был долгий и страстный, и объятия были крепки, и внезапная судорога прошла по их телам, когда объятья разомкнулись, лица их были спокойны и холодны.

Хор

Если раздоры и спор начинаются между бессмертных, если солжет кто-нибудь из богов, на Олимпе живущих, с кружкою шлет золотою отец-молневержец Ириду, чтобы для клятвы великой богов принесла издалека многоимянную воду холодную, что из высокой и недоступной струится скалы. Под землю пространной долго она из священной реки протекает средь ночи. Эта ж одна из скалы вытекает на горе бессмертным. Если, свершив той водой возлияние, ложною клятвой кто из богов поклянется, живущих на снежном Олимпе, тот бездыханным лежит в продолжение целого года. Не приближается к пище – амвросии с нектаром сладким, но без дыханья и речи лежит на разостланном ложе. Сон непробудный, тяжелый и злой его душу объемлет. Медленный год протечет, и болезнь прекращается эта. Но за одною бедою другая является следом: девять он лет вдалеке от бессмертных богов обитает, ни на собранья, ни на пиры никогда к ним не ходит. Девять лет напролет. На десятый же год начинает вновь посещать он собранья богов, на Олимпе живущих.

Новоиспеченный Архонт, существо тщеславное и себялюбивое, бен Кебес, сидя в своем огненном мире, наслаждался осознанием безмерной власти и своею избранностью. Второй из всех Детей Нуна, он был избран князем мира, и его вовсе не смущало то, что для другого носило бы название «на вторых ролях». Он совсем об этом не думал, ему это даже не приходило в голову. И совсем не думал он о хождении по костям своих предшественников, плясках на могилах и прочих тому подобных неприятных вещах. Кебес даже гордился тем, что друга его Сутеха провозгласили Сатаной, втайне завидуя ему, да и как не завидовать, коли почетно это в глазах Семей Горы и Детей Нуна, почетно олицетворять собой геройство и отвагу – пройти против Осириса, быть Тифоном. Всяк захотел бы

такой участи, но далеко не каждому дано удостоиться ее, ибо не хватит ему воли и дерзости. Так думал он.

Бен Кебес любил крокодилов, резкий запах благовоний и все, что связано с огнем. Поэтому его мир прихотливо и странно сочетал в себе эти привязанности своего хозяина, сливая воедино противоположное и отбрасывая всяческие установления. Геральдическими цветами его мира были красный и желтый. Геральдическим зверем – крокодил. Стихией – огонь. Символом – вертикальный столп, опора, и лестница. Здесь были вулканы и реки лавы, непрерывные пожары озаряли небо колышущимся, набатным сиянием, а треск, вой, бушевание изменчивой стихии наполняли воздух. Олицетворением этого дикого мира был его хозяин, бен Кебес.

Таким его Мес и застал – в ореоле кружащихся искр, посреди лавовых потоков, в которых сновали и плавали гигантские и невозможные огненные крокодилы, под небом цвета алого пожарища. Здесь не было ничего, кроме возносящихся к закручивающемуся в свиток небу желтых столбов с редкими настилами перекрытий того же цвета и лестниц, спешащих все к тем же небесам. Эти грандиозные конструкции тянулись до самого горизонта и производили впечатление чего-то фатально недоконченного, будто те, кто строил их, бросили свое дело на полпути и разбежались – то ли из боязни, что все это обрушится им на головы, то ли из-за страха поджариться до времени или закоптиться в смрадном дыму. Мес с любопытством начал осматриваться, но потом бросил: конструкции были утомительно однообразны. Полезнее было отыскать самого хозяина этого огненного долгостроя.

Его Мес нашел очень быстро. Нашел по дружному хору песнопений, доносящемуся с одной из площадок высоко наверху:

«Ты, который стал царем мира, священный крокодил, тебе мелок стал Нил, и ты вздыбился, праведный, и пожрал в великой спеси своей мировые светила, и златую колесницу Ра, и млечный серп Хонсу, ты, который, землю ногами попирающий, небосвод локтями распирающий, волосами звезды сметающий, стал царем мира, крокодил великий!»

Мес криво ухмыльнулся и начал по лестнице, скользкой от жирного нагара, подниматься наверх.

Сам бен Кебес с довольной улыбкой сидел на массивном, но топорно слаженном троне и внимал хору. Мес преодолел

последнюю ступеньку довольно крутой лестницы и теперь стоял перед ним. Кебес уставился на него.

– Привет, Себек, – сказал Мес. Хор заголозил, пытаясь его заглушить, но Мес сказал:

– Заткнись, хор! – и хор заткнулся.

Кебес не был раздосадован таким поворотом дела.

– И впрямь, – произнес он, – хор сейчас не нужен. Он требуется мне в послеобеденные часы, для лучшей усвояемости пищи. Привет, Тот!

Под Месом оказалось легкое потрепанное кресло для посетителей.

– Просто уясни себе одну вещь, – с улыбкой, как-то не вяжущейся с его страшным, изборожденным складками-морщинами, темным лицом, промолвил Кебес, – уясни себе, что ты – всего-навсего посетитель, гость, может быть, даже проситель, а я – Архонт!.. Ну, так о чем ты собирался вести разговор, Тот?

Мес добродушно засмеялся, хотя все его нутро перевернулось от подобной наглости.

– Как к лицу тебе этот трон, Себек!

– О, ты уже льстишь! Это хорошо – ты, сын великого, льстишь мне. Хорошо – и забавно.

Мес убрал улыбку со своего лица – и вышло это, как он и предполагал, очень резко и неприятно, напрочь смело весь эффект, напущенный его давешними угодливыми словами.

– У горькой пилюли оболочка всегда сладка, – сухо и желчно сказал он. – Сердцевина же ее до такой степени омерзительна, что нутро не принимает ее и всеми силами старается вытолкнуть обратно.

– О чем это ты? – встревожился бен Кебес. – Ты пришел с миром?

Мес мановением своего жезла растер его слова в пыль прямо в воздухе.

– Я весьма рад застать тебя, Кебес, в добром здравии, – ответил он. – Но я и изумлен, ибо не ожидал застать тебя в добром здравии, а ожидал скорее узреть твое тело подвешенным за шею к одному из этих стропил.

Кебес задрожал – от великого гнева.

– Подожди дрожать от великого своего гнева, – остановил его Мес. – Сейчас с языка моего сорвутся слова, кои ты сильно не полюбишь. Потому что они – правда, Себек. Так вот, слова мои – бич, слова мои – жало, но ты подожди взъяряться

и постой метать молнии, а лучше выслушай, ибо я скажу вещи хоть и неприятные твоему тщеславию, но по прошествии некоторого времени любезные разумению твоему.

– Я не стану тебя слушать, – проревел Кебес.

– Станешь, – успокоил его Мес. – Еще как станешь! Друг ли тебе Сет?

– Да, – неожиданно для себя с горячностью утвердил его слова Кебес. – Да, он друг мне.

– А почему ты так думаешь?

– Стараешься дружбу нашу разрушить?

– Было бы что разрушать! Ответь мне, почему ты думаешь, что Сет, злобный и жестокий анахорет, вдруг стал тебе другом?

– Мы родственны друг другу общей нашей ненавистью.

– Понимаю. Но почему именно ты? Почему не Баст? Почему не я? Ну, с Баст понятно, ведь она стала союзницей Осириса. Но ты, ты ведь, Себек, – вода. Ты – благодатный разлив Нила, священный крокодил, живоносные воды Файюма. Так почему вдруг вода и зной идут под руку, словно людская любящая пара, супругами называемая?.. Подожди, не отвечай. Я и так знаю. Да все потому, что тебе надоело твое Ремесло. Такое случается. Набивает оскомину свой Промысел, и тянет на что-нибудь другое, совершенно противоположное и противоположенное. Потому-то здесь вокруг огонь, что ты стараешься приблизиться к Сутеху как можно ближе. На самом-то деле тебе здесь совсем не нравится, в этом полыхающем мире, ты мечтаешь о море, зеленых шелестящих волнах или огромных голубых извивающихся рукавах рек, спокойно несущих свои воды к океану, разливающимися каждый год и дающих свой благодатный ил на пользу полям. Вот что хочется тебе, Себек, а не огня и пожарищ.

– Что скажешь еще? Ты что-то еще хотел сказать горького, обидного, не так ли?

– А то, что говорю сейчас, не горько? Сладко как мед? Тогда ты не поймешь меня. Что слово для глухого? Цветы для слепого? Язык для немого?

Кебес махнул рукой, чтобы хор продолжал, но Мес снова сказал:

– Заткнись, хор! – и хор снова заткнулся.

– Нет, не для того он убивал Ленту, – говорил Мес, – чтобы дать дорогу тебе. У него собственные планы. Крикни хору:

«Продолжай!» Прикажи снова петь дифирамбы! Наслаждайся! Тебе недолго осталось, и спеши ловить каждый миг.

– Это нечто новое.

– Все это старо, как мир. Тебе никогда не сравниться с Сетом по части хитрости, коварства, вероломства и великого искусства продавать. Сегодня он охотится за членами Семьи и он премного преуспел. Он уже вывел из строя мать и сына, одну за другим, и остальные, проникнув в суть его, разбежались. Нет и не будет мира, когда царит в мире подлость. Скоро подойдет и твой срок, Кебес.

Тот молчал. Темное лицо его еще больше потемнело, складки превратились в узкие глубокие прорезы, глаза совсем утонули в щелках век.

– Почему я, Тот? – сказал он вдруг.

– Что?

– Почему я? Почему меня ты избрал объектом для своих непонятных исканий? Благодарю, конечно...

– Ты, видно, меня не так понял, Себек.

– Подожди-ка, Тот. Помолчи. Я понял то, что понял. Сет мне друг, так? Друг. Нехорошо предавать друзей. Пусть сначала он предаст меня, а там посмотрим. Сам посуди, Мес: я Архонт. Кто меня сделал им? Сет. Кто поддержал меня, тогда как все вы были против? Сет. Кто устранил ненужных и виновных? Сет. А вот твою роль здесь, Тот, я что-то не угадываю.

Даже в этом бушующем мире приходило время ночи: здесь это выражалось в том, что небо медленно засыхало красно-коричневым струпом, утрачивая свою дневную окраску свежераскрывшейся раны, – темнело. Мес взглянул наверх. Кебес сидел, ожидая ответа.

– Ответа не будет, – наконец сказал Мес – Ты спрашиваешь: почему ты? Не знаю. Ты казался мне разумным. Нет, ты конечно, разумен, но как-то по-своему. Все вы как-то иначе, по-другому мыслите. Странно. Сет тебе друг... Но в такой же степени он друг и всем нам.

Он опустил голову, а затем громко произнес:

– Гогна!

Острый его взгляд впился в Кебеса. Но на того это слово, сверх всяких ожиданий, не произвело ровно никакого впечатления. Каменный лик его не шевельнулся ни одним мускулом, глаза не выглянули из бойниц век. Неподвижный и почти ве-

личественный, восседал он на своем троне и смотрел на Меса с высокомерием.

Когда Мес занес уже было ногу над первой ступенькой, он вдруг вспомнил.

– Пой, хор! – приказал он.

И уже за своей спиной услышал, как хор заголосил:

– Ты, воздевший рога Хатор, рыкающий зевом Сехмет, крадущийся по ночам тенью-Анубисом, ты, рождающий волну и заливающий пламя, несущий и мир, и меч, воцарился навеки, крокодил победоносный!

Сын бога. Сын бога. Когда человек, взыскавший все почести и грехи земные, пресыщен и утолен, когда кровь и порфира не пьянят его более, а лишь тяготят подобно тайному знанию, он начинает именовать себя сыном бога. Вот что предшествует этому – шествия жестоких жрецов, лица в гордыне живущих, безобразные обагренные истуканы, факельные отблески на золоченых митрах, трон и – титул – Сын Бога. Действо еще более величественное и мрачное. Сама жизнь протестует и, стелясь, все же подчиняется нелепым, человеком установленным правилам, чтобы потом, подобно вырвавшемуся из узилища плотины потоку, смести и самого человека, и его странные законы. Сын бога. Что в имени, коли не пребываешь таким? Звук пустой и гулкой. Живые мумии-фараоны, восточные сатрапы и цари, насурьмленные и пропитанные благовониями, Цезарь, Август, Нерон, Коммод, Злагабал, – сердца жестоковыйные! Как спасетесь, ежели не смирились? Верблюды, сквозь игольное ушко протискивающиеся!

Время неосвязаемо для человека. Оно – просто нечто, его сравнивают то с рекой, то с потоком, что в сущности одно и то же, хотя сравнение это, по-моему, довольно образно. Но, несмотря на это, человек не понимает и не может понять время. Часы, складывающиеся в дни, а те – в годы, для него проходят незаметно, а потом наступает момент, когда он говорит: «Хм, смотри-ка, а жизнь-то уже прошла! Это надо же!» Неразумный! А на что жизнь тебе?

Я помню все. Пусть твердят полоумные, что те, кому дано больше, чем век, живут одним днем и памяти не имеют. Память их остра и тверда. Но некоторые из них не хотят помнить. Это их выбор. Я помню все. Когда-то – было это в сияющие века пирамид и власти золотого урея, – преисполнившись знания и умения, я высек некоторые мои мысли на

некоем зеленом камне. Ныне, находя в древних алхимических фолиантах те мои слова, я понимаю, что давно утратил подлинный их смысл и что теперь они не более, чем звук пустой и гулкий. Помните? «Истинно. Несомненно. Действительно. То, что находится внизу, подобно находящемуся наверху, и наоборот, то, что находится наверху, подобно находящемуся внизу, ради выполнения чуда единства». Согласно мне сегодняшнему, речь тут идет о половом акте. Дальше в той штуке, которую называют Изумрудной Скрижалью, слова и понятия становятся все запутаннее, пока разум, эта уставшая ищейка познания, не начинает крутиться на месте, ловя себя за хвост. Но кончается толково: «Вот почему я был назван Гермесом Трисмегистом – обладающим познаниями тройкой философии мира». Нескромно, но есть, есть в этом самодовольстве что-то, что притягивает и заставляет уважать. В те времена я был довольно толковым парнем.

То не была моя автобиография, вырезанная в камне. То были всего лишь некоторые отвлеченные мудрствования, коими я забавлялся то ли на сон грядущий, то ли с мыслью об обескураженных потомках. Впоследствии вокруг них выросли целые горы и леса алхимических бредней. Я к этому не имею ровно никакого отношения.

Ну, а раз речь зашла о потомках – так прямо, просто даже без уверток, – то я и их помню, всех до одного. Речь идет о моих сыновьях. Все они – личности известные, упоминаются то там, то здесь, причем в источниках, седой авторитет которых никем не ставится под сомнение. Я не был рекордсменом по части деторождаемости среди всех обитателей Вершины, кое-кто меня в этом даже переплюнул, но и мои достижения не так уж плохи: у меня было восемь сыновей. И это еще если исключить из списка тех, кому я лишь приписывался в качестве родного папы. Восьмеро – это точно, мои. Остальные – быть может, фикция, возможно, подвох.

Он лежал с закрытыми глазами на кровати, своей кровати, под приспущенным балдахинном. В комнате свет не горел, а поэтому давно уже темнота снаружи влилась сюда через окно и затопила комнату, сделавшись особо черной по углам, под столом и кроватью, – там стояли озерца чего-то чернее, чем мрак. Он лежал с закрытыми глазами и, похоже, спал. Что такое память? Это сны. Мы гоним память, но она мелкими бродильными пузырьками всплывает в наших снах, от нее никуда не денешься, и ночные видения поэтому – что-то вроде

второй жизни, жизни в прошлом. Память небес, ее не изгонишь экзорцизмами, ее не проводишь вежливо за дверь, чтобы она, будто непрощенный гость, мокла под осенним дождем забвения, она всегда с тобой и всегда – жива.

Его имя было Пропилей. В этой своей ипостаси он никогда не соперничал с Янусом, также привратником, а покровительствовал скорее путникам и вообще всем идущим по дорогам, нежели покушался на смелое владычество над всяким началом. Гермы были его символами, разрушить их значило навлечь на себя тяжкий грех и гаев его. Поэтому Геростратов не находилось. Символом его была герма.

Он находился на перевале. Здесь свистел и плакал ветер и навалены были обо – кучи гладких шлифованных камней. Вдали возвышался длинный, истрепанный ветрами шпиль субургана, возле росла кучка уставших голых полукустарников-полудеревьев, похожих одновременно на внезапно одумавшееся оседлое перекасти-поле и куст терновника – излюбленное пристанище плакальщика баньши. Странно, но он видел только свой перевал, остальные детали, как-то: горы, вершины, вечные снега, ручьи и водопады, – были скрыты густым туманом нежелания их видеть. Итак, только исхлестанная всеми ветрами лысина перевала и он, Пропилей.

Самое странное было то, что он знал, что будет дальше. Он даже знал, в каком порядке будут являться ему его сыновья.

Возникли звуки свирели. Потом они замолкли, и послышалась песня. Судя по словам и мотиву, это была нехитрая пастушеская песня, коей члены этой достойной корпорации тешат свой слух, когда стоняют разбежавшихся овец в одно стадо.

Он знал правила. Длительной беседы здесь, на этом перевале, быть не могло. Поэтому он просто поприветствовал подошедшего, когда тот приблизился. Первый путник был красивым светловолосым юношей с печальным взглядом, приятным голосом и хрестоматийной свирелью в руках. Существовало два варианта его смерти: согласно Овидию, юноша этот был превращен в камень (сразу, сразу отбросим эту версию, вот же он, передо мною стоит, и не каменный совсем); согласно же Феокриту, а потом с ведома его и Вергилию, этот бедняга кинулся со скалы в море (почему-то все время со скалы они кидаются в пучину; видно, Греция все-таки место доволь-

но каменистое, булыг разных там много, вот и бросаются они с них – бульк!) из-за неразделенной (с его стороны) любви.

– Привет, сынок! – сказал он – довольно ласково.

– Здравствуй, отец мой! – почтительно, но печальным голосом отозвался бедный юноша. – Я играю на свирели. Вот послушай, – и он снова заиграл, в то же время медленно проходя мимо.

– Молодец, – крикнул Пропилей удаляющемуся. – Только больше со скалы не бросайся. Там, где ты сейчас, и воды-то нет.

Послышалось ржание невидимых лошадей, цокот копыт, и на перевал вылетела колесница, которой правил высокий мужчина с черной бородой, в развевающемся красном плаще, сандалиях и с мечом на поясе. Он не стал осаживать своих скакунов перед сидящим, бравируя и красуясь, а просто немного натянул поводья, заставив колесницу катиться медленнее. Мастерски правит он лошадьми. И он когда-то полетел вниз со скалы, но хоть имя свое увековечил: покрытое пузырями от выдоха его умирающих легких море стало Миртойским. И загорелись на небе новые звезды.

– Возничий! – сказал Пропилей.

– Да, это я. – Лошади легко шли, колесница катилась.

– Хорошие лошади.

– Да, ничего. Ну, пока.

– Пока.

И когда колесница уже скрывалась за бугром перевала, крикнул:

– Ты... осторожнее правь. Разобьешься.

И получил ответное:

– Ладно.

Там, где он, наверно, нет лошадей.

Сколько всего было аргонавтов? Похоже, эти ребята и сами толком этого не знали. Аполлоний говорит – пятьдесят пять, называя их всех по именам. На самом деле, наверное, меньше, Гораздо меньше. Под сто, наверняка. Но вот, идут двое – ать-два, раз-два! Два брата-акробата, оба на «Э». Оба – с мечами. Оба – с щитами. Оба – в полной боевой выкладке. Ать-два! Идут.

– Здравихейайотецнаш! – Отличные крепкие молодые глотки. Здоровые сильные тела. Не знаю, как они умерли, наверняка, как и все герои, своей смертью, в уютной мягкой по-

стели, в окружении многочисленных жен, детей, полужен, полудетей, не жен и приемных сыновей.

– Иэх! – восхищенно крякнул он. – Чудо-богатыри!

– Уррррряааа!

Ать-два, ать-два! Топот смолк.

Да. И куда девать эту боевую мощь, эту силу, эту, можно сказать, молодецкую статью, когда там и войн-то нет!

Подошел еще один юноша. Красота его была явственна и дивна, хотя слово «юноша» давало намек только на его прошлое, не на настоящее. Потому что – он был обнажен – у него были женские груди и томный взгляд, и под честно выставленным напоказ мужским достоинством угадывало еще темное нечто, что другой стал бы скрывать, а этот никогда, – ведь это его тело, его естество, а поэтому что скрывать? Все люди должны быть такими, славными совершенными андрогинами, гермафродитами, утолненными и нашедшими на все ответ. Я его не любил.

– Гермафродит! – сказал, будто бросил.

– Да, отец?

– Ну, иди, иди, чего встал!

– Иду, отец.

Вялая пресыщенная тварь. Ушел. Мог бы совсем не приходиться.

И вслед за ним – на тебе, пожалуйста! – такой же, подобный. Конечно, не такой выраженный, но все-таки... Красив, статен, но...

– Прости меня, отец!

И вечно прощения просит! За что? За то, что лошадьми был растерзан? Или за то, что был утехой для этого быкоподобного полусмертного?

– Отстань!

– Нет. Прости.

– Ладно. Иди себе с миром.

Пусть успокоится. Верно, нет там его огромного покровителя, и гложет его боль и раскаяние.

Восемь у меня сыновей. А путевых – только двое. Эти – все в меня, не то что те, с жидкой кровью их матерей в жилах. А уж эти-то – мои.

Он остановился недалеко, возле кучи камней. Был он невысок, коренаст, с широким хитрым смуглым лицом и с серьгой в ухе. Большой, бесформенный рот его, полный белых крепких зубов, приветственно скалился. Этот хитрый и лов-

кий разбойник, парнасский обитатель, самый вороватый среди людей, был рад видеть своего отца.

– Подойди! – приказал Пропилей. Первый раз за все это время он улыбнулся. Человек шагнул к нему, они обнялись.

– Я не тороплюсь, – сказал человек с серьгой.

– Ты совсем не изменился.

– Да. Ведь там не меняешься. И потом, таким ты меня видел последний раз. Я решил оставаться таким же.

– Ну, как ты?

– Как всегда, великолепно.

Они оба засмеялись.

– Ты хороший сын, – потрепал его по щеке Пропилей. – Дарую тебе безопасный проход по всем дорогам, которыми тебе придется ходить.

Человек поцеловал ему руку.

– Ну, я пойду.

– Иди, иди. Иди! Не надо задерживаться.

Прежде чем уйти, человек обернулся и помахал рукой. Он замахал ему в ответ.

Ветром выл перевал, свистел камнями обо, махал указательным пальцем шпиля субургана. Пан, сын мой! Вот возник и ты. Ты все такой же веселый и разбитной, бес мой полуденный, такой же жизнелюб, которому пришлось подчиниться и поневоле уйти. Но почему печаль в твоих глазах? Почему она затаилась там, не находя выхода? Зачем ты пустил братьев твоих, и они пошли перед тобой, никчемные и пустые, тогда как ты хочешь сказать мне что-то действительно важное? Ведь я люблю тебя. Причинишь ли мне вред или, наоборот, захочешь сохранить меня?

Выл перевал. Когда я уходил, то новое, что ты так ненавидишь, только устанавливалось в мире. И я, предчувствуя грядущие силы, ушел, чтобы не возвращаться. Ты плакал тогда, и вся природа плакала, ибо я был ее пастырь. Поля и леса заходились в безудержном плаче, и стада и доли заходились в плаче безудержном. Я же надеялся – все идет к обычной смене мировых сил, к безболезненному толчку, в конце которого Вселенная станет опять как мать, избавившаяся от своего дитяти, которые для нее и бремя и счастье. Но не так все. Вы не пасете стада людские, а избиваете их, соделав ареной своих гладиаторских сражений. Бойтесь друг друга. Ненавидите. Лжете. Тем самым не людям вред несете, а себе самим, выталкивая друг друга в мертвенный Хаос.

Но что там?

– Там нет ничего. Не вам, живым, знать об этом. Но я удивлен: если уж ты, вожатый, не знаешь, то кто знает? Кто скажет? Ветер, насвистывающий на свирели скал свои незатейливые мелодии неслышного разрушения.

Что ж. Я разочарован.

Смысл вещей снов не обязательно должен быть ясен и прозрачен, как родниковая вода. Ты же сам оракул, отец. Подумай.

Но ты ничего еще не сказал.

А ты ждал – вот сейчас он будет говорить про Гогна, сейчас – о нашей участи. Но ты все равно не поймешь меня, так что толку? Ты уподобляешься незадачливому путешественнику, полагающемуся на нелепые рассказы старых карт с изображениями собакоголовых людей и морских чудищ. Не проще ли все разузнать самому?

Как?

Я скажу тебе: Гогна вовсе не такие страшные, как их малюют. Ты знаешь их, отец. И ты сразу узнаешь их, если догадешься, что это они.

И это все?

Но он уже уходил, звучно постукивая своими копытами по камню дороги. Он не оглядывался, да я и не желал этого. Сказал ли он все? Вернее, подойдет ли он, этот ключ, что он мне дал, к той заржавленной скважине, провернется ли в ней со скрежетом, и откроется ли старая дверь, ведущая в камеру с древними, непознанными ужасами?

Мес проснулся, сел и медленно провел по лицу рукой.

Хор

Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель.

И многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении.

И из любостыжания будут уловлять вас льстивыми словами; суд им давно готов, и погибель их не дремлет.

Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания;

И если не пощадил первого мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых;

И если города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам,

А праведного Лота, утомленного обращением между людьми неистово развратными, избавил, –

Ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела незаконные: –

То конечно, знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а незаконников соблюдать ко дню суда, для наказания,

А наипаче тех, которые идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших,

Тогда как и Ангелы, превосходя их крепостию и силой, не произносят на них пред Господом укоризненного суда.

Они, как бессловесные животные, водимые природою, рожденные на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своем истребятся;

Они получают возмездие за беззаконие: ибо они полагают удовольствие во вседневной роскоши; срамники и осквернители, они наслаждаются обманами своими, пиршествуя с вами;

Глаза у них исполнены любострастия и непрестанного греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено к любостыжанию; это – сыны проклятия.

Когда лучи красные солнца падают отвеснее и под более острым углом, когда солнце не в зените и уже не так жарко, а более милостиво и даже нежно, в мир приходят тени. Они, тени, остры и глубоки, в них можно сунуть руку и дотянуться до сокровенного, они, тени, протягиваются, длинные, и от великого утеса, и от бедной былинки между треснутыми камнями, огнем прокаленными солнца. Они, тени, по наступлении долгожданного вечера вновь воюют себе мир, длинные, черные, пересекают долины, леса, горы, города, людские души и не успевают спастись – погибают в водах тьмы – потопах ночи. Черные, длинные, резкие, они – лишь временщики, краткие властители перед приходом владычицы более страшной и всепо-

глощающей – тьмы. Тьма захлестывает их, и они, становящиеся бессильными, хлипкими, размытыми, погибают.

Как уже говорилось неоднократно, мне, Магнусу Месу, никогда не надоедало вновь и вновь приходить в этот мир. Он, Магнус Мес, снова и снова шел к оракулу Омфала, чтобы пророчить там. Чугунно-серые, пенились горы. Цикады в щелях камней цепенели. Верхушки холмов вдалеке чуть темнели. Дневные животные прятались в норы.

Ночь наступала.

Пришел он в земли те, и вот, храм пред ним. И вошел он в храм тот, и...

Никто его не встретил. Моментально насторожившийся Мес осмотрел пустую комнату позади оракула, услышал смутный шум, говорящий об огромном скоплении народа в Омфале, и, открыв окошечко, заглянул туда.

Святылище было полно людей. И были эти люди злы и плохо настроены и агрессивны. Толпа бушевала вокруг священной статуи, бывшей однажды вместилищем святого духа, и возле постамента бушевал гнев и недоверие толпы. С улыбкой глазели на это лики с потолка.

Но что самое худшее – Мес увидел в глубине зала закованных в сталь солдат. Это, без всякого сомнения, были люди Брагансы. Антихрист решил установить свою пяду посреди вотчины бога.

Вбежал Снофру. Он был бледен и испуган.

– Беда, герр Мес, – проговорил он. Губы его прыгали. – Король Браганса оцепил святылище своими солдатами. Он требует чуда.

– Чуда? – переспросил Мес. – Но разве не был он уже свидетелем чуда?

– Ему мало этого, – отвечал Снофру. – Он хочет всенародного чуда. Иначе он сроет до земли стены Омфала.

– А что люди? – спросил Мес. – Что они говорят на это?

– И они, – отвечал Снофру, – и они, герр Мес, хотят чуда. Они раскалены до предела. Арелла с ними, пытается утихомирить толпу, но ей пока ничего не удастся.

– Мнение толпы непререкаемо, Снофру, – сказал Мес – Скажи хору – пусть поет. Скажи человеку с гонгом – пусть подает сигнал. Скажи Арелле – пусть приготовится. Мы начинаем.

Снофру выбежал. Мес опустился в кресло. В окошечко проникал чад от горящих факелов, которые держали в руках люди Зета Брагансы.

– Дьявол, – сказал Магнус Мес.

Ударил гонг. Рокот толпы не стал тише, а, наоборот, стал нарастать. Гонг ударил снова, и начал расти голос хора.

– О-о-о!

Парадоксально гармонично одновременно с этим нарастал и голос толпы.

– О-о-о! А-а-а! О-о-о!

– Даммм! – запел гонг в третий раз.

– Оракул слушает, – сурово и надменно разнеслись слова жрицы. Видно было, что толпа заколебалась. Среди этих серых людских тел спрятались переодетые умелые провокаторы, но и они сейчас не знали, что делать. Люди, привыкшие падать ниц под одним только яростным взглядом служительницы оракула, опомнились и начали приходить в себя. Пришли в себя и лазутчики. То тут, то там в толпе стали возникать шорохи и приглушенные диалоги – очаги напряженности.

– Оракул слушает, – повторила жрица.

Железная шеренга в глубине Омфала пошевелилась. Размерно тесня толпу, вперед пошли люди короля Зета Брагансы.

Арелла не дрогнула. Ее лицо исказилось не мятой гримасою страха, а вдруг вздыбилось и застыло страшной маской слепого гнева, она скрежетнула зубами.

– Как смеете вы, черви, идти к алтарю оракула с оружием в руках? – Этот голос, сиплый и еле сдерживаемый от великой ярости, поверг в ужас многих людей, и они против своей воли пали на колени.

Но солдаты еще шли.

– На колени!

Звук этого голоса, исходящего из слабой груди женщины, имел какую-то силу: солдаты встали.

– На колени!

Шеренга дрогнули. Каменные лики потолка язвительно заухмылялись.

– К оружию! – громко бросил еще один голос, и перед солдатами очутился сам король. Сейчас Браганса был в боевом облачении, в руке он держал отсвечивающий белым клинок. Этим клинком он указал на постамент Ареллы.

– Вперед! Это не более чем пустое место!

Солдаты вновь двинулись вперед, и толпа, эта подвластная прямым приказам масса, также поперла, наседая на помост. Арелла уже видела совсем близко их, людей, которых видела всегда через фиолетовую призму горделивой властности, и вот, уже рядом они, ополчились на меня сильные.

– Назад!

Снофру был очень властен сейчас. Он стоял выпрямившись, с простертой над толпою рукой, с каменеющим лицом, на котором сверкали глаза.

– Вперед! – Голос Брагансы.

– Назад! Или Трисмегист сожжет вас огнем!

– Вперед! – снова крикнул Браганса.

Снофру стал что-то говорить, и в этот момент голос отказал ему. То ли дав хрипотцу, то ли закашлявшись, он на мгновение умолк. Он поднес сжатый кулак к груди, лицо его напрялось, лоб прорезали мучительные складки: он пытался снова взять контроль над собой. Но и этого мгновения хватило, чтобы первый человек из толпы, самый храбрый и злой, взобрался на помост рядом с ним. Снофру глянул на него – в глазах ничего, кроме изумления, – человек ударил его коротким ножом, толкнул в толпу. Мес вскочил, не веря своим глазам. События разворачивались стремительно. Арелла вскрикнула. Тело жреца с раной в плече, забрызганной кровью, исчезло в толпе. На помосте было уже шестеро. Все они шли к Арелле. Мес никогда в жизни не видел ничего гнуснее их улыбок.

Когда он возник прямо посреди них, молчаливый и как бы погруженный в себя, они оцепенели. Жезлом он смахнул двоих с помоста, одного послал под потолок – висеть, держась за один из ликов, троих убил тут же, на месте. Толпа ахнула, и звучало это именно как «а-ах!» – и схлынула. Теперь она смотрела на него с расстояния. С громким криком висевший под потолком сорвался и рухнул вниз, вдребезги разбившись о белый пол великого святилища Трисмегиста.

Наступила немотная тишина. Казалось, один Браганса ничему не удивляется. Но и он тоже молча смотрел на Меса.

– Ну ладно, – произнес тот, и эти слова стали в тишине такими же, как и удар гонга, – громкими и отрывистыми. Он взял Ареллу за руку. – Пойдем.

Тысячеголовая гидра перед помостом вздрогнула и подалась вперед, под давлением голоса Брагансы, вновь скомандо-

вавшего атаку. Мес остановился, сказал Арелле «Иди», а потом, когда она исчезла, повернулся лицом к толпе.

– Опять, что ли? – спросил он ее.

– Возьмите его! – крикнул из тела толпы Браганса. Мес железом разделил толпу надвое, и из образовавшегося широкого прохода поднялось, покачиваясь, горизонтально лежащее в воздухе истерзанное тело Снофру. Мес тихо смотрел на него, шевеля губами, как будто читая отходную, пока тело жреца медленно плыло по воздуху к помосту. Здесь оно неслышно улеглось и затихло недвижимо. Темная густая кровь оросила камни помоста, и, как будто отвечая этому, единственная слеза скатилась по щеке Меса.

Он молча повернулся к тупо взиравшей на происходящее толпе, и под властью его жезла в воздух поднялись, извиваясь, уже трое живых. Эти люди добились раненного жреца.

– Превратитесь, вы трое, в змею, крапиву и статую, – сказал негромко Мес, и они, закричав, превратились: один – в отвратительную желтую змею, тут же растоптанную ногами забоявшейся толпы, другой – в жухлый крапивный пук, отброшенный далеко под помост, и третий – в уродливую каменную статую, которая упала на пол и разлетелась на множество кусков.

Толпа шарахнулась назад, и тут, растолкав всех, вперед вышел Браганса.

Я хотел видеть тебя, Трисмегист, видеть во плоти, а не в камне, как в прошлый раз. Ты теперь также облечен Властью? Да, и ты дал мне ее. Будь же благодарен мне за это. Я благодарен, но и не понимаю: ты, как всегда, пограничник, ни за тех и ни за этих. Зато ты – против. Говори же с ним, со своим установленным противником, не со мной. Зачем ты напал на дом мой, освященный моими словами? Я все могу. Я – Rex Mundi. Я имею на это право. Никто не имеет права. Ни у кого нет прав. Нет права и у тебя, человек. Я – Лжечеловек, великий борец. Ты – ничто, песчинка в доме бога. Ты – тоже ничто, но мы хотим сделать из тебя что-то. Например? Например, нашим пособником. Какое неприятное слово ты выбрал! Пособник! Пособник, сообщник, содельник. Преступление, беззаконие, смерть. Против него ли ты? Да, я против него, но не за вас. Ибо я перестал слепо жаждать его крови, которая и так уже один раз пролилась. Что – переговоры? Если возможно. Мой друг – Сет. Он являлся мне и благословил меня. Заплачь слезами восторга, и тогда картина твоего откровения

будет полнее. Нет, Трисмегист, ты не наш. А кто дал тебе язык – выбирать? Сет дал мне язык. Арес дал мне язык. И другие, наши, дали мне язык – выбирать и решать. И ты был среди них, когда был еще наш. Ибо я – повелитель над вашим роковым, многовековым ужасом. Я – повелитель над Гогна.

При этих словах Мес застыл на месте. Он не ожидал услышать это слово из уст Брагансы, хотя и знал, что перед – не обычный человек. Он медленно спросил.

Гогна? Ты сказал – Гогна? Приятно видеть тебя удивленным, Трисмегист. Да, я сказал «Гогна». И... где они? Они перед тобой. Что? Хм. И на этот раз ты не ослышался. Они перед тобой. Вот они. Видишь? Вот эти люди, вот они, – это Гогна. И другие, которых здесь нет, – они тоже Гогна. И многие на многих мирах – и они Гогна. Почему? Потому что они ни во что не верят. Они неверящие, неверующие, и потому они – Гогна. Они властны только над самими собой и не следуют законам миров, а потому они – боги самих себя, правящие своими собственными маленькими мирками. Они – Безглазые Боги, ибо не видят ничего вокруг. Что же, они не правы?

Браганса рассмеялся.

Почему же, они по-своему правы. Просто они тупы, жестоки, коварны, двуличны, подлы и поэтому – легкая добыча для меня и тех, кто надо мной. Они хорошо организуются, прекрасные исполнители, легко наводят страх и абсолютно не приручаются. Это – цепные псы, Трисмегист. Сыны проклятия.

Мес начал понимать. Новыми глазами он взглянул на окружающих его. Он увидел все то же. Он увидел живую, дышащую, молчаливую, подвластную, серую, злобную, – он увидел толпу.

– Гогна, – сказал он, и лица повернулись к нему. – Гогна!

Они кивнули.

– Вы – Гогна!

Они знали это.

– Гогна!

– Да.

В комнатушке позади Омфала Арелла ждала его. Она была испугана, но не настолько, чтобы потерять рассудок. Он быстро подошел к ней и взял ее руки в свои.

– Послушай, Арелла. Тебе сейчас нужно идти. Все равно куда, потому что через несколько часов это место перестанет

существовать... Ничего не говори. Просто делай. Здесь нечему гореть, наверняка они ничего не тронут. Но дух Омфала покинет его. Я – этот дух. Понимаешь? Вот тебе моя трость. Как ты видела, это не простая трость. Береги ее. Что еще? Ничего. Все. Иди.

Арелла подняла к нему свое лицо.

– Я люблю тебя, – сказала она.

Он пошатнулся.

– Иди, – сказал он. – Иди. И не говори больше ничего.

Она ушла.

В Омфале статуя Трисмегиста, внезапно разваливаясь, рухнула на головы присных Брагансы.

Видение Гогна ошарашило его, но не изумило. Где-то среди подводных камней потоков души его уже скрывалась подобная загадка, однако даже он не предполагал, насколько нелепы и дурны законы мира. Знал ли истину Ховен, строя ковья Адонису, и знали ли ее прочие, поддержавшие первого? Но, задаваясь этим мысленным вопросом, Мес и не подумал включать Сутеха в свою вопросительно-озадаченную фразу. Конечно, тот обо всем знал. Он и есть настоящий творец этого плана.

Внутри него стала подниматься свирепая волна, пестрящая образами насилия и мести, но он что есть сил подавил ее. Каков выход? Он не знал. Все, чего ты боялся, все, чего сторонился, но куда все-таки влез, совершилось, причем самым худшим образом. Получается, что я – и здесь на границе. На границе двух сил, враждебных и вступивших в открытую борьбу, битву молота и наковальни, а я получаюсь чем-то вроде податливого бруска, по которому лупят с одной стороны, а с другой мешают вырваться из этого сумасшедшего ада. Я уже не вопрошаю безмолвный космос, где же справедливость и простейшая благодарность. Ни к чему. Нет ничего. Только обнажившиеся, брызжущие кровью интересы, перекрученные в борьбе идеи. А я, хоть и в центре, но и в стороне, – как тот несчастный козел, мясом которого воздавалось отпущение. И вновь злоба и гаев поднялись в нем.

Но он не давал им выхода. Недавно ты поддался пламени ненависти, и оно сожгло – тебя же самого! Всего лишился. Вотчина бога под пятой человека. Продолжаешь оставаться не Архонтом. И всеми забыт.

Дьявольский план Сета предстал перед ним во всей красе. Единственное, чего он никак не мог понять, – как этот исстра-

давшийся, балансирующий на краю вселенской катастрофы, свихнувшийся мир еще не свалился в ту пропасть, которая ему уже уготована? В ту могилу, которая уже вырыта ему? Видно, мир – существо куда более живучее, чем многие представляли и представляют себе. И более фатальное. Даже не обнаруживая явно признаки надвигающегося конца, тем глубже сокрыл он эти симптомы в пучинах своего естества: в течении рек, в вышине гор, в полете птиц, в трепетании древесных верхушек.

Ему оставалось одно – найти Мир Адониса.

Однажды – а это было давно, – когда его еще не волновала столь конкретная цель, а интересовали скорее явления абстрактные, умозрительные, он решил узнать, что такое Бог. Не те Элохим, большую часть которых он мог наблюдать постоянно вкупе с их настроениями, характерами и внешностями, но тот метафизический Истинный Бог, Творец, демиургической волею коего многие объясняли рождение и строение мира. Ему не пришлось с кем-либо советоваться – визионеры вроде Сведенборга и Данте еще не родились. Итак, он решил дотянуться до истины.

В легендах детства, когда, маленький, еще не способный ходить, но уже мыслящий, лежал он в своей гимном воспетой колыбели, а его мать пела ему эти древние песни, ему довелось услышать о существовании Великих Спящих. Эти Спящие, Сном своим длящие мир, все еще спят и, возможно, никогда не проснутся. Помню, это уже тогда удивило меня: как это, никогда не проснутся? Что, так и будут спать? Мой маленький ум никак не мог смириться с такой бессмыслицей. Но моя мудрая мать сказала мне: и твой отец, и твои дяди кровно заинтересованы в том, чтобы Великие Спящие никогда не проснулись. Потому что, когда они проснутся, и потянутся, и вдруг увидят этот удивительный, несовершенный мир, ими когда-то созданный, и увидят людей, созданных когда-то ими же, и увидят Вершину и власть ее, и многочисленных, жадных, темных Детей Нуна и власть их, и увидят других и их власть, гнев поднимется в них, и Великие Спящие уничтожат мир. А пока они спят, длится и жизнь этого мира. И, заключила мудрая мать моя, длится и наше им правление.

Но Мес вернулся к этим еретическим мыслям позднее, и так как к тому моменту он был уже много мудрее себя, младенца, так как постиг уже некоторые тайны, основами лежащие под загадками света, так как стал уже ходячим символом

рунной мудрости, и многие пытались расшифровать эти руны, – ему все же что-то удалось. Он выдвинул свою, герметическую теорию.

Бог есть бесконечная духовная сфера, центр которой находится в любой точке вселенной, а наружность нигде. Эта сфера, где ничто не случается, ничто не проходит, ничто не гибнет, где все времена суть настоящие, отмечает не только те события, которые уже произошли в дольном мире, но и события грядущие.

Позднее он пересмотрел эту свою дерзкую концепцию, склонившись более к фантомам своих детских лет, – к осознанному пониманию присутствия Спящих. Но и людское простонародное отношение к Богу ему очень нравилось («он добрый, хороший. И он один»), В целом же, не все так сложно. Но и не все так просто. Может, Спящих много. А может, и нет: есть только один Спящий, который никогда не просыпается. От его имени выступали многие. И он сейчас решил навестить самого известного из них.

Не всякому дано умение сдирать со Вселенной ее шкуру – чихая, он отдирает от горячих звезд-карликов пыльные лохмотья галактик, обнажая гнилую мездру бесцветных туманностей и тошнотворные язвы черных дыр, оголяя кровотокающие вздрагивающие сердца пульсаров и сытые желудки благоденствующих планет. Вселенную, этот залежавшийся труп, безжалостно кромсают, соскабливая с него слой за слоем, – вот и пульсары отправляются в ведро для отходов, с хрустом и хлюпом отходит еще один покров, и тут глазам трупораздирателя открывается великое множество мельчайших шариков, отдаленно напоминающих клетки этого гигантского тела. Каждый из них столь мал, что не занимает и одной миллионной доли вивисецируемого организма, и столь велик, что вмещает в себя все, что только можно себе представить. Они пульсируют, мигают, вздрагивают, светятся, разноцветные, немые, они говорят. Это – Вихрящиеся Миры, и у каждого есть или был обитатель. И если в нем есть нужда, его надо искать. Это не так трудно, как кажется сначала, но есть здесь свои нюансы. В первую очередь, откинем черные шарики, где не светится жизнь. Это – мертвые Миры, они скоро погибнут. Потом отбросим слабо светящиеся, мигающие, колотящиеся прерывисто, словно маленькие неумные сердца, – они скоро умрут. Остаются миры разноцветные, горящие сильным, ровным пла-

менем. Это то, что нам нужно. О, не думайте, их совсем немного, и долго искать уже не придется.

Не всякому дарована сила – содрать со Вселенной ее пыльную, пропахшую потом звезд шкуру.

Здесь была улица. Он усомнился в правильности своего выбора. Улочка была небольшая, по сторонам возвышались шпалеры вьющихся роз, чей сильный аромат густо стоял в теплом воздухе. За этими кустами ничего не было видно, зато в самом конце улочки виднелся ухоженный домик с красной крышей и темными ставнями. Мес направился к нему. Оказывается, кусты укротно оплетали затаившиеся в их тени скамейки, и на одной Мес увидал Жиро. Тот сидел и читал какую-то книжку. Он поднял глаза, и они встретились взглядами. В глазах того Мес внезапно прочитал какое-то странное торжество, но тем не менее ни тот, ни другой не кивнули. Но Мес уверился в том, что попал правильно.

Вблизи дом выглядел следующим образом: крыша, крытая темно-красной черепицей, розоватые стены, крестообразные фрамуги, дверь, позаимствованная, видимо, из какого-то средневекового собора, – с многочисленными резными фигурками святых и несколькими сценами, смысл которых уже был утрачен за давностью событий. Мес вежливо и троекратно постучал, но ответа не услышал. Тогда он вошел и оказался в небольшой передней. В углу стоял посох. Под деревянную скамью были задвинуты простые истрепанные сандалии. На гвоздике висел терновый венец. Вешалку украшал старый грязный хитон, весь в подозрительных пятнах. Мес толкнул еще одну дверь.

Тут его встретил некий Рафаэль Гольбах – с ним Мес никогда не встречался, но много о нем слышал. Этот Рафаэль Гольбах молча обрызгал Меса какой-то холодной и обильной водой, толкнул к следующей двери.

Там Меса принял небезызвестный Габриэль Катабан, с брезгливой миной щепотью зачем-то прочертил перед и над ним воздух, направил далее.

В большой комнате Мес снова увидел Жиро, одетого теперь уже в торжественные одежды.

– Войди, – провозгласил тот, – и пройди меж этих двух священных горящих светильников.

И действительно, посреди залы стояли два треножника, на конце которых горел огонь. Мес пожал плечами и прошел между ними. Жиро приблизился к нему.

– Он сейчас отдыхает, – вполголоса произнес он, наклонившись к уху Меса.

– Так он все-таки здесь?

– Да. Он здесь. Сейчас он отдыхает. Скоро ему вновь придется идти на Великую Лысину. Он набирается сил.

Из-за закрытой (очередной, как думалось Месу) двери – золотой, с вкрапленными сапфирами, – донесся приглушенный голос:

– Кто там, Михаил?

Жиро встрепенулся, полуобернулся к двери, как будто собираясь бежать на зов.

– Пусть входит, Михаил, пусть входит, – послышался тот же голос.

Жиро как-то по-новому, оценивающе посмотрел на Меса.

– Иди, – сказал он. – Он призывает тебя.

– Какая честь! – проворчал Мес и – вошел.

Я думал, что, увидев его, погибну от последствий несдерживаемой нервной трясушки, вызванной невыносимым гневом. Но вот он, сидит передо мной, – и ничего. Он не встретил меня подобием золотого деспота или немощного нищего. Не держал меня в передней, не давил великолепием покоев. Он – не царь, не рекс. Просто – он. И Мес сразу же узнал его имя – Хесус Гассенди-Кларендон. Высокий светловолосый человек с негустой бородкой, упершись в подбородок рукой, сидел боком к нему и писал перстом по полу. Мес кашлянул, тот вздрогнул и поднялся, улыбка озарила его лицо.

– Как я рад, что это ты! – воскликнул он. – Да, это мое имя на сегодняшний день. Вчера оно было другим, а завтра будет третьим. Не правда ли, смешно? К этой странности я и сам никак не могу привыкнуть. Как я рад тебя видеть! Меня ведь никто не навещает, спасибо, мои слуги бегают туда-сюда и хоть как-то доносят мне о ваших быстро сменяющихся новостях. Но ты хитер! Будете искать меня и не найдете, и где буду я, туда не сможете придти. Но ты пришел. Ну ладно. Видишь ли, я знаю, почему ты здесь, когда даже ты сам толком этого не понимаешь. И я ведь что-то могу. За продолжительное это время я научился в каждом распознавать его нужду, а в тебе нужд таких много. Я отру тебе всякую слезу. Компании здесь никакой, ну какая здесь компания? Таких острословов, как вы, можно найти только там, на Земле, но я же не могу перенести сроки своего прихода лишь из-за того, чтобы послушать парочку анекдотов, точно? Как там было: «Лопата в

руке моей, и буду я очищать гумно...» тра-та-та... «...а солому сожгу огнем». Как ты меня нашел? Неважно. Часто приходилось слышать: «Боже! Не промолчи, не безмолвствуй, и не оставайся в покое, Боже! Ибо вот, враги твои шумят, и ненавидящие тебя подняли голову. Против народа твоего составили коварный умысел, и совещаются против хранимых тобою. Сговорились единодушно, заключили против тебя союз. Боже мой, да будут они как пыль в вихре, как солома перед ветром». Не огонь надобен, но вода. Есть ли между суетными богами языческими производящие дождь? А кто будет пить мою воду, которую дам ему, не будет жаждать вовек. Там часто устраивают аутодафе? Кстати, я тут читал книжку одну, затерялась, ну ладно, так вот, ее тоже неплохо бы сжечь. А почему ты не стал Архонтом? Знаешь, ведь мы не могли тогда найти тебя, ты ведь такой забулдыга и упрямец: «Нет, буду исполнять и длить свое Ремесло!» Люблю упрямцев, ибо они внидут в царствие небесное. Да, я тут отыскал недавно самый верный путь общения с моим отцом, но он, оказывается, спит. Представляешь, он, оказывается, спящий! Ну это надо же! А я сколько бился, и все впустую. Эхе-хе, Господи! Оставлен есмь. Ничего, обойдусь без него. Скажи, а там меня по-прежнему любят и чтят? Я ведь люблю его, этот милый маленький мирок, помнишь те незабываемые ночки, и костры, и факелы? А сказочку про сеятеля помнишь? Она восхитительна. И принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. Я тут много думал, и знаешь: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. Здесь терпение и вера пророков. Я одного боюсь – забвения. Недавно тут пришел один, а я спрашиваю его: откуда ты пришел? А он мне говорит: я ходил по земле, и обошел ее. Сила красивой фразы. Кстати: кто соблазнит одного из малых сих, тому лучше бы, если бы повесили ему на шею жернов и бросили его в море. Шучу. А вообще удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели кому-нибудь достичь меня. Но видишь эти великие здания? Все это будет когда-нибудь разрушено, так что не останется здесь камня на камне, и другой придет сюда. Но пока я в силе и – дай, приму проказу с тебя. Но ты не хочешь. Знай, никто не в силах исцелить проказу и паршу, а только сила чистой души. Я многое пережил и такова моя участь: снова и снова переживать то же. Но и участь мира такова, чтобы я терпел за него. Вначале было это забавно, но никакая забава не может кончаться так, ка-

ково кончилась моя. Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло. Легко и смеясь я взял на себя крест свой. Но плачу и горюю и приношу жертву сейчас. А вы горечь гефсиманскую объясняете хандрой и несварением желудка, неверы! Как твое имя? Легион! Заступницу мудрую обижали, а себя при этом не обижали ли? Ладно. Я всегда не в духе перед мукой. Ты тоже пастырь, ты поймешь. А внутри спрашиваешь себя все равно: что есть истина? Несчастный! Осталось только руки умыть, чтобы окончательно походить на так же колебавшегося. Думаешь – вот, пустосвят глаголит! Однако же и пустые слова родят отклик, а тем более слова острые, как меч, из уст выходящий. Не убивать вас хотел, но жить в мире. Не суд вершить, но жить в мире. Не казнить, но миловать, ибо силен. А вы, язычники? Горе вам! Осла боитесь? Но оседлал уже его сын человеческий однажды, к земле пригнетая. Знайте, до сего момента я был милосерд. А овцы мои? Больны. Наги. Горды. Бедное стадо моих овец заблудших. А я даже не знаю, кто отец мой, а он не знает, кто сын его, которому все предано им. И свет, который во мне, не есть ли тьма? Бог стал в сонме богов, среди богов произнес суд. Доколе будете вы судить несправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте путь бедному и сироте, угнетенному и нищему оказывайте справедливость. Избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из руки нечестивых. Не знают, не понимают, во тьме ходят; все основания земли колеблются. Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы. Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей. Некому сказать мне все, ибо уподобился свече на высоком подсвечнике, и свет ее виден, но недоступен для ближних. Но он ли тьма? Я думаю, видишь, я мыслю, хоть и называешь ты меня про себя «рака». Но и безумным можешь назвать. Я же – всего лишь хлеб, которым насытится жизнь мира. А вы воду хотите пролить, а хлеб бросить на поправление скотам. Лазари, идите вон. Ибо мертвы. Одни говорят про меня: он добр, и другие, что я оболещаю народ. Ни так и ни так, стадо! А иначе. Маловерные, зачем они усомнились? Но знаю, знаю: человек имеет мысли двоящиеся, а такой человек не тверд во всех путях своих. Вот и пролагаю путь его, хоть собственный мой путь есть *via dolorosa*. Ладно, что делаешь, делай скорее. Уже время.

И они пошли и вышли из дома, и пошли в мир Хесуса Гассенди-Кларендона. И взошли на гору: Мес – молча, Кла-

рендон – с благословением на устах. Внизу, у подножия горы, волновалось и дышало огромное множество народу.

– Откуда у тебя здесь огромное множество народу? – спросил Мес

И услышал:

– Здесь у меня очищаются те, кому недоставало веры. Здесь у меня лимб. А им я должен постоянно показывать чудеса, точно ярмарочный фигляр, ибо не будет чудес, и не поверит человек словам моим. А мне нужно, очень нужно, чтобы они верили.

Притащили огромные чаны, наполненные водой. И Кларендон сделал так, что вода превратилась в вино. И люди бросились к чанам и стали жадно пить. И принесли хлеба и рыбы, и он сделал из них тысячи хлебов и рыб. И народ чавкал и глумился над ним, называя его ярмарочным фигляром. Мес и Кларендон переглянулись: первый – с изумлением, второй – с горькой усмешкой.

– Когда-нибудь, может, они поверят, – сказал он.

Потом они сошли с горы и пошли к морю, и за ними следовало множество народа. Кларендон ступил на воду. Вода прогнулась под его стопой и покрыла ее, но потом отступила, и он встал на воде, и пошел. И народ смотрел на это, и не верил, и называл его ярмарочным шарлатаном. И по возвращении сказал Кларендон Месу с горечью:

– Это место называется Назарет. И нет здесь чудес.

И подошли к нему двое – женщина и мужчина. И, исполнившись злобы, убил он одну и вселил глухих и немых бесов в другого. И пали они наземь.

Но и этому не верили люди, и насмехались над ним.

– Ладно, – обреченно сказал Кларендон, увидев это. – Значит, на Голгофу.

– А суда не будет? – спросил Мес

– Суд уже был, и приговор уже вынесен. Теперь – только наказание.

И так оно и было.

1. И пошли они, Магнус Мес и Хесус Гассенди-Кларендон, в дом последнего. Здесь стоял большой крест, сделанный из грубых неструганных тесин. И он взвалил его себе на плечи, и изрек: ф-фу, как мне это осточертело! И он шел, и нес свой крест.

2. И по дороге встретили некоего Симона, и сего он попросил понести свой крест. И отвечал Симон: ты, достал ты

меня уже; давай сам тащи. И он ответил ему на это: и поташу; умный ты больно стал. И с сими словами нес далее.

3. И сказал ему Мес: давай, немного помогу тебе. И, ухватив крест за комель, помогал нести его. И шли так. И сказал он: если б ты знал, как меня это все доканало! И отвечал Мес: да уж.

4. И, дошедши до холма, Голгофой называемого, распяли здесь его.

Приколоченный к кресту, Хесус Гассенди-Кларендон сказал с его высоты Месу:

– Тебе хорошо, а я снова буду изнывать на кресте. Если хочешь досмотреть до конца, подожди три дня. К тому времени я воскресну, и мы снова встретимся.

– А чем мне заняться пока?

– Возьми там в доме книжки, почитай. Еда в холодильнике, ужин на плите.

Мес собрался идти.

– Да, вот еще что, Мес.

– Что?

– Там в одной книжке закладка. Ты ее не потеряй, а то я потом место не найду.

– Ладно.

5. И сказал он стражникам, распявшим его: воды, что ли, давайте или уксусу. Что у вас там есть? И дали ему уксусу, и пил он. И сказал потом: уф! ну, совершилось.

6. И умер.

7. И увидели его они уже умершим, и проткнули копьём ему ребра, и исшла кровь и вода.

Мес на похоронах не присутствовал, тем более, что им полагалось быть тайными. Он пил, ел, бродил по дому, читал Кларендоновы книжки, играл с Жиро в шашки. На третий день, во время розыгрыша очередной партии Жиро вдруг насторожился, пробормотал:

– Все, ожил, – и унесся на своих крыльях.

Через несколько часов он появился вместе с Кларендоном. Тот был донельзя уставшим и обессиленным. Первым делом он спросил Меса:

– Не скучал?

– Нет. Книга твоя там. Закладки я не трогал.

– А! Хорошо. Ну, давайте есть. Голоден ужасно.

Ели.

Поев, Мес спросил:

– Когда в следующий раз пойдешь? Кларендон с гадливой гримасой перестал жевать.

– Где-то через неделю, – прожевав, ответил. – Когда грехов в мире накопится. И потом, набрать здоровья я должен? Или прикажешь страдать в ущерб организму?

– Да нет, нет, что ты! Делай как надо. Я ведь все понимаю. Не басурман какой.

– То-то.

Мес гостил у Кларендона две недели. За это время он присутствовал еще на двух распятиях и в обоих случаях помогал Кларендону нести крест. И хотя ритуал повторялся вплоть до мельчайших подробностей, Месу каждый раз все было внове. Он не уставал смотреть. Но, наконец, пришла и та пора, когда он понял, что загостился. Ни Кларендон, который сменил уже бездну имен и назывался теперь Луций Домиций Валла, ни Жиро, ни Катабан, ни тем более Гольбах не намекали ему на его скорейшее отбытие, – он сам так решил.

Мес пришел к нему, когда тот читал, и, немного помявшись, сказал:

– Ты знаешь, я, пожалуй, пойду.

– Да ты что! – всполошился Валла. – Куда это? Тебе что, не нравится у нас?

– Да нет, все нормально, спасибо... Пойду.

– Хорошо, – вдруг отступил тот. – Но... ты заходи. Ладно? А то... скучно здесь у нас Заходи, хорошо?

– Хорошо, – сказал Мес.

С Жиро он попрощался за руку.

Хор

Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов над Аркадией многовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышноволосяя нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
Время пришло, – и свершилось решенье великого Зевса:
Сын родился у богини, – ловкач, изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрав, сновидений вожатый, разбойник,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
Им был убит многоокий чудовищный Аргос мохнатый,

Что стал на страже у Ио улыбкалюбивой стеною прекрепкой.
Ловко Гермес усыпил его измыслинным хитро рассказом,
Как козлоногий бог Пан полюбил вдруг прекрасную нимфу Сирингу.
Нежной игрой на свирели сын Зевса заставил закрыться
Аргосовы зоркие жгучие очи, которыми был тот усеян.
Остробулатным мечом пронзен был в мгновение Аргос,
Ио ж, вконец притомясь, получила неожиданно свободу.
Так вот Гермес приобрел и прозвание – Аргоубийца:
Аргоса вдоль разрубил и героем вовек он вознесся.
Подвигов много Гермес совершил повеленьями Зевса-владыки.
Благодный вестник богов, над Аркадией многовечной
И над Килленою царствует он, всех богов воспевая, –
Как и когда родились, и какой кому жребий достался.
Первого между богами он славит злословного Мома,
Яда, насмешки, иронии едкого, хитрого бога.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился.
Подвиги дивные их сладкоголосый Гермес превозносит,
Что Аполлона-Дельфийца слова и щедрость похвалы.
Огненноokie львы, белоклыкие вепри, собаки,
Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, –
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса.
Быть лишь ему одному посланном безупречным к Анду.
Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит изрядно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.
Славься вовеки Гермес, златоногий земли искупитель.
Песнь среброзвонкую славы тебе я фанфарой пою.

Омега

Свиное послеполуденное солнце обильно плескало горячим белым маслом своих лучей на шипящую раскаленную сковороду плато. В мареве зыбкого воздуха, в задохнувшихся воплях сверчков и цикад, уползших в черные норы трещин, под выгоревшей от жаркого пота Земли футболкой неба брела, спотыкаясь, хрупкая фигурка, и склонные в этот день к злым шалостям миражи насмешливо глумились над ее формами, причудливо размывая и искажая их.

Арелле хотелось пить. Но хуже этого, горше этого было чувство, которое испытываешь обычно во сне, – ощущение тяготящего обмана, лжи, добычей которого стал и от последствий которого не избавиться.

Она плохо сознавала, что находится посреди прокаленной солнцем каменной пустыни, не понимала, что оказаться здесь в такое время означает верную смерть. Просто бредя куда глаза, застилаемые едким потом, глядят, она даже не смотрела по

сторонам. Так, не глядя, она прошла сначала мимо виднеющейся невдалеке в лощинке куши зеленых деревц. Потом – мимо темного лаза пещеры, могущей дать хоть какую-то тень. Жезл, данный ей Месом, бессильно болтался в ее руке, чуть ли не волочась по земле. Назойливые миражи сновали вокруг бывшей жрицы Омфала.

До обширной полосы приветливых оазисов, лежащей как раз перед ней, были еще сутки пути.

Один раз она остановилась и изумленно, будто только сейчас увидев, посмотрела на жезл в своей руке. Вялым, отмахивающимся движением она воткнула его в трещину и двинулась дальше. Двинулась дальше, даже не увидев, что за спиной ее начал расти и вырос огромный густотенистый лавр, возле корней которого заструился прохладный родник. Вскоре она исчезла из виду.

Мес в своем дворце поднял голову. Он услышал голос Кадудея и все понял. Но овладевшая им апатия переборола его. Целый день он без движения лежал на своей кровати, видя, как постепенно заходит солнце его мира. Он оброс щетиной и сильно похудел. Кожа его на лице почернела и стала смахивать на пергамент. Волосы отросли и поседели. Время течет по-разному в разных мирах. В мире Кларендона оно текло быстро, быстрее, чем в других. Мир Меса с его торжественными закатами и басовитым гулом лесов, тянущихся до самого горизонта, обладал неспешным течением времени и тем был удобен: здесь хорошо было пережить потрясения и трудности. Но сейчас пережить означало подвергнуть себя опасности остаться в неведении, а нет хуже этой беды. Он помнил смутно, что за это время к нему навевывался Пиль, постоял у постели, цокнул языком, пропал. Потом... невозможно... нет... Мириам, глядевшая печально и сострадательно?

Мыслить он не перестал. Но это были смутные, будто закутанные в вату мысли, отклик которых еле доходил до его сознания. Но одна крутилась меж извилин постоянно, внося беспокойство своею докукой. Эта мысль была – о Гогна. И, очнувшись, медленно приходя в себя, он поймал себя на том, что мелко трясет головой, стремясь освободиться от назойливой мысли. Это не удавалось. Но в себя он пришел. Он увидел, что, одетый, лежит на кровати, а лучик взошедшей за окном луны вырывает из окружающей темноты его обутую в башмак ногу, налепившиеся на подошву комья грязи... и где

это я так извоzilся?.. грязь мира... грязь мира Хесуса Гассенди-Кларендона.

Он вспомнил.

Когда он встал под душ, вода, казалось, смыла не только грязь его тела, но и прополоскала все внутри, промыла мозг, и мысли освободились от окутывающей их грязной ваты. Они застучали внутри черепа, словно звонкие горошины, и он сжал голову руками. Струи воды хлестали по нему, будто во время тропического муссона. Зачем приходил Пиль? Надо что-то делать. Сутки! Зачем приходил Пиль?

Кадуцей. Арелла.

Сначала он решил вернуться за своим жезлом, но лавр сообщил, что ему хорошо, что никогда не было ему так хорошо, как сейчас. Ты, пожалуйста, не трогай меня. Ладно, сказал Мес.

И сейчас же приказ настиг его. Приказ безмолвный, но гласящий, всепроникающий, но ограниченный, неотвергаемый, но спорный, неопиcуемый, но наглядный, неповторяемый, но настырный, неизреченный, но реченный, безвременный, но последний. На свою *via dolorosa* вступал Мес.

Пока он брился, стало ясно, что события за эти сутки не стояли на месте. Сутех чуть не застал Бакста в его мире, и испуганный Бакст бежал под защиту Ирид. Малларме, как водится, тут же куда-то исчез. Прочие, словно животные, которым грозит опасность, затаились в своих мирах. На Земле не осталось никого, кроме Сета и Пилия, свыкшегося по своей привычке где-то в городах. Даже Ховен и Кебес, наконец-то почуявшие опасность, не показывались. Сет стал полномочным владыкой Земли.

Рука Меса дрогнула, и он порезал себе щеку.

– Отлично, – сказал он, и голос его тоже дрогнул. – Не всегда же ведать, что творить.

Он решил облечься в самые роскошные свои одежды и долго перебирал камзолы и хламиды в своих шкафах. Потом это ему надоело, и он решил пойти в чем есть. Был – в зеленой майке с изображением кукушки, выскакивающей из часов, и надписью «Кукушка спит, а время идет!», черных штанах и грубых крестьянских башмаках с полопавшимися шнурками. Эх, кадуцей не достает!..

Спустившись вниз, он отомкнул ключом запретную дверь и вошел в черную с зеркалами комнату. Надежно запер дверь

за собой и подошел к крайнему слева зеркалу. Свеча еле мерцала перед ним.

– Великие Спящие, – произнес он запинаясь, – Видящие Странные Сны, примите мою протянутую руку! Впустите меня! Откройте свой последний скорбный путь!

Он помедлил, оглянулся, а потом вошел в зеркало. Мертвые были перед ним. Жужжащая невнятно толпа смолкла при его появлении.

– Привет, – не раздумывая произнес он. – Ну что, пошли!

– Куда это? – раздался вдумчивый голос.

– За мной, – сухо ответил Мес.

И он повел их. Ему было действительно трудно без кадуцея, чье мудрое и священное древо немало споспешествовало ему на путях водительства живых и мертвых. Но он мог обходиться и без него, хотя трудно это было, непривычно, тоскливо и неприятно.

Он оглянулся, чего раньше никогда не позволял себе, и увидел, что мертвых не прибавляется. Но заметил среди них Снофру. Жрец покорно следовал за ним, и взгляд его был пуст.

Вот и показались уже вдали арки Входов. Скоро подошли к ним. Человек в джинсах уже сидел перед тихим сонным ручейком, и, часто затыгиваясь, курил вонючую самокрутку.

– Ну, наконец-то! – хрипло приветствовал он Меса, как всегда ни словом не обласкав ведомых им. – А я уж заждался... Эй, вы, давайте все под правую арку!

Мертвые, поколебавшись (все как обычно) начали переходить Порог. Человек взглянул искоса на молчащего Меса, как бы вскользь спросил:

– Ты чего это? Молчим, а?

Мес кивнул.

– Что-то не так. Ты сегодня какой-то не такой.

– Да, – ответил Мес.

– Так. А почленораздельнее ничего не будет.

– Да, все не так. И я какой-то не такой сегодня.

Человек глубоко задумался над этими словами.

– Я... – начал он, но Мес внезапно резко поднял руку, прервав его. Что это? Я не ошибся? Или только что оттуда, из-под арки левого Входа, до меня донеслось нечто? А что там? Там, за Порогом? Хаос, говорят многие, и я в том числе. Отец Хаос. Отец? Так это он зовет меня? Или... к чему-то принуждает? Мимо прошел Снофру, последний из мертвых, и ушел во

тьму. Но я хотел поговорить с ним! Опять. Опять это. Зовет. Или... приказывает?

Раздался треск, и неподалеку показался Ховен. Он находился в горизонтальном положении, с закрытыми глазами, но кровати под ним не было. Под ним вообще ничего не было. Он лежал в воздухе.

– Я сплю, – подумал Ховен, и они услышали его. Ховен внезапно сел, но глаза его оставались закрытыми.

– Что это? – подумал он.

– Ты уже здесь, – сказал Мес.

Ховен открыл глаза – и с шумом свалился наземь. Недоумевающе он осмотрелся.

– Что это? – растерянно повторил он.

Снова треск, и возник Кебес. Этот будто восседал на своем любимом троне, но его, как и следовало ожидать, под ним не было. Секунду он хлопал глазами, а потом также брякнулся оземь.

Треск – явление доктора Гутьеррес. Она переминалась с ноги на ногу, сжав руки, и смотрела во тьму Входа.

– А, уже знаю! – радостно перемолол словами паузу человек в джинсах. – Сейчас зайвится...

Новый треск перемолол уже его слова, но догадка оказалась верной. Это явился Сутех. Не в пример прочим, растерянным он не выглядел. Он был хмур и насторожен.

– Мес! – узнал он. – Тогда ничего объяснять не надо!

– Почему же? – пожал плечами Мес – Я и сам ничего не понимаю.

На лице Сутеха отразилось подозрение.

– Как это? Тогда что происходит?

– Это исходит оттуда, – кивнул Мес на темную арку позади. – Даже я не смог бы вас вызвать сюда. То, что таится за аркой, позвало вас.

Наверное, впервые за века их общения слова Меса достигли разума Сутеха. Он понял.

– Но там же Хаос! – Это был вопль, в котором смешались вместе разочарование и отчаяние.

– Возможно, – сказал Мес, – он не желает, чтобы мир был свергнут во тьму. Хаос не желает поглощать мир, потому что тогда не будет и его, – все сольется в один непрерывный водоворот, и не будет ни Космоса, ни Хаоса.

Незримое вновь исшло из тьмы. Зашевелился Ховен.

– Но я еще многого не сделал! – заревел он, делая первый шаг, и этот шаг был – ко Входу. — Нет! – завопил он, делая второй шаг.

– Закричал Кебес – его тоже повлекло к Порогу, и он тоже был не в силах противиться.

– Мес! – забормотала Юфина Эдмонда Гутьеррес, протягивая руки к нему. – Помоги. Помоги мне. Остаться.

Но тот тоже не знал что делать. Он просто стоял и смотрел. Его самого не требовал к себе Вход, и он не знал, что и думать. Он был озадачен.

Первые двое, кого позвала к себе Великая Бесформенность, были уже у самого Входа. В последний раз Ховен через силу обернулся, лицо его было страшно искажено. Потом они пропали во тьме. Через минуту исчезла и доктор Гутьеррес, все еще что-то бормочущая.

Остались лишь Сутех, Мес и человек в джинсах, бесстрашный и мрачный. Сутех метнулся к Месу и схватил его за плечи.

– Послушай, – быстро оглядываясь, заговорил он. – Послушай, давай уйдем отсюда, – его тон стал заискивающим. – Это ведь добром не кончится. Давай тихо, спокойно уйдем.

Мес покачал головой.

– Нет, Сет, – сказал он. – Отсюда нет выхода. Я не смогу ни уйти отсюда сам, ни вывести тебя.

– А он? – показал Сет на человека.

– И он тоже не сможет, – ответил Мес

– Не, я не смогу, – подтвердили его слова джинсы. – Я и сам-то теперь не знаю, как уберусь отсюда.

Сутех отбежал от них и начал метаться из стороны в сторону.

– Но должен же выход существовать! – завопил он в отчаянии.

– Он существует, – в один голос сказали Мес и человек в джинсах.

– Где же он?

– Вот, – показал Мес себе за спину. – Это и Выход, и Вход.

– Но там нет ничего!

– Там есть все. И ничего.

– А-а! – свирепо и беспомощно закричал Сутех, когда и его потащило за Порог. – Мес, держи меня!

– Я не могу, Сет, – ответил Мес, отворачиваясь от него.

Сета, извивающегося, борющегося изо всех сил, буквально протасило через все пространство до Входа. Он попытался ухватиться за край его, но это вызвало новый вопль: у Входа не было твердых краев, за которые можно было бы ухватиться, и рука Сета схватила пустоту. В следующее мгновение в арке уже никого не было.

Состояние полной опустошенности. Мес привалился к своему соседу, и тот поддержал его.

– Наберись сил. Еще не все.

Мес выпрямился. Безволие уже отпустило его. Он взглянул на того и твердо сказал:

– Я тоже пойду. Прощай, Харон!

Тот посмотрел на него с изумлением, но потом несколько раз кивнул и протянул руку.

– Я буду скучать, – сказал он. – Сильно скучать. До скорого, Киллений.

Они пожали руки друг другу, и Мес перешагнул через ручеек. И услышал за своей спиной треск. Оглянувшись, он увидел, что на одинаковом расстоянии друг от друга стоят Штумпф и Браганса. Последний бросился к Месу и закричал:

– Не уходи! Дай мне руку, чтобы я мог вытащить тебя!

И за его спиной неподвижно стоящий Штумпф, уже не дергающийся в непрерывной лихорадке, не юлящий от нетерпения, улыбнулся и покачал головой:

– Иди, Гермес.

Мес улыбнулся ему в ответ. Браганса вскрикнул. Было видно, как он хочет броситься к Месу, удержать его.

Но Мес уже отворачивался от них. Напоследок он увидел, как Харон поклонился ему. Услышал крик Брагансы «Нет!» и слова Штумпфа «Иди!». Увидел перед собой неотвратимость Входа.

И уже перед тем, как сделать последний шаг, ввергающий его в неизвестность и темь, таящие в себе столько странных догадок, он сказал себе: «Человек – это вера!»

И шагнул. Шагнул.

Александр Писанко

Кривые зеркала пустыни...

Фантастическая повесть

...Они уже несколько суток шли по какому-то огромному, удивительно ровному, уходящему в бескрайнюю даль полю. Спереди и сзади их окружали странные лепестки гигантских цветов невообразимых, фантастических расцветок. Но вдруг все помутнело, вздулось красными пузырями, забурлило кровавой пеной – и они неожиданно ступили своими неимоверно тяжелыми подошвами старинных допотопных сапог на зыбкий сухой песок. По бокам враз возникшей пустыни тотчас выросли будто из-под земли причудливые, высокие, словно стволы столетних деревьев, зеркально-белые пластины. А в них – четкие, вытянутые до облаков отражения. И это были они. Только обезображенные, страшные. Будто искаженные специально чьей-то умелой и жестокой рукой. Пальцы-щупальца этих ужасных гигантов судорожно дернулись, извилились в угрожающей пляске, затем резко вытянулись и – вышли наружу, за полотно этих странных зеркал. На секунду замерли, будто высматривая свои жертвы, затем рывком ринулись вперед, навстречу изнеможенным путникам – и тотчас сорвали с них кислородные маски... Ленц истерично завопил, бросился назад, принялся рьяно отбиваться от извивающихся перед его перекошенным от панического ужаса лицом змееподобных рук. Но вдруг споткнулся и упал. К горлу сразу же подкатил тошнотворный зуд – он почувствовал удушье; воздуху оставалось все меньше и меньше, и сознание вот-вот собралось покинуть его и... и тут он проснулся.

Ленц еще не успел продрать глаза и окончательно сбросить с себя путы кошмарного сна, как раздался сильный, ог-

лушительный грохот, – сфероуплотнительная стена завибрировала, помутнела и... растворилась в пугающей бездне огромного черного пространства. Искрящиеся завихрастые змейки далеких звездных туманностей тотчас вспыхнули, враз приблизились, но затем так же стремительно отступили назад и замерли вдалеке, плотно прикрыв своим серебристо-мерцающим покрывалом безмерную пропасть холодного равнодушного пространства.

Однако Ленц все же каким-то чудом успел включить индивидуальную защиту – и ему не суждено было обжечься смертельной стужей открытого космоса.

– Т-фу, ты б... будь оно неладно! – зло выругался он и непроизвольным движением руки попытался стереть маленькие бисеринки пота, вдруг выступившие на лбу, как только его ошеломленный мозг окончательно осознал, что находился всего на какой-то мизерный волосок от неминуемой гибели. Но встретив гладко-твердый невидимый щит спрессованного гиперполя в двух сантиметрах от своего тела, опять что-то буркнул – но уже без раздражения, а устало и, скорее всего, машинально, по инерции; потом дотянулся чуть потяжелевшей рукой до слабо светящихся разноцветных точек на груди своего невидимого скафандра и легонько ткнул пальцем одну из них. А когда почувствовал освежающую прохладу на бледном, закаменелом лице, облегченно вздохнул и устало откинулся на спинку своего удобно облегающего тело штурманского кресла.

Автоматы сработали четко. Через двадцать секунд огромная пробоина во внешнем корпусе грузового галактического лайнера была задраена. Давление в отсеке восстановилось, и все приборы показывали норму. Однако Ленц не спешил убирать с себя полеоскафандр. Он снова тщательно осмотрел все показатели жизнеобеспечивающих систем – и опять не нашел ничего подозрительного.

Космолетчик встал, задумчиво поджал губы, монотонно покачался на носках и пятках, затем подошел к только что восстановленному борту звездолета, осторожно провел своей заскорузлой ладошкой по его новенькой шероховатой поверхности – и вдруг понял в чем сомневался. Сразу же после метеоритной атаки у него должна была автоматически включиться индивидуальная защитная система. Но этого не произошло. Почему? Почему полеоскафандр не включился?!

Ленц вновь с утроенным вниманием оглядел панель датчиков – и снова не уловил никаких отклонений. Потом подошел к своему пульта, сел напротив, закинул голову назад и, прикрыв глаза, задумался; после повернулся к соседнему пустующему креслу, печально посмотрел на его воздушно-мягкое пенометаллическое сидение, вздохнул и тихо пробубнил себе под нос:

– Извини, Андрей, но придется тебя будить...

Через час его единственный сотоварищ по галактрейсу, а по уставу – пилот-командир грузотехнического звездолета из серии галактических суперлайнеров гиперпространственного хода, вышел из восстановительного блока реабилитации довольно-таки свежим и, казалось, даже чуть помолодевшим. Время, проведенное в анабиоз-блоке, давало, как правило, только положительные результаты.

Он подошел своей обычной, слегка раскачивающейся походкой к экран-камере центрального головизора и, заполнив раскрасневшимися от ионного душа лицом чуть ли ни половину его огромного выпуклого поля, – во всю переднюю перегородку штурманской рубки, – хрипло, с недовольной миной, обронил:

– Ну что там у тебя стряслось?

– Иди сюда, здесь все и объясню. – И перед тем, как выключить головизор, хмуро добавил, словно только сейчас вспомнив: – Да, не забудь подсоединиться к своему полеоскафандру...

Уже на потухающем экране можно было отчетливо заметить, как у командира слегка взметнулись от удивления брови.

– Ну что там у тебя?.. – повторил он две минуты спустя, усаживаясь в свое кресло и бегло оглядывая помигивающие датчики.

– Во-первых, здравствуй, – буркнул Ленц. Тот усмехнулся, кивнул и поинтересовался:

– А во-вторых?

– А во-вторых... – Он чуть помедлил, а затем, как бы нехотя, закончил: – А во-вторых, происходит какая-то чертовщина в контрольной механике.

– С чего ты взял? – Андрей внимательно посмотрел на своего товарища.

– Не сработала предохранительная система моего полеоскафандра.

– А почему она должна была сработать? – Голос командира обеспокоенно дрогнул.

– Потому что полтора часа тому назад этот борт, – Ленц с наигранным равнодушием кивнул на боковую стенку штурманской рубки, – соизволил испариться от неожиданной метеоритной атаки и на несколько секунд приоткрыл передо мною неизгладимые просторы космоса.

– Так какого же ты дьявола?! – взревел Андрей, вскакивая.

– Не горячись, патрон, – почти невозмутимо отреагировал Ленц; он взял Андрея за рукав, а точнее, за еле заметную защитную оболочку вокруг его руки, и легонько потянул обратно к креслу. – Не горячись. Садись и все спокойно выслушай... – Он шумно выдохнул и продолжил: – Я успел включить защитную систему вручную. Как мне удалось это сделать – ума не приложу. Главное, твой штурман жив и здоров, и поэтому эмоции и нотации – в сторону. И кроме того, – он лукаво зыркнул на своего помрачневшего командира, – ты, по-моему, наоборот должен вынести мне благодарность за мою, так сказать, сверхреакцию, и притом – с отметкой в личном коде. А не распекать почем зря...

– Ну-ну, – помотал головой тот, чуть смягчившись, – я тебя отблагодарю, погоди...

– Так вот, – не обращая на сарказм Андрея, продолжал Ленц уже серьезно, – материализация корпуса в области пробоины прошла без какой-либо запинки и задоринки, в минимальный срок. Однако... – Он сморщил лоб и запнулся.

– Что – однако?! – не вытерпел командир и нервно заерзал в кресле.

– Меня смущает одна деталь. – Ленц поднял на Андрея свои удивительно чистые светло-карие глаза.

– Отказ автоматики твоей индивидуальной защиты? – подсказал ему Андрей, не отводя своего встревоженного взгляда от глаз товарища. – Так это обычный сбой... И скорее всего – от метеоритного удара такой силы.

– Нет. – Ленц опустил голову. – Меня беспокоит совсем другое. Хотя сначала именно это сильно взбудоражило, что, кстати, и послужило основным толчком для твоего преждевременного пробуждения...

– Так что же? – Командир подался чуть вперед. Ленц снова глянул на Андрея, – но как-то виновато, пришибленно, – и тихо, через силу, проговорил, пытаясь объяснить:

– Тут или характер пробоины в корпусе, или... – И вдруг опять умолк, смущенно отворачиваясь в сторону.

Андрей несколько секунд смотрел на него не моргая, затем обреченно вздохнул, поджал губы, уткнулся себе под ноги, рьяно потер ладонями виски и, неожиданно резко вскинув голову, вновь спросил, но уже сердито, раздраженно:

– Что – или?

– Не знаю...

– Ну-у, братец! – Андрей вдруг улыбнулся и встал. – По моему, ты просто устал. Прими ионный душ – и все как рукой снимет!

– Нет! – Ленц нервно дернулся и прытко выскочил из недр своего роскошного кресла. – Я не устал! Тут что-то не так!..

– Тогда объясни! Объясни, в чем ты сомневаешься! – Командир начал, кажется, по-настоящему злиться. – Не говори загадками!.. Обрисуй, хотя бы, интуитивно, черт тебя побери!.. – Он немного помедлил и уже почти шутливо закончил: – Не бойся, кроме меня над тобой здесь некому смеяться.

Однако Ленц не принял шутки. Он не спеша прошелся по рубке, заложив руки за спину и уткнувшись в блестящую матово-холодную дорожку под ногами, потом остановился напротив командира, пристально посмотрел в его сторону, словно сомневаясь, – говорить или нет, – и вдруг одним духом выпалил:

– У меня такое ощущение, что нам кто-то помог заделать пробоину в корпусе! Ей-Богу!..

Андрей ошарашено глянул на Ленца, затем хрипло выдал:

– Ты чего несешь!..

А тот недоуменно развел в стороны руки, дернул плечами, приподнял свои белесые брови и взволнованно добавил:

– Убей меня, но я почти на все сто процентов уверен, что это именно так! – И вновь принялся колесить по рубке.

– А доказательства?.. – как можно спокойнее обронил командир.

Ленц на секунду остановился, вновь развел руками, буркнул:

– Увы, их у меня нет.

– Значит, все это бред! – четко подытожил Андрей; он приподнял левую бровь и подозрительно оглядел удаляющуюся спину своего штурмана.

– Нет! – упрямо кинул тот в ответ. – Нет и еще раз нет! Это не бред! Ни в коем случае!.. – И неожиданно, словно вдруг наткнувшись на какую-то невидимую стену, остановился на полшаге и недоуменно уставился куда-то в пространство. – Хотя постой... – Он живо прошагал к большому боковому пульта, быстро переключил там с десятка тумблеров, прошелся пальцами по многочисленным кнопкам и замер, уставившись на миниатюрный экран дисплея сверху, который сразу же засветился, замигал, а в следующий момент – на нем ярко отпечатался ряд каких-то цифр. – Вот, смотри! Разница в нескольких секундах!..

– Что за разница? – не понял Андрей.

– Наши автоматы не смогли бы залатать дыру за это время! Им понадобилось бы на две-три секунды больше...

Командир нахмурился, а затем тихо произнес:

– И все же это не аргумент. – Он встал, снова потер виски и, глядя себе под ноги, задумчиво, словно спрашивая себя, проговорил: – Возможно произошел сбой в кристаллозаписи?..

Ленц скривил губы и, казалось, не обращая никакого внимания на слова друга, невозмутимо продолжил:

И кроме того, мне кажется, что я не смог бы сам успеть включить свой полеоскафандр? – И вопросительно уставился на своего командира. А тот немного помолчал и неожиданно распорядился:

– Приказываю срочно связаться с Землей!

– По общему эфиру?

– Нет! По спецэффиру!

– Послушай, но для этого придется потратить черт знает сколько резервной энергии?.. – Недовольно спросил штурман.

– Придется! – Андрей плюхнулся камнем в свое командирское кресло и, решительно мотнув головой, бросил: – Немедленно включай гипер-блок Центральной связи!

– Есть! – коротко ответил Ленц и развернулся к широкой дугообразной панели со множеством разноцветных кнопочек, рычажков и тумблеров.

Вспыхнули и замигали многочисленные контроль-лампочки на главном пульте миг-связи, защелкали переключателями автоматы пробоя щели в континууме пространства-времени, надрывно зажужжали генераторы входа в гиперпространственную связь. Минут через пять Ленц деловито доложил:

– Есть прием автоматической настройки!

А еще через пару минут радостно воскликнул:

– Наш циркуляр принят! Связь установлена!..

Андрей удовлетворенно кивнул, затем небрежно накинул на шею биокристаллическую присоску ларингофона, тяжело вздохнул и, чуть повысив голос, несколько раз повторил:

– Центр, я – Галакт-28. Как слышите меня? Секунду спустя в рубке раздался встревоженный голос лунного диспетчера Центрального Пункта Гиперсвязи с галактическими кораблями Дальнего Космоса:

– Слышим хорошо. Здравствуйте... Что случилось?

– Здравствуйте, – облегченно выдохнул командир, помедлил и продолжил. – Есть подозрение, что у нас нарушена защитная пульсация в приборах внешней экранизации.

– Пассивная разгерметизация?

– Нет. Но пробой от метеоритной атаки был исправлен чуть раньше минимального срока.

– Не понимаю. – Голос недовольно дрогнул. – В чем конкретно выражается ваше опасение за судьбу корабля?

– Мне трудно объяснить. Тут, скорее, интуитивно...

– Минутку, – перебил его голос. – Включите маяк настройки объемной видеосвязи.

– Исполняю, – вновь тяжело вздыхая и предчувствуя добрый нагоняй, буркнул Андрей и включил боковой видеозэкран.

Через некоторое время он засветился, а затем заплясал радужными линиями. Секунду-другую понеистовствовал, будто разъяренный огонь в сверхжаркой доменной печи, но потом успокоился – и на нем сразу же появился человек в форме сотрудника Галактической Параслужбы. Его внимательные, чуть прищуренные глаза пробежали по лицам космолетчиков и заинтригованно замерли на экране.

– И что же у вас там такое экстравагантное приключилось? – спросил он неожиданно усталым, скрипучим голосом и, словно через силу, улыбнулся краешками своих тонких бледноватых губ.

Андрей мгновенно узнал его. Это был помощник начальника смены Центра Галактической Параслужбы по психоанализу Вадим Костров. Еще несколько лет назад он входил в десятку лучших рейсдрайверов галактофлота, был вторым пилотом в десантных развед-рейсах по периферийным зонам галактики. В одном из них получил тяжелую травму, был списан, и теперь вспомнив свое юношеское увлечение космиче-

ской психологией, напросился на службу в Центр экстренной галактопомощи. Чтоб хоть как-то быть связанным с Глубоким Космосом.

Андрей обрадовался такой удаче, он был знаком с ним лично и теперь надеялся, что тот не примет его за сумасшедшего и все поймет правильно. Он живо, без утайки, все выложил ему. Однако Кострова почему-то в первую очередь заинтересовал случай с полеоскафандром штурмана.

Он нахмурился, опустил глаза, потом покосился в сторону Ленца, наверное, с минуту напряженно рассматривал его, затем сказал:

– Надень-ка, парень, на голову сенсорограф, проверю твои рефлексы.

Ленц хотел было что-то возразить, возмутиться, но командир бросил на него строгий взгляд и тот, виновато опустив глаза, покорно исполнил приказ.

Через несколько минут Костров своим простуженным голосом сообщил:

– Да, этот бравый молодец действительно не успел бы без посторонней помощи включить свой полеоскафандр, – и, улыбнувшись, прибавил, – не иначе, как здесь без поддержки самого господ Бога не обошлось. – А в следующий момент уже вполне серьезно заключил, обескураживающе пожимая плечами: – Разрази меня гром – ничего не пойму!.. – И надолго умолк, подперев кулаком подбородок.

– Вадим, что нам делать? – не выдержав паузы, спросил Андрей.

Костров поднял голову, задумчиво посмотрел на замерших в тревожном ожидании космолетчиков и вдруг порывисто проговорил:

– Послушайте, может все же что-нибудь с контрольной автоматикой, а? Полеоскафандр включился автоматически, а монокристалл просто не отметил?..

– Да нет же! – неожиданно вспылил Ленц и что есть силы саданул своей огромной ручищей по подлокотнику кресла. – Я сам его включил!

– Все верно, Костров, – упавшим голосом подтвердил Андрей. – Я проверял – он сделал это сам.

– Да не мог он этого сделать! – зло выкрикнул человек с экрана. Однако вид у него был, скорее, растерянный, чем злой. – В общем так, примерно в двух-трех парсеках от вашего местонахождения имеется звезда с планетной системой. На

одной из них гравитация практически равна земной. Атмосфера кислородно-азотная. Советую сесть и сделать капитальный осмотр всех систем корабля.

– Планета исследована?

– Нет. Вернее, визуально была осмотрена, но так как не представляла особого интереса, была законсервирована.

– А вдруг там еще большая опасность подстерегает нас?

Костров улыбнулся и ответил:

– Эта планета совершенно безвредна, на ней когда-то побывал наш автоматический зонд. Садился в нескольких местах, и ничего, кроме кристаллов, там не нашел. Минутку... – Он исчез с экрана, затем вновь появился, держа в руке какие-то снимки. – Смотрите, это трехпространственные стереофотографии, сделанные с того автомата. – И вытянул вперед руку с одним из снимков, заполнив им весь экран.

На нем, чуть расплывчато, но в отчетливых, тональных красках был запечатлен универсальный зонд-разведчик внутригалактических систем.

– Но это же фотография обыкновенного автоматического зонда? – недоуменно проговорил Ленц и посмотрел на своего командира. Однако тот пожал плечами и ничего не ответил.

– Совершенно верно, – усмехаясь, подтвердил Костров. – Он сфотографировал сам себя. Вернее, свое отражение в одной из зеркально отшлифованных граней гигантского серебристо-черного кристалла, которых там, по-видимому, полно словно камней, как, собственно, и во всей Вселенной... Обратите внимание на надпись.

Андрей вытянул вперед шею, прищурил глаза и, наконец, удовлетворенно пробормотал:

– Верно, надпись сделана в зеркальном отражении.

– Значит, согласны? – убрав снимки в сторону, поинтересовался Костров и добавил, увидев на их лицах нерешительность: – Потеряете не больше трех-четырёх дней, но зато будете стопроцентно уверены, что корабль и жизнь ваша вне опасности. – Он помедлил, наблюдая за их реакцией, и продолжил: – И кроме того, данные кристаллы, как вы знаете, являются превосходным энергетическим материалом. Аннигилировав их, вы наверняка сможете компенсировать потраченное на посадку и взлет топливо. Вы практически ничего не теряете – только выигрываете. Не так ли?

– Хорошо, – чуть погодя мотнул головой командир. – Будем менять курс.

– Желаю удачи. – Человек на экране облегченно улыбнулся. – По прибытию на планету, доложите.

– Хорошо, – коротко бросил Андрей и отключил грависвязь.

Диск планеты медленно, как бы нехотя, выплывал из-за края огромного шарообразного экрана Центрального Видеобзора. Мерцающая звездная пустота, фосфоресцирующая серебряной россыпью бесчисленных галактик, постепенно заполняла своим тяжелым фоном все остальное пространство его воздушно-выпуклого тела.

Взору звездолетчиков открылась неопишуемая панорама чужой планетной системы, затерявшейся в бездонном чреве Далекого Космоса. Ее центральное светило относилось к разряду белых карликов, однако классифицировалась как двойная звезда, имея спутник с почти равной себе массой, и поэтому вращались они вокруг общего центра тяжести.

Спаренные звезды вдруг проворно вынырнули из-за противоположного округа экрана, образуя своеобразные светящиеся «гантели», и их яркой бледно-желтоватый свет тотчас ворвался в штурманскую рубку звездолета, больно полоснув по глазам космонавтов. Андрей и Ленц непроизвольно прикрылись руками и инстинктивно сощурились. Но уже в следующее мгновение биоавтоматика полеоскафандров затемнила верхнюю часть их невидимых шлемов, образуя своеобразное подобие солнцезащитных очков.

– Кажется, у места, – облегченно выдохнул Ленц.

– Кажется, – подтвердил командир, хмуро, с подозрением, оглядывая пульсирующие неоновым блеском датчики многочисленных приборов, фиксирующие правильность координат выхода из миг-пространства, а также герметичность корабля и исправность всех его жизнеобеспечивающих систем.

– Будем садиться сразу или выбросим разведзонд?

Командир помолчал немного, покусывая нижнюю губу, а затем ответил:

– Нет. Сделаем два контрольных витка. А там видно будет...

– Понято, – деловито отозвался Ленц и принялся проворно манипулировать руками и ногами у штурманского пульта, подготавливая корабль для спуска на орбиту искусственного спутника.

Атмосфера планеты была на редкость безоблачной, лишь кое-где просматривались еле заметные серовато-белые блики, и поэтому вся ее поверхность была как на ладони. Желто-красные плешины, переходящие иногда в бордово-коричневатые прослойки, заполняли почти все ее пространство, давая понять даже невооруженному глазу, что ландшафт планеты в основном ровный, без крутых гор и глубоких расщелин. Резко выделялись на этом нерадостном фоне лишь ее полюса, ярко блестящие небольшими белыми кругами, тем самым показывая свои довольно-таки скудные запасы влаги.

– Ну что? – Ленц оторвался от экрана и посмотрел на Андрея. – Второй виток подходит к концу...

– Садимся, – кивнул тот немного погодя и, ткнув рукой в самый центр экрана, добавил: – Вот сюда, на экватор, место, по-моему, подходящее.

– Лучше не найдешь, – тут же согласился с ним его коллега. Он живо пробежал пальцами по клавишам квазиэлектронного автопилота, задавая ему нужную программу автоматической посадки, и поудобнее уселся в своем мягком штурманском кресле.

Минуту спустя тела космонавтов были прочно прикованы невидимыми поле-ремнями к своим сидениям. Свободными оставались лишь руки. Командир немного поразмыслил, все так же усердно покусывая свою нижнюю губу, а затем резко выкинул руку вперед и надавил на одну из красных кнопок – корабль слегка трянуло, стены завибрировали, экраны многочисленных дисплеев враз погасли, но потом снова вспыхнули и заплясали вразнобой фейерверком разноцветных завихрастых линий; послышался нудный, неприятный свист – и в следующую секунду кресла под звездолетчиками резко пошли вниз.

Первым спрыгнул с подножки звездолета на грунт чужой планеты Ленц. Пузырчатый коричневато-желтый песок под ногами чуть вмялся, жалобно скрипнув, и оставил на своей зыбкой поверхности четкие, слегка затемненные отпечатки.

– А где же кристаллы? – спустившись следом, поинтересовался Андрей бесцветным, ровным голосом и, скорее, лишь для того, чтобы хоть что-то сказать.

Он безо всякого интереса осмотрелся вокруг, и на его лице сразу же застыла мрачная маска скуки и разочарования. И было отчего. До самого горизонта, во все четыре стороны,

разбегались невыразительные навалы красно-желтого песка, вызывая иллюзию огромных застывших волн на фоне какого-то странного пространства мертвого океана.

– Да, – наконец отозвался Ленц, – что-то никаких сверкающих камушков тут не видно... Доложить на Землю?

– Погоди. – Командир сморщился и сделал несколько осторожных шагов вперед, а затем уточнил: – Пока не надо. Незачем зря тратить энергию, достаточно и того, что дали автоциркуляр о своем прибытии сюда... к черту на кулички. – Вздохнул и прибавил: – Надо осмотреться, а там видно будет...

Через час возле звездолета, впритык к его правому борту, вырос небольшой дот-дом, сооруженный умелыми руками планетороботов, и космолетчики теперь могли спокойно работать и отдыхать вне звездолета, совершенно не опасаясь за свою жизнь на этой незнакомой и пока еще мало исследованной планете.

Ленц сразу же принялся с проворной деловитостью осматривать все предохранительные и защитные системы корабля. Прodelывал все это он, разумеется, не выходя из дот-дома, применяя надежнейший аппарат поиска неисправностей – субсенсорный дальномер. Андрей же взялся сравнивать отметки в долговременной памяти неокристаллов с показаниями аварийной записи каждого блока квазиэлектронного мозга звездолета. Пока все сходилось, отклонений не было. Так и закончился их первый день на чужой планете. Прошли без каких-либо приключений и неожиданных открытий вторые и третьи сутки.

Планета была спокойной. Лишь изредка налетал несильный ветерок и приносил с собой темное облако пыли, вмиг накрывавшее своим иссиние-желтым телом все вокруг. Однако бесстрастные и никогда не унывающие андроиды быстро справлялись со своими обязанностями – и через десять-пятнадцать минут корпус и иллюминаторы звездолета, а также окна их временного домика-крепости, как правило, очищались.

Появлялись иногда и небольшие коричневато-желтые столбцы-вихри, примерно – в несколько метров высотой. Но они были, скорее, украшением унылого ландшафта планеты, чем ее грозной силой, ибо не представляли никакой опасности даже для птицы, будь она здесь.

По вечерам, когда двойная звезда медленно уходила за горизонт, вырисовывая своими последними лучами недолговечную панораму причудливо-красочных свечений на бесчисленных песчаных валунах-изваяниях, они, не сговариваясь, присаживались к стеклобронированным окнам своего убежища и заворожено глазели на этот удивительный закат.

У Андрея было какое-то двойственное чувство. Его и радовала, – как бы успокаивала эта грандиозная игра света и красок, постепенно уводя все его взбудораженное воображение в какой-то ирреальный, потусторонний мир блаженства и домашнего уюта, – и одновременно почему-то наводила на тревожные, неестественные размышления. Ибо иногда ему казалось, что видит он перед собой не закат на далекой, чуждой ему планете, а ландшафт родного мира, вдруг, каким-то непонятным образом, потерявшим все свое неопишное, сказочное естество: голубизну неба и гор, синеву рек и озер, зелень леса и лугов, золотистый шепот нив и полей, иссинезумрудный блеск морей и океанов, а в итоге – бесконечный круговорот жизни и смерти. И тогда ему становилось нестерпимо жутко, жутко и боязно от всего этого. Он зажмурился, до боли стиснув зубы, и сидел так, молча и неподвижно, пока не проходило это непонятное наваждение.

Что-то похожее происходило и с Ленцем. И когда кто-нибудь из них замечал что-либо подобное со своим товарищем, то старался не мешать ему, ничего не говорить, ни о чем не спрашивать, а дать самому все спокойно осмыслить и не торопясь переварить. Чтобы в конечном итоге выйти из этого своеобразного шока неподкошенным, неразбитым – и душевно, и телесно. В Дальнем Космосе часто случались такие «сбои», особенно у людей, надолго оторванных от родной земли, от родного мира, и поэтому данное состояние было не каким-нибудь серьезным психоаномальным отклонением, а наоборот, считалось универсальным защитным рефлексом, неким уникальным оздоровительным сбросом ненужных стрессовых наслоений с уставшего, перегруженного впечатлениями сознания. Тем более, что такие явления наблюдались у людей еще задолго до их проникновения в космическое пространство.

Но было ли виденное здесь тем, что представлялось им как само собой разумеющееся? Как само собой состоявшееся? Они не задумывались об этом. И поэтому не считали нужным задевать данную тему.

На четвертые сутки пребывания космолетчиков на этой пустынной планете, Андрей, наконец, обнаружил небольшое расхождение в записях одного из вспомогательных блоков Центрального Квазимозга с показаниями побочной системы, вторично контролирующей выработку аварийного пластик-металла. И хотя разница была незначительная, все же отчетливо было видно – количество выработанной неометаллической пены никак не хватило бы для полной ликвидации аварии.

– И что ты на это скажешь, а? – обратился Андрей, скорее, к самому себе, чем к Ленцу, склонившемуся в напряженной позе над колонкой цифр на экране одного из дисплеев.

Штурман неопределенно дернул плечами, не спеша выпрямился и, прикрыв глаза, откинулся в кресле; потом тяжело вздохнул и устало, со злостью, отозвался:

– Черт его знает!

– Вот именно – черт. Без него тут, по-видимому, не обошлось.

– Ну, уж если сам командир так считает – я молчу. – Ленц деланно поджал губы и развел в стороны руки, затем поднял на Андрея глаза – и встретился с улыбающимся взглядом друга.

– Ты прав, я так считаю, – кивнул тот, скривив губы в улыбке, и тут же прибавил вполне серьезно: – Однако отчаиваться нам нет причины.

– Это почему же?.. – встрепенулся Ленц и даже чуть подался вперед.

– А потому, что я могу точно сказать: Центральный Квазимозг – в норме! И за корабль нам беспокоиться не стоит! Отклонения только в побочных системах...

– И из чего же ты это вывел, дорогой мой оптимист и начальник, а? – Ленц выжидающе замер.

– А вот из чего, смотри... – И Андрей быстро пробежал правой рукой по клавишам своего дисплея. – В блок-системе синтеза пены разница с показателем Центромозга на две и три десятых процента. – Он ткнул своим музыкально длинным пальцем в появившуюся цифру на экране. – Теперь берем блок скорости заделки пробоя. – Командир опять повторил свою манипуляцию на клавишах компьютера. – Смотри! Те же самые две и три десятых процента! И так со всеми вспомогательными биоэлектронными службами...

– Так значит, все системы звездолета работают в норме?!
– воскликнул, вскакивая, Ленц.

– Именно – в норме! – невольно поддаваясь его возбуждению, порывистым возгласом подтвердил Андрей. – Они все показывают конечный результат! А самопроизвольное совпадение между ними, как практически, так и теоретически, равно нулю!

– Все верно, все верно... – быстро забормотал себе под нос штурман. Он снова опустился в кресло и чуть повышенным голосом принялся размышлять, уставившись прищуренными глазами куда-то в пространство: – Центральный мозг задает программу, а исполнители фиксируют конечный результат. И они не виноваты, если дыра в корпусе уже заделана до факт-нормы. Просто выключают дальнейший пеномонтаж на заданной отметке, и все это фиксируют на неокристалл. Черт поberi, как все просто!

– Разумеется! Не нагромождать же лишнюю пену на стену... Все правильно!

– Но это значит... – Ленц внезапно замолк, чуть приподнялся и повернул уже слегка побледневшее лицо к Андрею.

– Да, – хмуро кивнул тот и отвел глаза. – Как ни странно, но нам кто-то помог... Звездолет же исправлен полностью, в этом я уверен на все сто! Стартовать можем хоть сейчас!..

– Но кто же мог это сделать?! – Не меня позы и не обращая внимания на последние слова командира, выдавил изумленно Ленц.

Андрей тяжело вздохнул, затем грузно опустился в свое кресло, немного помолчал, потом тихо и, казалось, обреченно обронил:

– Теперь я тебе отвечу точно так же, как ты мне недавно: черт его знает!

С минуту они сидели молча – как замороженные, как вдруг онемевшие, как неожиданно чем-то раздавленные. Ошеломленные сделанным открытием, – теперь уже точно, окончательно подтвержденное бесстрастными равнодушными приборами, – никак не отпускало их, будоражило, выбивало из колеи.

Наконец Андрей поднял голову и хрипло, лишь только для того, чтобы как-то разрядить обстановку, проговорил:

– Перед стартом нужно взять образцы породы и уточнить кое-какую геофизическую информацию.

– Конечно, – почти неучастно мотнул головой Ленц и устался себе под нога. – А как же иначе – быть на незнакомой планете и не сделать этого?.. – Медленно выпрямился, пожевал губами и принялся не спеша, казалось, с ленивым видом, осматривать видео-списки с дальномеров, регистрирующих космическое излучение, потенциал магнитных и гравитационных полей, сейсмоактивность недр планеты...

– Андрей! – вдруг оживился штурман, останавливая взгляд на одном из ритмично попыхивающих лимонно-красным отсветом табло. – Смотри, гравитационное поле планеты постепенно понижается!..

– Может, обыкновенные волновые всплески? – Командир наклонился над прибором и принялся внимательно всматриваться в колонку медленно плывущих по экрану цифр.

– Да не похоже... Падение идет очень медленно, на атомном уровне. А волновые всплески происходят, как правило, с большими перепадами... – И не договорив, опять воскликнул, но теперь уже вытаращившись на данные с другого дальнера: – Что за дьявольщина, Андрей?! Взгляни-ка! А масса-то песка вокруг звездолета увеличивается! Хоть понемногу – но увеличивается... по сравнению с первоначальным замером!

– Странно! – задумчиво пробормотал Андрей и, барабанив пальцами по крышке прибора, хмуро свел брови от щемящего нутро предчувствия чего-то нехорошего, скверного, плохо объяснимого.

Наружу космолетчики вышли сразу же после обеда. Только что пролетел песчаный вихрь, и андрюиды еще не успели очистить своими проворными щупальцами всю площадь вокруг корабля. Они немного постояли, любуясь слаженной работой своих высококлассных киберов, и не спеша, с неожиданно навалившейся на них усталостью, направились к большому песчаному валуну, расположенному чуть в стороне от звездолета.

С трудом вскарабкавшись на эту сыпучую гору, космолетчики отдышались, а затем выпрямились и внимательно огляделись. Они надеялись отсюда получше рассмотреть окружающую их местность и, возможно, отыскать нагромождения зеркальных кристаллов, о которых когда-то сообщал автоматический зонд, побывавший здесь и даже сфотографировавший свое отражение в одном из них. Но везде, до самого

горизонта, куда только доставал глаз человека, виднелись навалы красно-желтого и коричневатого-золотистого песка.

Космолетчики уже было собрались спускаться обратно вниз, чтобы дать задание киберпланеру подняться на километровую высоту и заснять прилегающий к ним участок планеты, как вдруг остановились словно вкопанные. Метрах в ста от них, на точно таком же валуне, неожиданно появились два человека. Они стояли и спокойно смотрели в их сторону.

Первым опомнился Андрей. Он нервно дернулся, судорожно провел ладонью по затемненному шлему своего полеоскафандра и настороженно отступил назад, затем вновь глянул на незнакомцев и резко обернулся к своему товарищу. А встретив ошеломленный взор Ленца, рывком схватил того за руку и кинулся вместе с ним вниз, подминая своим задом рыхлый золотистый песок. Скатившись с валуна, космолетчики к своему немалому удивлению увидели, что то же самое проделали и их странные незнакомцы. Они в точности повторили их действия, но только с опозданием, примерно, на минуту.

– Что будем делать, командир?.. – надрывно выдохнул Ленц, напряженно всматриваясь в неведомых существ.

– Будь здесь, – с хрипотцой отозвался Андрей чуть погодя, – а я попробую приблизиться к ним...

Он посмотрел на Ленца, который сдержанно кивнул ему в ответ, и не спеша, осторожной походкой, направился в сторону этих, по-прежнему невозмутимо стоящих вдаль, загадочных пришельцев – по всей вероятности аборигенов этого мира. Песок под ногами жалобно скрипнул, будто просил пожалеть, не давить его маленькие хрупкие камушки. Однако космолетчик упорно шел вперед, четко, даже с каким-то непонятым вызовом печатая следы на его зыбкой волнистой поверхности своими огромными мощными ботинками, истоптавшими, наверное, не один десяток далеких и, разумеется, не совсем гостеприимных планет этой безбрежной и еще во многом таинственной галактики.

Внезапно Андрей остановился, так как увидел, что один из незнакомцев неожиданно пошел ему навстречу. Пройдя, примерно, такое же, как и он, расстояние, тот тоже остановился. И здесь командир вдруг заметил одно немаловажное обстоятельство: он был одет точно так же, как и все космолетчики Галактофлота, а именно – в серебристо-белый костюм-комбинезон. А в следующий миг, – уже в безумной радости, но

еще не до конца осознавая, – он отчетливо уловил почти незаметный для невооруженного глаза, слегка кольшущийся голубой дымкой и одновременно чуть искрящийся серебряными блесками отсвет вокруг всего его тела.

«Полеоскафандр!» – ликующе пронеслось у Андрея в мозгу, и он тотчас ринулся навстречу своему неведомому коллеге. Но пробежав всего лишь несколько метров, вдруг остановился и изумленно уставился на незнакомца. Черты его лица мучительно кого-то ему напоминали. Хотя и были какими-то неестественными, как бы слегка искаженными, словно являли собой некую чуть-чуть обезображенную, или точнее будет сказать, чуть-чуть подправленную непрофессиональную карикатуру на кого-то ему страшно знакомого. И он окончательно догадался, кто это, когда увидел на правой стороне его груди на четверть оторванный краешек кармана. Андрей дико глянул на свою грудь – там красовался точно такой же, чуть оторванный с краю карман. Но только с левой стороны. Командир снова вытаращился на таинственного незнакомца, онемело приоткрыл рот и – растерянно попятился назад. А когда увидел, что рука чужака медленно ползет к своему левому бедру, на котором висела тяжелая кобура с мощным флазером, непроизвольно схватился за голову и, жутко завопив, что есть силы бросился назад, семеня по песку, как заправский спринтер.

Подбежав к своему товарищу, он резко остановился, тяжело дыша и дрожа всем телом, а затем тихо и вдруг осипшим голосом спросил, не решаясь оборачиваться:

– Где – он?..

Ленц тревожно поглядел в сторону неведомых чужаков – и неожиданно улыбнулся.

– Тоже деру дает.

Андрей медленно, казалось через силу, оглянулся – странный незнакомец, схватившись за голову, ошалело неся в обратную сторону, к своему напарнику.

В секции реабилитации они молча приняли ионный душ, сделали активный гравимассаж, выпили по чашке крепкого горячего кофе – и, наконец, почувствовали себя более-менее нормально.

Андрей, ощущая легкую усталость в теле, откинулся в кресле, приятно, с ненавязчивой лаской, облегающее спину, и прикрыл глаза. Затем вдруг нервно дернулся, звонко хлопнул ладонью по подлокотнику – и, наконец, произнес первую фра-

зу после своего, мягко сказать, нелицеприятного бегства от тех странных чужаков. Но сказал это со злостью, отчаянием:

– Чертовщина какая-то! – Его успокаивало лишь одно – двойник-незнакомец тоже струсил и тоже позорно драпал с места их так и не состоявшегося до конца знакомства.

– А не галлюцинируем ли мы? – неожиданно предположил Ленц, приподнимаясь в кресле и поворачивая голову к Андрею. – И притом, если бы эти странные непонятные существа действительно существовали, то с чего бы один из них стал пытаться тебя укокошить, а? По-моему, прежде всего можно было объясниться? Тут что-то не то...

Командир сразу же замер, почти перестав дышать; после задумчиво посмотрел в сторону своего коллеги, осторожно взялся за подлокотники кресла, а через секунду-другую резко вскочил и, ни слова не говоря, кинулся в штурманскую рубку. Ленц тотчас последовал за ним.

Камера внешнего наблюдения должна была зафиксировать нас и тех незнакомцев, – лихорадочно перебирая пальцами по сенсорно-кнопочному пульту бокового видеозахвата, проговорил Андрей.

– Если они есть на самом деле, – уточнил Ленц, стоя у него за спиной.

– Сейчас все узнаем...

Экран засветился, потом замельтешил, затем вдруг потух и вновь загорелся. И на нем сразу же, – ярко, во весь рост, отчетливо просматриваясь, – появились два человека, шедшие лениво, не спеша, от звездолета.

– Это мы! – обрадованно воскликнул сзади Ленц. – И никаких больше типов вокруг не видать! Я же говорил – все это бред!..

– А вот и тот холм! – в свою очередь также оживленно отреагировал командир; вытянул вперед руку и... замер, открыв рот, не в силах что-либо произнести.

Фигуры людей на экране неожиданно засветились серебристо-мерцающими огоньками, потом странно помутнели, завибрировали – и от них резко, словно раздваиваясь, отделились два точно таких же человеческих контура. Вывернувшись как бы наизнанку, они представляли собой двух слабо светящихся и почти наполовину просвечивающихся людей-фантомов. Постепенно, по мере удаления от шедших как ни в чем не бывало космолетчиков, они стали темнеть, будто набирая плотность и силу, и, наконец, скрылись за полем экрана.

– Мистика да и только! – ошеломленно выдавил Андрей и яростно, до боли в суставах, сжал пальцами край пульта.

– Послушай! – Ленц вдруг звонко шлепнул товарища по плечу. – Кажется, в том месте, где отделились от нас эти чертовы призраки, я неожиданно почувствовал какую-то непонятную усталость. Точнее – страшную усталость!

Андрей живо оглянулся и задумчиво обронил:

– А ведь и я, по-моему, то же самое испытал...

– Выходит, мы отдали часть своей энергии для создания этих... этих дьявольских двойников? – Штурман скривил щеку и покачал головой.

– Выходит – так. – Командир опустил в кресло и тихо, с какой-то затаенной тревогой в голосе, добавил: – Возможно не только энергию, но и часть массы нашего тела содрала с нас эта наглая неведомая сила. Ведь приборы зафиксировали призраки, а это значит – они вполне материальны!

– Только этого нам и не хватало, – тяжело выдохнул Ленц, усаживаясь рядом. И не понятно было, что он имел в виду: или безапелляционное, нахальное вмешательство чьей-то таинственной и наверняка могущественной силы в их психику, в их организм, или встречу с очередной интригующей загадкой космоса.

– Что будем делать? – минуту спустя, после тяжелой, напряженной паузы, поинтересовался командир и, вопросительно вскинув голову на штурмана, машинально передвинул настройку стереозаписи видеозаписи. – Как-никак, а эти отродья ада, вернее, один из них нам угрожал оружием?

Однако вместо ответа лицо Ленца неожиданно исказила гримаса непомерного удивления – он вскочил и, выбросив руку к экрану, воскликнул:

– Командир, смотри! Еще один звездолет!..

Андрей моментально встал, быстро увеличил изображение и, простонав: «Боже!», обессиленно плюхнулся в кресло.

На экране видеозаписи, у подножья стройного ряда небольших барханов, поблескивая медно-золотым отливом в знойных лучах двойной звезды, красовалась точная копия их галактического грузового лайнера. А возле одного из его бортов, вплотную к звездолету, виднелся небольшой дот-дом, точно такой же, как и у них. Разница составляла лишь в одном он был приткнут не к правому, а к левому борту.

– Час от часу не легче, – почти весело констатировал Ленц и снова опустился в кресло.

Командир какое-то время молча, не шевелясь, более того – казалось окаменев и даже не моргая, наблюдал за неведомым звездолетом, затем отчаянно потискал ладонями виски, шумно выдохнул и вновь, но теперь уже хрипло, полюбопытствовал:

– Так что же будем делать, штурман?

Ленц почти в упор посмотрел на Андрея, потом вдруг потупился, пожал плечами и нехотя пробурчал:

– Что делать... Наверное, первым делом нужно доложить в Центр, так?

Командир поморщился, затем недобро оглядел своего товарища, невесело усмехнулся и сквозь зубы процедил:

– Ты хочешь, чтобы к нам в срочном порядке был выслан санбот?

– Санбот? – Ленц вскинул голову и недоуменно уставился на Андрея. – Зачем?

– А затем, что они просто-напросто посчитают нас сумасшедшими! – Он со злостью саданул кулаком по подлокотнику кресла, встал и принялся нервно расхаживать по рубке. – А улететь так просто мы не можем! – Андрей остановился напротив Ленца и вновь выкрикнул: – Не можем! Не имеем права!.. Сами себе потом не простим! – И снова заколесил по рубке.

– Но мы же не десантники, – осторожно подал голос Ленц. – И даже не исследователи...

– Да! Да! Всего лишь обыкновенные извозчики! – Он подошел вплотную к своему товарищу и уже спокойнее проговорил: – Приказать я не могу. Сам решай. Но знай – я обеими руками за то, чтобы попытаться разгадать эту чертовщину!

Ленц тотчас же, не медля и секунды, отозвался:

– И я – за.

Андрей широко улыбнулся и с нескрываемой благодарностью в голосе обронил:

– Спасибо, другого я и не ожидал. – Он по-дружески ткнул своего штурмана вбок и по-командирски распорядился: – А сейчас – отдыхать. Начнем завтра, с утра. Как говорили в старину: утро вечера мудренее!

Напряженно вглядываясь в фигуры фантомов-двойников, Андрей снова шел по той же дорожке, тяжело, через силу, ступая по зыбкому, рыхлому песку. Только приложив статус старшего в экипаже, он с трудом уговорил Ленца и на этот раз

идти на встречу с чужаками ему самому, мотивируя это в основном тем, что тот не имеет даже того мизерного по сравнению с ним опыта, который приобрел он во время вчерашнего неудавшегося randevу со своим призраком.

Однако причина была, наверное, еще и в другом. Командир просто-напросто пытался взять реванш за ту, как ему казалось, позорную капитуляцию перед этим интригующим, ошеломляющим воображение Неизвестным. И делал это он, скорее, подсознательно, чем осознанно, так как не привык отступать, вернее терпеть поражение, при любых, даже самых невероятных, самых фантастических, пусть даже абсолютно не поддающихся пониманию обстоятельствах, – будь это какое-то могущественное Неизвестное или такое же не менее могущественное Известное, будь это какое-то всесильное Непонятное или такое же не менее всесильное Понятное, или будь оно даже кознями самого всемогущего дьявола! Или еще кого-то не менее грозного и сильного. Ибо искренне считал, что если произойдет обратное, и эти Неведомые Силы возьмут верх – то все это будет в первую очередь недопустимым и даже аморальным для самого Человека, для его нравственного начала. Однако лично для него это обстоятельство явилось бы еще и обидным, нет – позорным, проигрышем перед самим собой. Что во много раз и гораздо сильнее ущемило бы его самолюбие, его больно ранимое внутреннее «я».

Примерно через минуту, когда до чужаков оставалось метров пятьдесят, один из них, как бы нехотя, направился ему навстречу.

Андрей старался не смотреть тому в лицо – уткнулся взглядом вниз, в едкий желто-красный песок. И даже когда перед его взором показались серебристо-белые ноги двойника, обрамленные в голубоватую дымку полеоскафандра, он не поднял головы, не взглянул ему в глаза, и сделал это не только потому, чтобы успокоить, задавить в себе те древние дикие инстинкты, которые всегда, во все времена, заставляли его собратьев отступать, убегать, прятаться от всего Непонятного и Неизвестного, а значит – и опасного для жизни, но и потому, чтобы не дать повода незнакомцу повести себя агрессивно. Ибо отлично помнил свою первую с ним встречу, и попытку того схватиться за оружие.

Он не помнил, сколько времени стоял так, уткнувшись себе под ноги и тяжело, с хрипотцой, дыша, пытаясь унять вдруг вылезшую откуда-то из онемевшего от напряжения нут-

ра неумную, предательскую дрожь во всем теле. Потом медленно, с усилием, словно сопротивляясь самому себе, стал поднимать голову и наконец уперся помутневшим от страха взглядом в свое, казалось, искаженное отражение, будто неожиданно предстал перед каким-то бракованным, с неровной плоскостью зеркалом. Однако это было не так. Он стоял перед своим двойником.

– Кто ты? – наконец выдавил Андрей и сам удивился своему вдруг изменившемуся до неузнаваемости голосу.

Но тот продолжал молчать, упрямо опутив голову; затем не спеша, с невероятным усилием, словно выполняя чрезмерно тяжелую работу, принялся поднимать ее. А сделав это, посмотрел куда-то вдаль, будто сквозь его глаза, каким-то тревожно-обеспокоенным и, одновременно, почти отсутствующим взглядом. Его рука вновь потянулась к бедру, но потом неожиданно остановилась, а затем медленно вернулась на прежнее место.

Тогда Андрей, не зная что еще сказать, глухо простонал:

– Здравствуй... – И протянул ему руку для приветствия.

Однако фантом по-прежнему стоял, совершенно не обращая на человека никакого внимания, словно его и не было здесь. И только Андрей собрался было прикоснуться к нему, удостовериться, ни мираж ли это, ни призрачный ли дух, как тот что-то проговорил, странно ударяя на последнюю фразу.

Командир замер, не опуская руки. В следующее мгновение незнакомец вновь произнес точно таким же голосом какую-то непонятную фразу. И... и подал ему руку. Но сделал это как-то странно, почти механически, вытянув ее мимо ладони Андрея, легонько ткнув того прямо в живот. Командир сразу же почувствовал мягкое, теплое прикосновение гладкой и почти невидимой субстанции полеоскафандра. Нет, это был не призрак! Это был человек – человек во плоти и крови!

Андрей чуть отпрянул в испуге, но затем все же поборол в себе этот новоявленный страх, шагнул навстречу и пожал своему таинственному двойнику ладонь. Но ответного пожатия не последовало. Космолетчик с удивлением посмотрел в его все такие же невидяще-встревоженные глаза и опустил руку. Немного постоял, с интересом разглядывая такое знакомое и, одновременно, совершенно не знакомое ему лицо, и стал потихоньку, задом, пятиться в обратную сторону. И только было собрался повернуться и отправиться восвояси, как увидел, что тот резко выхватил из-за пояса новенький, сверкающий на

солнце флазер и направил на него. Однако командир оказался проворнее – тоненький, светящийся золотом луч его не менее мощного оружия уже прошелся по груди этого таинственного и не в меру агрессивного чужака.

Двойник дернулся, замер, но не упал, не развалился на части – его контуры неожиданно завибрировали, затем расползлись словно рябь по воде, а потом помутнели и через какой-то миг исчезли совсем. А на его месте вдруг возник маленький розово-коричневый вихрь-волчок, какие он видел здесь часто и на которые уже по привычке не обращал внимания. В его стремительно крутящемся центре образовались какие-то искрящиеся точки, затем они стали постепенно оседать, а когда этот карликовый смерч-волчок сместился чуть в сторону, на его месте обнаружилась небольшая кучка обыкновенного красно-желтого песка.

– И это все, что осталось от моего двойника?! – изумленно прошептали губы Андрея.

Он нагнулся, осторожно зачерпнул ладонью горсточку этих загадочных песчинок, удивленно посмотрел на их поблескивающие золотом зерна-камушки и незаметно для себя разжал кисть руки. Песок тотчас провалился сквозь растопыренные пальцы; ветер тут же подхватил его и разнес по бескрайнему и унылому полю пустыни. Космолетчик постоял еще немного, задумчиво вглядываясь в красно-желтые барханы, тяжело вздохнул и, круто развернувшись, спешно пошагал обратно.

– И что ты на это скажешь? – Андрей блаженно развалился в своем излюбленном кресле и, ощущая приятную усталость от только что принятой парной ток-ванны в сочетании с интенсивным ионным душем, вопросительно посмотрел на Ленца.

– А что тут говорить, – бойко ответил тот и, вытирая бархатным полотенцем еще не остывшую от пара спину, уселся рядом. – Над нами просто кто-то экспериментирует.

– Значит, ты считаешь, что мы всего лишь кролики? – Командир в улыбке дернул щекой.

– Ну, не совсем так... – Он деланно скривил губы. Мы исследуем их, а они – нас.

– Незавидная ситуация, – уже вполне серьезно заметил Андрей и, закинув голову на спинку кресла, прикрыл глаза.

– Да, знать бы, кто этот нахальный экспериментатор... задумчиво обронил его товарищ.

– Неужели все эти горы песка когда-то были какими-то телами, предметами, механизмами? – не открывая глаз, не переставал удивляться командир.

– Если предположить, что от фантома-звездолета остался точно такой же по составу песок, как и от наших двойников, то это вполне допустимо. – Штурман задумчиво покачал головой и посмотрел в сторону окна-иллюминатора, из которого хорошо просматривалась печальная панорама.

– Ты не обратил внимания, – вдруг насторожился Андрей, приподнимая веки и поворачиваясь к Ленцу, – они исчезли одновременно с моим фантомом?

– Да, командир, – участливо кивнул тот. – Я заметил точно: как только ты подстрелил своего призрака, то сразу же стали таять контуры и звездолета-двойника... – Помедлил и добавил: – ...и моего фантома. А на том месте тут же закрутились эти вездесущие «волчки».

– Что ты сказал? – Андрей внимательно посмотрел на товарища. – Появились вихри-волчки?

– Да, сразу же на их месте. – И замолк, изумленно уставившись на своего командира. – Ты хочешь сказать?!..

– Постой, – резко оборвал его тот и сразу же встал. – Как же я сразу не догадался?.. Эти миниатюрные смерчи-вихри и фантомы как-то взаимосвязаны. Это точно! Но как?.. – Он подошел к большому окну-иллюминатору дот-дома и пристально посмотрел на унылый ландшафт планеты. – Интересно все же, что хотел сказать мне фантом-двойник? – И снова повернулся к Ленцу; в который раз он задавал себе и своему коллеге этот вопрос – и не находил ответа.

– Знать бы... – пожимая плечами, буркнул штурман и неожиданно предположил: – Слушай, а не подражал ли он тебе, как бы своеобразно передразнивая, а? Ведь он почти в точности копировал все твои движения?..

– За исключением лишь того, что первым схватился за свой флазер, – невозмутимо уточнил командир.

– Да, да, – угрюмо закивал Ленц, – только в этом вы и расходитесь...

– И кроме того, – как ни в чем не бывало продолжал Андрей, – если бы он копировал все подряд, то и ответить должен был мне то же самое. А он мне что за тарабарщину прокудахтал, а?

– Но карман же был у него на другой стороне груди! – казалось, со злостью бросил ему в лицо штурман.

– Зеркальное отражение? – Командир приподнял брови.

– Да! Но только материализованное зеркальное отражение... Минутку! – Ленц вскочил с кресла, взял со стола блокнот, быстро что-то написал там, затем подбежал к блок-кухонной перегородке, надавил на ней синий клавиш, а когда из ее левого угла выполз мертвый квадрат обыкновенного идеально чистого зеркала, повернул написанное в его сторону. – Смотри!

Андрей удивленно округлил глаза, прочитал: «Кто ты? Здравствуй.»

– Да-а, – протянул неопределенно он и, казалось, разочарованно вздохнул. – Всего лишь своеобразное зеркальное отражение моих слов. – И уткнулся себе под ноги. – Механическое повторение, но только наоборот... Хотя, постой. – Командир вдруг вскинул голову и пристально посмотрел на Ленца. – Механическое повторение – это точно. Хоть и с минутным опозданием. Но вот «наоборот» – оно проявилось только в отношении моих слов.

– Почему ты так решил?

– Но ведь фантом-двойник почти все последовательно повторял за мной! – начал было сердиться Андрей.

– Вот именно – почти! А по существу – все это тебе только казалось! – Ленц примирительно улыбнулся и с силой шлепнул ладонью по зеркалу. – Обрати внимание: причинно-следственная связь действий твоего фантома с реальностью началась не сразу, а с минутным опозданием. Это и является, по-видимому, главным фактором того, почему мы видим и ощущаем его поступки в кажущейся для нас разумной последовательности. Тут наверняка действует какой-то перевертывающий реальность механизм, чтобы дать этой самой реальности и ее антиподу соприкоснуться. А на самом же деле, в тот момент, когда ты сделал свой первый шаг ему навстречу, тот, скорее всего, уже возвращался назад. Вот только для чего была нужна эта встреча лицом к лицу?..

– Для чего она была нужна, по-моему, понятно. – Командир вновь вздохнул и, не торопясь, опустил в свое кресло. – Наверное, для того, чтобы я первым сумел всадить добрый заряд флазера в его паршивую рожу. – Чуть помедлил и более конкретно изъяснился: – А точнее – чтобы я его просто-напро-

сто укокошил... И если все, что ты говоришь – правда, то логика тут кажется, есть.

– Какая же? – Ленц вскинул брови и тоже уселся.

– А самая обыкновенная – чтобы сделать сравнение и вывести результат.

– И когда результат был получен, – воодушевленно подхватил его мысль коллега, – фантом был уничтожен как ненужная деталь, вернее – информация! Правильно?

– Скорее всего – так! – Андрей тоже оживился. – Своеобразная работа мозга, только шиворот-навыворот!.. Если наш мозг апеллирует увиденными образами, сравнивая и сопоставляя их, и делает это в пределах своей черепной коробки, то данная чертова субстанция, по-видимому, сначала материализует их, а затем уж тасует, как карточную колоду. Но не в своем организме, нет, – а во внешнем, окружающем ее мире. Точно! И лишь потом, увидев результат живого общения реальности и псевдореальности, делает выводы!

– И после сразу же, незамедлительно, уничтожает эти материализованные образы, превращая их в песок, в отходы! – тут же продолжил размышления своего командира Ленц. – И если наш организм перерабатывает и укомплектовывает свои шлаки так, чтобы впоследствии они легко и быстро распались на безвредные, а иногда и полезные вещества, то этот, так называемый представитель живой материи самый обыкновенный лентяй и лежебока, – он нисколько не утруждает себя работой, а просто-напросто выбрасывает их, эти отходы.

– Наверное, так оно и есть... – проговорил Андрей и с явным сарказмом заметил: – То-то и завалено здесь все кругом этим... этим шлаком. Прибирать-то никому. Хотя... – Он криво усмехнулся, неожиданно о чем-то напряженно задумался и вдруг бросил, казалось, совсем о другом: – Да нет, ерунда все это!..

– Что – ерунда? – живо откликнулся Ленц. – Не упростили ли мы все это до абсурда, ты это хотел сказать?

– Может быть, – все так же задумчиво обронил Андрей, затем поднял на Ленца глаза и спросил: – А ты что-то другое имел в виду?

– Видишь ли, командир, меня в первую очередь почему-то тревожит другое, а именно – что твой двойник первым схватился за оружие... А нельзя ли допустить, что на каком-то определенном этапе своего развития они уже не просто копируют нас, уже не просто подчиняются своему, так сказать, более

материальному собрату, а действуют как-то по-другому, иначе, а? – И уставил на Андрея пристальный взгляд.

Командир округлил глаза, перестал дышать, а потом недоуменно выдохнул:

– Ты хочешь сказать, что они?.. – И недоговорив, неожиданно прыснул.

– Да, именно то, о чем ты только что подумал... И, пожалуйста, не улыбаясь! Они наверняка на каком-то особенном уровне существования начинают жить уже своей, резко отличительной от тебя, от меня, от всех нас жизнью. И, по-моему, берут из этой нашей жизни самое плохое, самое отвратительное, самое что ни на есть худшее! Ибо только они – эти простые, незамысловатые, я бы даже сказал, первобытные, вернее, животные рефлексы проще всего поддаются копированию, а значит, в первую очередь и вживаются в свою новую субстанцию!..

Андрей поджал губы, нервно потер переносицу, а затем неторопливо, вполголоса, словно рассуждая сам с собою, проворкотал:

– Слушай, если все это принять за основу, за правду, то будет понятно, почему он сразу же, еще при первой встрече, попытался защититься от меня своим флазером. Дикарь – он и есть дикарь! Так? – И вопросительно глянул на своего штурмана.

– Не совсем, друг мой, не совсем. Он не просто дикарь. Он – цивилизованный дикарь, грамотный дикарь. И он не защищался, нет. Он просто пытался тебя укокошить. Да, да – укокошить! Так сказать, твоя самая плохая, самая низменная, самая что ни на есть паршивая половина пыталась убить твою другую – самую хорошую, самую пристойную, самую человеческую половину. Убить – и, возможно, завладеть твоим звездолетом, н а с т о я щ и м звездолетом!

– Но тот – ихний – ведь тоже настоящий!

– Скорей всего – да. Принцип работы у него, по-видимому, такой же, хоть и, наверное, как бы вывернутый наизнанку. Разумеется, если рассматривать его с точки зрения нашей логики – логики понимания видимых вещей!..

– Тогда нахрена им другой, то есть наш звездолет?

Ленц чуть помедлил, затем вздохнул и шутиливо-поучительным тоном поведал:

– Еще с древнейших времен, дорогой мой начальник, было известно – чем больше у дикарей камней и дубинок, тем сильнее и могущественнее они себе кажутся.

– Да, наверное... – опустив голову, пробубнил себе под нос Андрей; он немного помолчал, потом смахнул ладонью неожиданно выступивший пот на лбу и резко поднял на Ленца глаза. – Так ты хочешь сказать, нам нужно быть начеку, да?

– Непременно, командир!

Пауза наступила, казалось, внезапно, неожиданно, словно вылетела откуда-то из пустоты, из чего-то потустороннего, скрытого от глаз, но которое находилось рядом, прямо здесь, возле них; звенящая в голове тишина давила своим невидимым, но мощным телом на уши, глаза, мозг. Однако космолетчики почему-то упорно продолжали молчать, оставившись затуманенными от беспокойных раздумий взглядами в пространство иллюминаторов. А там – весело, беспечно резвились маленькие, безобидные вихри-«человечки»; и хотя звездные скитальцы, кажется, подошли вплотную к разгадке тайны этой планеты, им вдруг сделалось грустно и обидно. Но не страшно, нет. Именно – грустно и обидно. За них, этих беззаботных, вечно празднующих «стрекоз», за их уныло-скучный, песчано-однообразный мир. За разум вообще. Однако где-то глубоко в душе, на самых затворках их растревоженного сознания, они надеялись, – а вдруг ошиблись? Вдруг тут что-то не так? И эти вездесущие вихри-волчки были всего лишь порождением атмосферных процессов на этой по-своему привлекательной планете, и никаким разумом, разумеется, не обладали.

Но тогда кто помог им заделать пробоину в корпусе звездолета?! Ведь поблизости, а вернее – на сотни парсек вокруг нет ни одной населенной планеты?! Кто этот невидимый и таинственный друг и защитник?! Кто?!

Андрей и Ленц резко повернули головы друг к другу – и тотчас обменялись вопрошающими взглядами. Как будто враз подумали об одном и том же. А может так оно и было? Наверное. Ведь эти два, казалось, совершенно не похожих друг на друга человека за свои долгие дни, недели, месяцы, а то и годы полетов по безбрежной и молчаливой Вселенной так изучили друг друга, что могли бы понять своего товарища и не разговаривая с ним, лишь взглянуть тому в глаза, а то и просто так, сидя рядом...

Командир встал, помял ладонями виски и нетерпящим возражения тоном объявил:

– В общем так, для полной ясности необходимо провести поверхностные раскопки. – А увидев в глазах товарища искру сомнения, уже тоном приказа прибавил: – Приступаем завтра же, с утра!

Выйдя из дот-дома, космолетчики не спеша побродили вокруг своего звездного лайнера и внимательно, в надежде встретить еще раз своих неведомых двойников, огляделись по сторонам. Однако вокруг никого не было видно – по-видимому таинственные фантастические аборигены уже и не интересовались ими, вернее, им отбили охоту искать встречи со своими собратьями.

Космолетчики еще немного потоптались на месте, затем отошли чуть вправо, снова покрутились по сторонам и наконец нашли более-менее подходящее место для раскопок. Через пять минут десять стареньких допотопных кибер-кротов, которых им нахально всучили на одном из звездных рудников сверх положенного груза и которые теперь они обязаны были доставить на Землю для реставрации и обновления их довольно-таки потрепанных биоэлектронных внутренностей, организовано приступили к работе.

Принимаясь за археологические изыскания, Андрей надеялся узнать главное: была ли здесь в прошлом какая-нибудь цивилизация, и если была, то что послужило причиной ее упадка? Или наоборот – может она находится только в зачаточном состоянии?

И результат не заставил себя долго ждать. Один из «кротов» в своем ковше-отстойнике вынес на поверхность что-то резко отличавшееся от всего окружающего. Этот грунт был тягуче-вязким, тухло-пахнущим и имел цвет, схожий земному чернозему. Даже поверхностный анализ показал, что он имел органическое происхождение.

Андрей откинулся на спинку кресла, потер кулаками глаза и проговорил вздыхая, простужено:

– Теперь я почти на сто процентов уверен, что здесь когда-то кипела жизнь. – Вновь горестно вздохнул и прибавил: – И, возможно, очень похожая на нашу...

В ответ Ленц сдержанно мотнул головой, соглашаясь:

– Скорее всего, это так... – На секунду замолк, всплеснул желваками на заостренных скулах, а затем, пожимая плечами,

недоуменно спросил: – Но что тогда стряслось здесь? Почему все зачехло, превратилось в песок, в пустыню, в тлен? Почему?!

– Спектральный анализ породы показал, что она имеет возраст что-то около миллиона лет, – все так же хрипло продолжал Андрей. – Значит, почти миллион лет эта планета покрыта песком. И ничего, кроме него, на ней нет. Ни-че-го! Ну а если предположить, что эти многочисленные волчки все же имеют живую, органическую основу, то чем они тогда, черт побери, питаются?! – И округлив глаза, уставился на своего коллегу.

– Нужно попытаться вступить с ними в контакт, – невозмутимо, как о чем-то само собой разумеющемся, поведал Ленц и еле заметно улыбнулся – лишь одними уголками губ.

– Но – как? Как?!.. – со злостью бросил ему в лицо командир; порывисто вскочил, подбежал к одному из самых больших окон дот-дома и уставился в него немигающими глазами. – Как ты заговоришь с этими... с этими бестелесными созданиями?! – И с размаху саданул кулаком по бронированному стеклу.

– А что если попытаться применить самый обыкновенный и, по-моему, в данный момент самый надежный способ, а? – Ленц тоже прошагал к окну и, прищурив глаза, обвел взглядом унылый ландшафт пустыни.

– Какой? – Андрей живо обернулся, взметнул угольно-черные дуги своих бровей и удивленно приоткрыл рот.

– Непосредственный, прямой контакт! Нужно войти в этот мини-вихрь, прямо в его крутящийся центр. Возможно, он как-то и отреагирует...

– А что... – Командир поджал губы, о чем-то усердно размышляя, и – неожиданно согласился: – Попробуем. Попытка – не пытка.

– А как с раскопками?

– Наверное, прекратили. Больше вряд ли что нового узнаем...

Однако перед тем, как дать отбой своим археологическим поискам, автоматический реестр-регистратор обнаружил в отстойнике одного кибер-крота странные матово-красные шарики, явно искусственного происхождения. Космолетчики долго вертели их в руках, придирчиво рассматривали в лазер-микроскоп, пробовали на прочность, но ни к чему конкретному так

и не пришли; решили оставить на потом, а вернее – предоставить эту головоломную работу ученым Земли.

Усилив вдвое мощность защитного слоя своих полеоскафандров, они вышли из дот-дома уже под вечер, когда двойное светило успело коснуться своим овальным телом горизонта бесконечной красно-желтой пустыни. До полной, непроглядной ночи оставалось, примерно, полчаса, – лун у планеты не было, – однако азарт исследователей их так захватил, что до утра они бы просто не вытерпели и, конечно, не смогли бы уснуть – не хватило бы сил обуздать воображение от предстоящего прямого контакта с «аборигенами» этого загадочного мира.

На этот раз Ленц был непреклонен и настоял на своем – идти должен он! Штурман повернулся к своему командиру, смущенно улыбнулся ему и, поправив флазер на поясе, твердым, размашистым шагом направился к одному из недалеко крутящихся от них волчков-вихрей.

Подойдя к нему, Ленц на секунду остановился, как бы замешкавшись, затем вопросительно оглянулся – Андрей утвердительно кивнул в ответ, и он уверенно шагнул в его красновато-коричневое, оттененное желтизной бурлящее нутро. Вихрь-волчок на мгновение отпрянул назад, но в следующий момент уже вновь возвратился на прежнее место и полностью поглотил космолетчика.

Перед глазами Ленца замельтешили разноцветные искры-пылинки, замелькали радужные молнии, и осторожно, почти ласково, зашуршали по поверхности полеоскафандра то ли крутящиеся струи воздуха, то ли лапы-щупальца сильного, но, казалось, доброго зверя-монстра.

Ленц весь сжался; и вдруг его тело распалось. Точнее, он явственно ощутил, притом безболезненно, как весь его многосложный и, одновременно, хрупкий организм стал расщепляться на маленькие, невидимые частицы и как бы разноситься в стремительном танце по всему необъятному и бесконечному космосу. Он жил – и не жил. Он чувствовал – и не чувствовал. Он был человеком – и одновременно всем миром. Он неожиданно превратился в огромный и в то же время какой-то маленький, крохотный шарик, который с неистовой безумной силой и в чудовищной, всепоглощающей крутизне пытался куда-то выскочить, откуда-то вырваться, что-то сказать – важное, первостепенное...

Очнулся Ленц лежащим на песке. И первое, что увидел – это склонившееся над ним испуганное лицо друга.

– Что со мной? – еле слышно, почти одними губами спросил Ленц.

– Волчок улетел от тебя – и ты сразу же упал... – скороговоркой ответил Андрей и озабоченно поинтересовался: – Ты как... как себя чувствуешь?

– Нормально. – Штурман тряхнул головой и приподнялся на локте; командир тут же помог ему встать на ноги. – Сколько я там пробыл?

– Наверное, с минуту.

Ленц молча кивнул, немного поразмышлял о чем-то и буркнул:

– Пошли домой,

– Значит, ничего конкретного, – тяжело выдохнул командир, подводя итог рассказу Ленца.

– Ну, почему же... – возразил тот. – Теперь мы точно знаем, что эти загадочные вихри-волчки каким-то образом действуют на нашу психику.

– Ну и что из этого следует? – недобро усмехнулся Андрей.

Ленц пожал плечами и устало отозвался:

– Пока трудно сказать что-то определенное. Однако я уверен, что результат все же какой-то есть. – И он твердо, с вызовом посмотрел на своего командира.

– Извини, но из твоего рассказа даже мало-мальской информации извлечь нельзя. – Он грузно опустился в свое кресло, поерзал в нем, усаживаясь поудобнее, и заключил, разводя руками: – По крайней мере, я этого не чувствую. Но... но возможно ты подсознательно что-нибудь и уловил.

Ленц секунду-другую сидел молча, потом медленно, словно чему-то сопротивляясь, повернул голову к другу, посмотрел на него, казалось, недоуменно и вдруг выдохнул – надрывно, ошеломленно:

– Послушай!.. Шарик! Мне все время казалось, что я превратился в какой-то ни то большой, ни то маленький шарик! И, по-моему, матово-красного цвета!.. А что мы нашли в ковше-отстойнике одного нашего добросовестного кибер-крота, а?

Андрей замер; затем резко вскочил и кинулся к одному из уже загерметизированных контейнеров, приготовленных для отправки в грузовой отсек звездолета. Он молча, но в страшной спешке, сорвал с него контроль-пломбу, открыл ящик и вынул оттуда небольшой матово-красный шарик.

– Ты думаешь, все дело в нем? – выдавил он дрогнувшим голосом и повернул к Ленцу свое раскрасневшееся, потное лицо. Глаза командира возбужденно блестели и выражали лишь одно – тревогу и смятение.

– Уверен, – сдавленно обронил штурман и тут же повторил уже громче, внятнее, неожиданно выругавшись: – Уверен, черт возьми!

Не смогли они заснуть в эту ночь, хотя и собирались это сделать. Конечно, они сумели бы хорошо поспать и прекрасно отдохнуть, если бы применили давно испытанный и временем проверенный способ гипноментального код-сна. Однако среди их брата-космолетчика этот метод, как правило, не поощрялся – был своеобразным изгоем, своеобразной черной меткой, и считался симптомом слабости, неуравновешенности. И поэтому применялся лишь в приказном порядке, и чаще всего – в экстремальных ситуациях.

Они долго, – до хрипоты, до умопомрачения, – спорили, ругались и... мирно беседовали; приводили различные, самые сумасбродные, самые невероятные, самые сногшибательные предположения, гипотезы о роли этих загадочных шариков. Но ни к чему конкретному так и не пришли. И, разумеется, не могли прийти. Ибо многое из того, о чем велся спор, можно было проверить только на практике, только на личном опыте, и поэтому космолетчики с нетерпением дожидались утра.

Яркое, искрящееся излучение далеких созвездий, словно назойливая, гудящая мошкара в глухой, бескрайней степи, давила на психику, мозг, и заставляла в который уже раз их уставший и истерзанный в бесконечных догадках разум с утробной настойчивостью возвращаться к исходной точке этих, как им уже начало казаться, бессмысленных разговорных поисков.

Лишь под утро, когда это нещадное логово мириадом далеких светил стало понемногу тускнеть, расплзаться по небосводу, космолетчики, кажется, на какие-то полчаса погрузились в тяжелый, зыбкий сон.

И опять Ленц шел под тревожным взглядом своего командира к этому непонятному, неистово крутящемуся волчку-аборигену, рожденному вопреки всякой логике здесь, на этой далекой, унылой и наверняка безжизненной планете-пустыне.

Однако на этот раз в его правой руке был крепко зажат небольшой матово-красный шарик, который, как они надеялись, являлся автоматом-переводчиком, своеобразным универсальным лингверсором, а вернее – ключом к тайне логики мышления иного разума, если таковой здесь был. Перед тем, как войти в вихрь-волчок, космолетчик, как и в прошлый раз, обернулся. А встретившись с озабоченным взглядом своего товарища, поднял руку – то ли в прощальном приветствии, то ли наоборот, здороваясь с тем неведомым и таинственным, к чему так стремился. А может быть, – и это было скорее всего именно так, – просто защищаясь от стремительных струй песка, безумно вертящихся по кругу с потоком воздуха и пыли. И лишь после, секунду помедлив, он решительно шагнул в нутро его бурлящего тела.

Первая реакция организма была точно такой же, как и в тот первый, неудавшийся «контакт» с этим загадочным атмосферным созданием, а именно – искры-пылинки и радужные огни перед глазами. А также ощущение ирреальности раздвоения, вернее – раздробления своей личности на мелкие, но каким-то образом одухотворенные и всеохватывающие острым внутренним зрением кусочки. Однако в следующий миг, почти на грани потери сознания, он вдруг четко и ясно увидел перед собой ярко-цветущую, ошеломляюще-прекрасную панораму красок. Они были почти неестественными, но подкупающее ненавязчивыми, и хотя являли собой что-то псевдореальное, потустороннее, как на какой-то сверхсовершенной, мастерски сделанной абстрактной картине, все же это были уже отголоски чего-то явно живого и не чуждого ему, землянину, мироощущения. Но мироощущения иного, пока непонятного ему разума...

Медленно, ползуче, сопровождаясь тягуче-расплывчатыми тонами, это невероятное нагромождение легких, воздушно-пенистых красок неожиданно сменилось еле заметными очертаниями чего-то конкретного, чего-то осмысленного. И постепенно, убирая ненужные наслоения и вводя новые, уже вполне четкие сочетания линий и красок, а также их разнообразных тональностей, словно поправляя резкость на каком-то невообразимо огромном стереоэкране объемного гравивизора,

перед ним вдруг развернулся неопиcуемый ландшафт неизвестной, но сказочно красивой планеты.

Странно, но все это как-будто бы он уже видел где-то. Но где? Где?! И вдруг вспомнил – во сне. Конечно же, во сне! Совсем недавно! Перед той злополучной метеоритной атакой!..

Ленц почти не чувствовал своего тела, но отчетливо понимал, что это не сон, не бред, и что все происходящее с ним – несомненно результат чьей-то сильной, целенаправленной воли. Он попытался шагнуть, однако вместо этого его сверхлегкое, невидимое тело понеслось куда-то вверх, сквозь оранжево-синее, бездонное небо с лениво плывущими где-то вдалеке желто-голубыми барашками облаков. Вокруг парящего над загадочной планетой Ленца весело резвились большие и малые стайки невиданных расцветок птиц, а внизу – величественно проплывали массивы диковинного красно-зеленого леса, среди которого стремительно неслись змейки бурлящих фиолетово-бордовых рек; захватывающе поблескивали в радужных лучах двойного солнца огромные разливы изумрудно-чистых морей и океанов... И вдруг его обостренный взгляд отчетливо уловил искусные, гармонично вписанные в эту завораживающую, чарующую глаз картину нагромождения каких-то причудливых, фантастических сооружений и построений. Да, пред глазами землянина развернулась величественная архитектура иного, пока не разгаданного, но, – Ленц почему-то был абсолютно уверен в этом! – могучего и прекрасного разума.

Сколько времени продолжалось это удивительное парение в безбрежном океане света и красок, космолетчик не знал, однако вскоре стал постепенно ощущать свои ноги, а затем – и грунт под ними. И в этот момент он услышал где-то далеко, вернее очень глубоко в себе, тихий, но властный голос. Даже не голос – просто самозарождающуюся, свободно текущую, удивительно ясную мысль. Мысль – стон. Мысль – откровение. Мысль – песню. Но не свою – чужую.

Ленц вздрогнул, но не пошевелился; он продолжал стоять на месте, сжав кулаки до ломоты в пальцах и обостренно чувствуя в своей правой руке легкое пульсирующее покалывание, идущее от крепко зажатого в ладони матово-красного шарика.

«...Я биокодированный автомат, – исходило откуда-то из недр его возбужденного мозга. – Геношифр, заложенный моими создателями, должен проснуться только вблизи тела, обла-

дающего разумом, и непосредственно в поле действия одного из составных родного носителя... Разум уходит из их оболочки. Они гибнут. Мне поручено поведать о трагедии этой цивилизации, если один из многочисленных геношифров, разбросанных во всей этой несчастной планете, когда-нибудь сможет попасть в зону действия иного разума. Вероятность такого случая ничтожно мала, но если это все же произойдет, то, скорее всего, разум уже навсегда покинет наших создателей. Поэтому я буду говорить от их имени...

... Будьте осторожны! Эта планета порождает монстров, а точнее – фантомов, материализованных фантомов-двойников, которые могут стать реальной угрозой Вашему Миру. Берегитесь!.. Они очень опасны при непосредственной близости. Однако при значительных расстояниях, отделяющих этих материализованных планетой двойников от своих реальных прототипов, они, как правило, самораспадаются. Учтите это!.. Особенно опасайтесь стать их пленниками! Это может принести неисчислимы бедствия Вашей Цивилизации! Будьте осторожны!..

...Мы были могущественны. Природа дала нам многое. Способ нашего мышления был основан на методе внешней материализации образов. На этом и строилась работа нашего мозга. Однако, как это ни странно, данное обстоятельство и явилось основной причиной нашего увядания и постепенной гибели. Нам все доставалось легко. Стоило только захотеть – и возникали из ничего города, заводы, машины. Прилагая лишь небольшое, почти незаметное усилие, мы совершенствовали их. И вскоре добились того, что даже эту мизерную работу за нас стали делать автоматы, которые мгновенно создавали все блага для нашей цивилизации. Наука и техника заменились дешевым волшебством, а искусство и творчество – бездуховностью. Мы пресытились. Хотя и покорили все планеты своей системы и продолжали покорять соседние звездные миры... Материализуя каждый раз увиденное, мы не знали, что забираем из окружающего нас пространства и из своего внутреннего мира, а точнее, из физического тела, небольшую, но существенную его часть. А именно – квант внутримолекулярной биоэнергии живой клетки и одну из составных гравитационного поля планеты. Пойми мы это сразу – ничего плохого бы не произошло. Ведь наши далекие, еще неразумные предки инстинктивно пополняли взятое у природы вещество, неосознанно материализуя определенную ее

часть, из которой потом мир и их физические тела черпали недостающие им звенья. Мы же все ненужное превращали в песок. Так было удобнее, быстрее. Зачем было утруждать себя? Ведь мы же считали свой род избранным. Чуть ли ни Божественным! Как же – материализуя увиденное, а потом сопоставляя его, мы легко, без особых усилий понимали и познавали окружающий нас мир. Однако упорно старались не замечать очевидного – чем больше забирали так необходимого ему вещества, тем больше он изменялся и тем больше изменялись мы сами. И все в худшую сторону. Не понимали, – не хотели понимать! – что с каждым разом он уходил от нас все дальше и дальше, – от подлинной реальности, от подлинной действительности! – и в конце концов был ввергнут нами в пропасть, в бездну!..

...Скоро, совсем скоро все исчезнет, превратится в прах. Также скоро погибнет и наша планета. Ее гравитационное поле стремительно падает, и уже достигло критической отметки. Останутся лишь сторожевые автоматы в окрестностях нашей системы, которые еще долго будут функционировать, предохраняя от случайной гибели давно превращенные в межзвездную пыль галактические корабли. Ведь для энергетического питания их биоавтоматики достаточно всего лишь небольшой дозы излучения родных светил...

...Как в искривленном кристалле мы видели свой мир – и погубили его. Простите нас!..»

Голос ушел, постепенно утихая и оставляя неудержимую тоску и печаль в душе Ленца. Он повернул голову – и увидел Андрея, стоявшего неподалеку и озабоченно наблюдавшего за ним. Штурман потоптался еще немного на месте, проводил взглядом уходящий от него «волчок» и не спеша поплелся к своему товарищу.

Когда до Андрея оставалось всего каких-то несколько шагов, Ленц вдруг заметил, что командир почему-то задрал голову круто вверх и напряженно что-то там высматривает. Штурман тоже было собрался последовать его примеру и взглянуть – чего он там такого интересного обнаружил, как слуховые датчики его полеоскафандра неожиданно уловили какой-то странный и одновременно удивительно знакомый звук.

Ленц резко вскинул голову к небу – над ним, мерно покачивая своими тоненькими треугольными крыльями и пискляво завывая антигравитационными установками, висел их собственный планетобот-шлюпка.

– Это двойник!.. – тотчас раздался измененный до неузнаваемости голос Андрея. – Берегись! – И командир резко рванулся навстречу своему штурману.

Услышав это, Ленд импульсивно кинулся в сторону, но затем мгновенно вернулся назад, в два прыжка подскочил к Андрею, и они вместе, не оглядываясь, понеслись к своему звездолету. Ноги то и дело предательски вязли в сыпучем, рыхлом песку; беглецы спотыкались, падали, однако все же довольно быстро продвигались к заветной цели, а точнее – к тому единственному сейчас на планете месту, где бы они могли себя почувствовать в более-менее относительной безопасности. Но когда до дот-дома оставался какой-то десяток метров, их неожиданно сковала какая-то цепкая, будто клещи, и тягучая, словно резина, невидимая сила.

Ленд споткнулся, упал на колени, но потом все же кое-как, через силу поднялся и, стараясь разорвать вдруг отяжелевшими руками эту почти неуловимую для глаз, однако прочную, как сталь, пружинистую паутину, отчаянно прокричал, бешено ругаясь и бранясь:

– Сволочи безмозглые!.. Черти бестелесые!.. Подонки паршивые!.. Поймали как несмышленишкой!.. Как котят!.. Сволочи!..

– Успокойся, штурман, – Ленц резко оглянулся – Андрей сидел рядом на корточках и отсутствующим взглядом упирался себе под ноги. – Грависеть не только руками, но и лучом флазера не разорвать. Тут, дружище, нужно что-то другое... – И поднял на Ленца удивительно спокойные глаза.

– Да ты!.. ты понимаешь?!.. Ты понимаешь в какое дерьмо мы вляпались?!.. – выпалил он задыхаясь, с яростью. И быстро, на одном дыхании, то и дело сбиваясь, пересказал ему вкратце то, о чем только что узнал.

– Так, значит, вот в чем дело... – Скулы у командира всплеснулись желваками; он не торопясь поднялся на ноги, выпрямился, словно потягиваясь, во весь рост и пристально посмотрел на своего товарища, продолжавшего все так же стоять перед ним с безумно сверкающими глазами и туго сжатыми кулаками. – В первую очередь – спокойствие, штурман, спокойствие... Без паники. Ясно? – И легонько, по-товарищески, похлопал того по плечу.

Ленц вздрогнул – и тотчас как будто бы очнулся от какого-то дьявольского наваждения. Он тяжело выдохнул и хрипло обронил:

– Уже... уже спокоен, командир. Спокоен.

– Вот и отлично... Хочется им этого или нет, но теперь мы с тобой не только извозчики, а еще и десантники. Так сказать, новоиспеченные космические драйверы. Хотя и ни черта в этом деле не смыслим... – Помолчал, с тревогой поглядывая на висящий над их макушками бот, и полюбопытствовал, кривясь и вздыхая: – И все же, какого дьявола им от нас нужно, а?

Ленд дернул плечами и буркнул:

– Мне кажется одного – координат Земли.

– Думаешь, они этого не знают? – И вновь покосился на бот.

– Ну, если допустить, что эти чертовы отродья копируют только самые грубые, самые низменные, если так можно выразиться, психические процессы нашего мозга, нашего организма, то это вполне допустимо.

– Ну, нет. – Андрей поджал губы. – Ты что-то не то говоришь, Ленц, не то... Ведь информация о координатах Земли – это самая что ни на есть обыкновенная, деловая информация. И скопировать ее с нашего мозга проще простого!..

– И все же, думаю, она пока относится к более тонкой материи, дорогой мой начальник.

– Это почему же? – Командир скривил щеку и перевел свои настроенные глаза с бот-шлюпки на Ленца.

– Потому что она, полагаю, еще не перешла в разряд, так сказать, «рефлексных» знаний... Вот ты мне скажи, скажи сразу, сейчас, не раздумывая, не вспоминая, с точностью до сотых, тысячных, сетку этих координат? – И уперся вопросительным взглядом в своего замешкавшегося командира.

– Н... ну... это...

– Вот именно – ну, это, – уже улыбаясь, перебил его штурман. – Сразу хрен вспомнишь – нужно время. А это значит, что данная информация еще не осела, не закрепилась рефлексно. Ясно, уважаемый мой командир? – И теперь уже он коснулся рукой плеча Андрея.

Тот мотнул головой и восхищенно заметил:

– Молодец! Признаюсь, не знал, что мой штурман еще и превосходный психофизиолог!.. Молодец!

– Стараюсь, командир, стараюсь, – шутливо отозвался Ленц. Но глаза его оставались серьезными, настроенными.

Грависеть по-прежнему поблескивала на солнце завихрениями мелких камушков и пылеподобных образований, отлетающих от беспрерывно бегающих рядом шустро-беспокой-

ных «волчков». А пленники продолжали мерно утаптывать своими тяжелыми галактфлотскими ботинками рыхлый вязкий песок вдоль невидимой преграды спрессованного гиперполя, периодически, неустанно, бросая когда настороженные, когда откровенно ненавистные, а когда и просто любопытные взгляды на маячившую сверху космическую бот-шлюпку.

Командир неожиданно остановился, зло сверкнул глазами – и вдруг со всей силы саданул кулаком по прозрачным нитям грависети. Рука пружинисто отпрянула назад – и он хрипло выругался:

– Безмозглые кретины!.. В кошмарном сне такое не привидется!.. Стать пленниками самих себя! Идиотизм, да и только!..

– Зато будет о чем потрепаться в кругу друзей, – тут же съязвил Ленц и, криво улыбаясь, прибавил: – Особенно среди своих подружек...

Андрей дернул щекой, покачал головой, а затем сердито заметил:

– Расскажем... конечно... если сумеем выкарабкаться из этого, как ты изволил недавно выразиться, дерьма! – И шумно выдохнув, спросил, разводя руками: – И все же интересно: что они могут предпринять, а?

– Допрос с пристрастием, – тотчас отозвался Ленц, невесело усмехаясь.

– Именно этого я и боюсь! – Андрей поджал губы и тряхнул головой.

– Боишься?.. Почему, командир? – Ленц даже приостановился, удивленно взглянув на товарища. – Страшишься пыток, да?

– Не то слово, штурман, не то... А боюсь я другого – увидеть себя таким, каким не хотел бы когда-нибудь стать...

– Ну-у, братец, – великодушно протянул Ленц. – Таким ты не будешь, нет. Таким ты смог бы стать, этак, тысяч несколько лет тому назад. Не меньше. Так что бояться не стоит, командир, не стоит...

– Ты хочешь сказать, что пытать меня будет совсем другой человек? – казалось, вполне серьезно поинтересовался Андрей. – Не я – тепершний? Так?

– По-моему, так. А если серьезно – что будем делать, командир? – Ленц снова приостановился и внимательно посмотрел на Андрея.

– А ты что предлагаешь? – неожиданно резко, со злостью, бросил тот ему в лицо.

Ленц потупился, опустил голову, потом тихо пробормотал, пожимая плечами:

– Наверное, ждать...

Командир тяжело выдохнул, рьяно потискал ладонями виски, затем подошел почти вплотную к своему штурману, положил руку ему на плечо и, как бы оправдываясь за свою вспыльчивость, проговорил уже вполне спокойно:

– Вот и я то же самое предлагаю – ждать, дожидаться подходящего момента. А там посмотрим чья возьмет... – И встретившись с глазами друга, ободряюще ему улыбнулся.

В этот момент бот слегка взвизгнул, чуть развернулся, немного отлетел в сторону, покачал крыльями, словно приветствуя пленников, потом резко опустился вниз, повисел немного, примерно в метре от земли, и осторожно коснулся своими широкими круглыми шасси рыхлого, блестящего на солнце песка.

Наверное, минуты три все было тихо и спокойно. Дверь космической шлюпки не отворялась, в иллюминаторах де проглядывалось ничего, все словно замерло. В ожидании чего-то. Чего?..

Андрей проскрежетал зубами, тряхнул головой, нетерпеливо переступил с ноги на ногу и обеспокоенно обронил:

– Ну чего они там тянут, нелюди...

– Не торопись, командир, не торопись, – хмурясь, буркнул Ленц, – еще надоедят, погоди... Однако сам тоже не отводил глаз от шлюпки.

Наконец люк скрипнул и приоткрылся. Лестница-сходни автоматически соскользнула вниз и коснулась песка. На минуту-другую опять все стихло, затем – осторожно, боязливо – показалась сначала голова, а потом и вся фигура чужака. Вокруг его чуть ссутулившегося тела отчетливо просматривалась колышущаяся в лучах жаркого знойного светила тонкая, прозрачная, но крепкая, как броня, пленка полеоскафандра. Он настороженно повертел головой по сторонам, чуть повременил, а потом вдруг спрыгнул прямо с люка на песок, не касаясь сходней. Второй же призрак – наоборот, сначала вытянул вперед ногу, осторожно попробовал на прочность ступеньку на лестнице, а уж после живо сбежал по ней вниз и, казалось, уверенно шагнул на рыхлый горячий грунт этой странной, непостижимой человеческому разуму планеты.

Они стали почти рядом друг с другом и – замерли, оставив на своих земных прототипов холодные равнодушные глаза. Затем одни из них что-то быстро проговорил другому и не спеша, вразвалочку, направился к пленникам.

Когда он остановился возле невидимой преграды и, переминаясь с ноги на ногу, сначала что-то проманипулировал правой рукой у себя на боку, – по-видимому, убирая часть защитного слоя полеоскафандра, – а потом принялся доставать из нижнего кармана комбинезона какой-то небольшой продолговатый предмет, довольно-таки сильно смахивающий на обыкновенную медную трубочку, Андрей почти интуитивно, – по походке, жестам и по другим не поддающимся осмыслению признакам, – догадался, что это его двойник. Хотя и ни разу не взглянул тому в лицо. То ли не решаясь, то ли просто забыл, отвлекся, полностью сосредоточившись лишь на одном – на движениях рук и ног этого, казалось, совсем обычного и ничем не примечательного существа в облике простого земного космолетчика.

И лишь сейчас, как бы спохватившись, командир посмотрел своему двойнику прямо в глаза – и у Андрея оборвалось все внутри: «Господи, неужели у меня может быть такая отвратительная рожа?!» Он брезгливо передернул плечами, перекосил лицо и, опустив голову, отступил назад.

Призрак же наоборот, подошел еще ближе и обвел держащей в руке трубкой небольшой круг впереди себя, примерно на уровне своей груди.

«Нейтрализатор грависети!» – тут же пронеслось у Ленца в голове; он быстро глянул на Андрея и тоже отступил назад, ближе к товарищу.

Между тем фантом-двойник командира нагнулся и что-то коротко бросил в невидимую дыру.

Пленники недоуменно переглянулись. Затем Ленц вполголоса проговорил, вопросительно вздернув брови на Андрея:

– Чего он там такое прокалякал, а? Икур – что это?..

– По-моему... по-моему, руки, – тихо пробормотал тот, – если прочитать наоборот...

Ленц нахмурился, снова посмотрел на своего также помрачневшего друга и хрипло обронил:

– Кажется, влипли основательно... Что будем делать, командир?

– Нужно подчиниться, – простужено отозвался Андрей чуть погодя и, тяжело вздохнув, добавил: – Другого выхода у

нас пока нету... – Немного поразмышлял, нервно покусывая нижнюю губу, затем решительно шагнул вперед и резко сунул правую руку в нейтрализованное чрево грависети. Двойник тотчас схватил кисть командира, быстро обвел вокруг нее своей трубкой, – по-видимому, нейтрализуя пленку гиперполя скафандра, – и тут же что-то выхватил из своего бокового кармана. Раздался легкий щелчок – и на запястье Андрея сразу же засверкал золотом тоненький миниатюрный браслет-гипнопарализатор. Тело космонавтика вмиг обмякло, взгляд потух; он опустил голову и отошел в сторону.

– Ыт! – донесся до слуха Ленца так хорошо ему знакомый голос друга. Но это был голос чужака. Даже больше – врага. И поэтому он продолжал стоять на месте, лихорадочно соображая, что ему предпринять. Нужно было что-то делать. Сейчас! Немедленно! Иначе будет поздно! Поздно!! И он вдруг вспомнил. Вспомнил! Ведь у него же в кармане лежит...

И в этот момент вновь угрожающее раздалось:

– Ыт! – И тут же, следом, он неожиданно услышал: – Ты... ты!.. Ж... живе... е!.. – Ленц удивленно вскинул голову и округлил глаза: «Вот те раз!.. Это что-то новенькое! Они уже начинают калякать нормально, по-человечески!.. По-видимому, котелки у них не такие уж примитивные, как мы думали... Нужно быть начеку!»

Штурман еще секунду-другую потоптался на месте, потом нервным выпадом руки провел ладонью по губам, судорожно сглотнул что-то, а уже после совершенно спокойно подошел к фантому и сунул тому свою руку. Вскоре на его запястье закрутился точно такой же, как и у командира, браслет.

Когда их вывели из-под грависети, а затем посадили в бот-шлюпку, и они, поднявшись метров на двадцать в воздух, куда-то не спеша полетели, Ленц чуть было не выдал себя. Его глаза так и полезли из орбит – в салоне бот-шлюпки было еще, наверное, с дюжину точно таких же, как и тех первых, двойников-бандюг.

– Дело швах!.. – пробормотал изумленно штурман, и быстрым, незаметным движением руки дотронулся до правого локтя Андрея, нашел там кнопку мгновенного снятия полеоскафандра на этой части тела, осторожно надавил на нее, спешно расстегнул застежку на его браслете, вновь включил защитное поле скафандра и замер как ни в чем не бывало.

Сначала по телу Андрея пробежали мелкие судороги, затем он сильно дернулся, захлопал ресницами, потом закрыл

глаза – и тотчас вновь открыл их, и уже вполне осознанно посмотрел на своего штурмана.

– Осторожно, командир!.. – тут же шепнул ему на ухо Ленц и, стараясь прикрыть своей ладонью его запястье, так же тихо, почти не шевеля губами, проговорил: – Смотри, командир, их здесь целая шайка! Просто жуть!..

– Но как ты сумел?! – Он ошеломленно зыркнул на друга и онемело прикрыл рот. – Как ты сумел их снять... эти... эти чертовы браслеты?!

– Да вот сумел, патрон, сумел... вернее, успел. Успел проглотить ампулу противогипнодия! Помнишь, на рудниках планеты Игрек-2 нам давали их как единственную защиту от растущих там сплошь и рядом хищных гипнорастений?.. – И озорно сверкнул глазами. – Нужно что-то предпринимать, командир! Немедленно! Пока нас снова не захомутали!.. Слушай, а они не так просты, эти двойники-пройдохи. Уже по нашему базарят. Только заикаются. Заики драные!..

Андрей поиграл желваками, покосился на спины своих пленителей и вполголоса проронил:

– Оружие у нас, конечно, забрали. Так? – И глянул на штурмана.

– Забрали... Выгребли все, до последнего разрядника!

– Нужно его достать... достать во что бы то ни стало! Смотри!.. – И Андрей еле заметным движением головы показал на проем соседней двери. А там, в правом отсеке шлюпки, неподалеку от пульта управления, спиной к ним, сидел один из двойников. Его полеоскафандр, кстати, как и у большинства других, почему-то не был включен. А рукоятка флазера в его кобуре так и умоляла – выхвати меня и пальни!

Ленц осторожно поводил глазами по сторонам, чуть приподнялся – и резко бросился вперед. Удар ребром ладони по шее своего двойника пришелся точно. Тот дернулся и кулем повалился набок. А в руках Андрея уже был его флазер, дуло которого тотчас было наведено на обернувшихся в их сторону и замерших от удивления призраков.

Командир неистово жал на курок этого грозного оружия, но – смертельных разрядов не следовало. Неожиданно флазер обмяк, сделался ватным, воздушным и... вдруг осыпался обыкновенным желто-красноватым песком.

Андрей зло чертыхнулся, отчаянно проскрежетал зубами и что есть силы саданул носком ботинка небольшой бугорок камушков, тут же возникший прямо у него под ногами. Ко-

мандир и его штурман не могли знать, что любой, даже самый хитроумный, самый невероятный по сложности прибор, механизм или обыкновенный предмет, да и вообще, любое вещество, любое материальное тело, – будь оно живое или неживое, – но которое непосредственно соприкасалось с телом фантома во время его материализации и было намного меньше по своей массе, мгновенно исчезало, превращалось в обыкновенный песок, если отдалялись от него на некоторое расстояние. Ибо этот материальный объект лишался питательной среды, а точнее – энергии своего более мощного собрата-призрака. Не исчезали лишь сами двойники, хоть и удалялись от своего родного звездолета на значительные расстояния. Так как обладали хоть и примитивным, но – разумом. Именно он – разум – механически, вернее, подсознательно и включал здесь, на планете, те внешние энергетические силы, которые вырабатывались тут веками, тысячелетиями, самой природой. И именно они эти силы, теперь позволяли этим жестоким бездушным фантомам-двойникам спокойно существовать и здравствовать здесь, на планете. Но если бы они вдруг вздумали покинуть свой родной мир, например, уйти в космос, то им бы наверняка пришлось пополнять свои быстро иссякающие силы уже как вампирам, а точнее, биовампирам – за счет жизненной энергии своих земных прототипов. Но для этого последние должны были всегда находиться рядом, поблизости.

Могли знать обо всем этом сами призраки? Можно было только догадываться. Космолетчики же этого точно не знали – и поэтому на миг остолбенели. Чего было вполне достаточно, чтобы их тут же скрутили и повязали. Но теперь уже по-старинному – тонким прочным жгутом руки за спиной.

– Ш... шустрые г... гады... – неожиданно громко и вполне понятно подытожил один из двойников голосом Ленца. – Э... зачем они н... нам, а? К... координаты их м... мира м... мы з... знаем... З... зачем?..

Услышав это, пленники обомлели. Им все известно! Все! Господи!!.

Между тем послышался другой – грубый, хрипловатый, почти как у Андрея голос:

– С... старший г... говорит... п... пусть ж... живут... п... пригодятся... Н... надень-к... ка п... попрочнее им б... браслеты... п... пусть отключатся...

На запястьях космолетчиков вновь замкнулись золотые обручи. Тело Андрея вмиг обмякло. Одному Ленцу пришлось имитировать выключение своих высших функций, – к неопишуемой радости для себя он почувствовал, что разум его остается по-прежнему ясным, а сознание чистым. Ампула все еще действует! Действует!.. Значит, у них еще есть шанс! Есть!! И тут же с горечью и обидой уточнил: «Вернее, не у них – у нашего Мира. У нашей Земли. Родной и милой Земли!.. Но что... что предпринять?!»

Ленц осторожно перевернулся на спину и чуть-чуть приподнялся, – все было спокойно, и на него пока не обращали никакого внимания. В это время шлюпка плавно пошла вниз. «Они садятся, – тут же пронеслось у него в мозгу. – Садятся возле своего звездолета... Сейчас – или никогда! Прости, командир, ты поступил бы точно так же!..» И изогнувшись всем телом, что есть силы саданул своим мощным тупым носком ботинка по отполированной до блеска и непрерывно помигивающей оранжево-синенькими огоньками панели контрольного пульта управления.

Раздался сильный грохот, треск, послышались отчаянные вопли призраков, завывла сирена, салон заполнился веером огненных искр; бот-шлюпку потрянуло, а затем резко перевернуло – и она камнем полетела вниз. Ярко-красное зарево взрыва еще долго не угасало над барханами безжизненной пустыни...

... Сознание возвращалось медленно, мучительно – с болью, судорогами. Наконец Ленц почувствовал руки и ноги; он пошевелил ими – и тотчас жгучая боль пронзила его с головы до ног. Штурман застонал, но не потерял сознания. Он вновь попытался пошевелить руками – и снова боль колко прошлась вдоль поясицы. Однако теперь уже более-менее терпимая. И только сейчас он сумел понять и, наконец, осознать своей больной и гудящей словно огромная пустая бочка на вольном степном ветру башкой, что он – он не умер. Он – живой. Живой!.. И – у него развязаны руки! Почему? Почему?!

Ленц резко потрянул головой, после с силой оперся на ладони и приподнялся. Песок почти наполовину закрывал его ноги. Он быстро подтянул их к себе, встал на колени, а затем – во весь рост. Голова сразу же закружилась – но он устоял. Не упал – лишь качнулся. И тут вдруг заметил неподалеку от себя небольшой, однако чем-то странный бугорок неестест-

венной конфигурации. Ленц бросился к нему и неистово заработал руками, спешно разгребая песок в стороны.

Андрей лежал лицом вниз. Ленц осторожно перевернул его на спину – и встретился с холодным равнодушным взглядом командира. Штурман быстро перевел глаза на запястье друга – там по-прежнему виднелся тот чертов гипнопарализатор. Он тотчас отключил с его руки защитное поле, содрал браслет, отшвырнул его в сторону, вновь включил полеоскафандр, – и Андрей сразу же застонал, прикрыв глаза. Но ту же вновь открыл их и, увидев склонившегося над ним товарища, почти одними губами пробормотал:

– Ленц, дружище... где мы?

– Все в порядке, командир! Мы живы! Мы уцелели!.. Нам снова помогли! Слышишь – помогли!..

– А где эти... эти обезьяны? – Андрей уже сам приподнялся и с тревогой поглядывал по сторонам.

– Их нет, Андрюха! Нет!.. От них вот что осталось! – И, счастливо улыбаясь, поддел с размаху горсть песка.

Только к вечеру, когда двойное светило планеты уже скрылось за горизонтом, они кое-как добрались до своего дот-дома. Тусклые точки далеких созвездий только-только появились на небе, и хотя космолетчики страшно устали, хотелось безумно пить, их желудки сводило от голода, они враз, не сговариваясь, остановились и почему-то посмотрели вверх – пристально, настороженно. Что они хотели там увидеть? Может – родное Солнце? Милую, дорогую, бесценную для них Землю? Наверное... Но увидели они там другое – взлет межзвездного галактического лайнера.

– Они уцелели?!.. – почти одновременно выдавили изумленные космолетчики. – Нужно догнать! Немедленно! Во что бы то ни стало!.. – И ринулись было к своему звездолету. Но сделав всего лишь несколько порывистых шагов, вдруг остановились, вопросительно посмотрели друг на друга и снова задрали головы вверх.

И именно в это время по небосводу пронесся искристый веер подобия мелких метеоритов. Космолетчики облегченно вздохнули, вновь глянули друг на друга, неожиданно помрачнели и, опустив головы, не торопясь направились к своему дот-дому.

Стартовали через двое суток, в полдень, молча, предварительно оставив на планете несколько наблюдательных зондов-маяков, а также пополнив свой скудный запас гравитоплива –

благо, окружающий их песок содержал почти семьдесят процентов кристаллосодержащих веществ, и был вполне пригоден для энергоаккумулирующей аннигиляции.

Когда планета на огромном боковом экране видеозобра превратилась в маленькую круглую плешину, Андрей наконец нарушил молчание:

– Нужно связаться с Землей. – И повернулся к Ленцу. Штурман сдержанно кивнул, коротко буркнув:

– Нужно. – Он вяло пожевал губами, деловито, не торопясь, оглядел помигивающие датчики бесчисленных приборов, покосился на, казалось, неучастную физиономию командира, шумно выдохнул и, словно на что-то решаясь, – на что-то нехорошее, нежелательное, о котором не хотелось сейчас думать, беспокоиться, – принялся быстро, спешно, будто наверстывая какое-то внезапно упущенное дело – очень важное, безумно срочное, бегать своими гибкими проворными пальцами по многочисленным рычажкам и кнопкам серебристой панели надпространственного приемопередатчика.

Через несколько минут на объемном стереоэкране гиперсвязи, к их немалому удивлению, появилось обеспокоенное лицо Вадима Кострова. Помощник начальника смены Центра Галактической Параслужбы по психоанализу нахмурил брови и строго прогудел:

– Вы куда подевались, звездные бродяги? Почему сразу же после посадки не вышли на прямую связь?

Но вместо ответа командир неожиданно ошарашил его вопросом, который неустанно их мучил в последние дни и часы перед стартом, но о котором спрашивать даже друг друга они не решались.

– Что с Землей?

– С Землей? – удивленно Вадим и подозрительно прищурился. – С Землей все в порядке – творит, здоровствует... А с вами? – И увидев, как разгладились их напряженные, усталые лица, засветились радостью глаза, тронулись скупой улыбкой плотно сжатые губы, проворчал беззлобно: – Они еще и лыбятся, черти полосатые... Считайте, что по строгачу схлопотали!

Но что им было по какому-то там строгачу, по какому-то там выговору, если их земля – их родная Земля! – творит и здоровствует?

Виктор Берсенев

Долина кворгов

Фантастический рассказ

Обычно ко дню Ожившего Духа готовились загодя, поджидая его со все возрастающим нетерпением. Но в этот раз ничто не напоминало о предстоящем торжестве. Вторую неделю над долиной зудел рассерженным насекомым мелкий дождь, по мокрым улицам бродили одинокие, обвисшие тени кворгов.

Все с тревогой ждали первого осторожного грома, корневой вспышки молнии над горами. Истинная причина несчастья была известна. Виновный предстанет перед Милостивым, но вернуться ли в долину грозы никто не знал.

Обреченный Град сидел в своем доме и прислушивался к бульканью стекавшей по стенам воды. Только теперь он осознал, что натворил. С большим опозданием пришло раскаяние. Ничего не найдя в свое оправдание, он сжался в комок в углу и стал ждать в глухом отчаянии расплаты за содеянное.

В бесконечно холодном космосе вгрызались в пространство, ревя маршевыми двигателями, «Звездная черепаха» капитана Шелли. Его звездолет класса НЦ-288, проданный с действующего флота в частное пользование, совершал коммерческий рейс к планетной системе Б-6 в созвездии Атракса. Так было записано в декларации и бортовом журнале. Капитан связывал с ним много надежд, в частности – поправление кредитов в банках федерации. Последнее время неудачи преследовали его, и только мужество и твердость характера помогли капитану стойко сносить удары судьбы. Однако недавняя трагедия грозила ему банкротством. Сбой в работе старенького компьютера привел к ошибке в расчете нуль-перехо-

да, и звездолет разгерметизировался, пройдя сквозь метеоритный поток. Экипаж погиб. Шелли с Аяксом чудом остались в живых, благодаря старомодной привычке держать скафандры в каюте. Из отсеков вылетел воздух, и мгновенно застывшая команда корабля была немым свидетелем работы командира. Несмотря ни на что, он привел раненый корабль на промежуточную станцию Алитао. На «Звездную черепаху» тяжело было смотреть. Но надо знать Шелли, работая до изнеможения, засыпая в отсеках, он восстановил свою любимицу.

Район, куда направлялся Шелли, был мало изучен. Именно его удаленность от обычных маршрутов патрульных крейсеров Звездной федерации позволяла осуществить задуманное. Этот рейс был последней надеждой поправить дела.

В далеком прошлом капитаны парусников на древней Земле, отправляясь к неведомым землям, набивали трюмы кораблей дешевыми побрякушками для неискушенных туземцев. Сейчас, во время космических полетов к мерцающим звездам и туманностям, в эру Великого Объединения обладателей нуля-перехода, капитаны коммерческого флота везли в грузовых отсеках не цивилизованный шлак с планет федерации, а ее техническую мощь.

Объединившиеся свободные миры отрывались в своем развитии все дальше и дальше от разрозненных, страдающих сепаратизмом планет. Ученые разрабатывали все новые и новые проекты, совершали открытия, невозможные для какой-нибудь одной планеты.

Шелли опустошил все банковские счета, чтобы установить на «Черепахе» компьютер-матку нового поколения. Все, что у него было, он продал и заложил за Клио-777 – надежду и залог будущего богатства.

Вновь набранный экипаж его вполне устраивал, если не брать во внимание одно обстоятельство. Собранный из случайных людей, он представлял собой взведенную пружину, грозящую выстрелить взбунтовавшимися кольцами в самый неподходящий момент.

На границе освоенного космоса, у двойной звезды Наполеон, зачислили в экипаж врача и механика, высаженных с пассажирского лайнера за недостойное поведение. И хотя ссора давно разгладилась свои складки, на борт их не брали. Капитаны народ суеверный, тем более никто не хотел неприятностей. Шелли, ограниченный во времени и привыкший наде-

яться только на себя, без колебаний заполнил регистрационный файл.

Найти хорошего оператора дело трудное, многие сами отказывались, узнав на каком аппарате придется работать. Шелли уже решил отправиться к центру, когда на Фантанблу в рубку поднялся парень с уранового рудовоза, он с нежностью провел по пульсирующему огнями пульта. Как заядлые лошадиники похлопывают ладонью особенно понравившихся рысаков с любовью и влагой в глазах, так Авдий ласкал вороненый пластик Клио-777, чувствуя под пальцами его небывалую мощь. Они казались братьями: черная громада биокомпьютера и крупный, уверенный в себе Авдий. Шелли сразу понял, что парень давно искал подобного напарника. И вот встреча состоялась.

Фантанблу – отчаянное захолустье федерации, славилось грязным космопортом, располневшими колонистками и барами. Экипаж, отмечавший отлет, и не заметил, как стал на одного человека больше, его обнаружили за десять минут до броска в суперпространство мертвецки пьяным. Так был зачислен в экипаж ученый по отдаленным цивилизациям Геден.

Приемный сын Шелли Аякс быстро привязался к болтливому гуманитария. Двести суток находился мальчик на «Звездной черепахе». Его подобрали на Фалькороа. Взорвавшийся реактор превратил обжитую зону в одну большую воронку. Корабль Шелли одним из первых спустился в район катастрофы. Мальчика нашли на вторые сутки в спасательной капсуле.

Наконец космолет вынырнул из суперпространства в созвездии Атракса и стал приближаться к багровой звезде Б-6. Полыхая протуберанцами, она плыла в окружении четырех планет, только вторая от нее имела атмосферу. Свинцово-серая с ярко-зеленым вкраплениями, она летела в загадочном мареве, словно пилигрим, укрывшийся от непогоды в тяжелый плащ с красным подбоем.

Авдий мрачно пошутил:

– Не планета, а застекленный киот со святыми мощами.

После нескольких витков вокруг Полигрима «Звездная черепаха» плюхнулась на окраине небольшого городка в высокую траву. Моросил дождь. Экипаж наблюдал невеселую картину. Капли воды скатывались с крупных, похожих на со-

сновые иглы листьев, вздрагивающих от срывающейся с них влаги. Вскоре на экранах заперестрели камни городских улиц. Разведзонд шел над строениями, ведомый биолокатором. Вверху картинки загорелся малиновый огонек. Как опытная борзая, машина шла на цель. Проникнув сквозь стену какого-то дома, она выдала полноценное изображение худого существа, сжавшегося в углу. Абориген с тупым безразличием смотрел на ручейки воды, струящиеся сквозь щели в кровле.

– Авдий, что говорит Клио о его структуре? – поинтересовался Шелли.

Клио-777 мог многое, но самая главная его функция заключалась в умении находить подходящие объемы. Как сейчас.

– Добро, – бросил со своего места оператор.

– Орест, Ферфакс, в шлюпку!

Аппарат исчез в надвигающемся тумане. Видимость стала отвратительной, инфракрасное излучение давало смазанное изображение. Над домом втянули зонд и зависли в нескольких метрах от входа.

Орест знаками предложил аборигену пойти с ним. Несмотря на то, что кворг был напуган необычным визитом, любопытство, извечный бич разумных существ, взяло верх, и он пошел с пришельцем.

Снятие голограммы с моральной стороны – дело грязное, но лиффы не пахнут, поговорка старая и проверенная уже не одним тысячелетием.

Всегда более передовая цивилизация использовала слабо-развитых в своих целях, не утруждая себя объяснениями. А если и раздавались осуждающие голоса, то всегда обосновывали свои действия высшими соображениями. Но этот случай выпадал из общего правила. Оправдать его было невозможно. Как невозможно принять и оправдать смерть человека. Именно поэтому Шелли досадливо поморщился, когда Орест повел кворга в медотсек. Даже врач, человек закаленный своей профессией и не испытывающий особой любви к туземцам, чувствовал себя неуютно. Авдий, заметивший натянутую улыбку Ореста, бросил:

– Вы что, прибыли сюда работать или расшаркиваться перед туземцами: мол, мы тут много нагадим, но, поверьте, нам так стыдно за это. – Он выругался сквозь зубы и защелкал кнопками.

В общем, сложностей особых не было усадить кворга и подключить к дезэлектрирующему контуру компьютера. Дальше Клио-777 знал что и как надо делать. После своеобразной операции с кресла вставал зомби, отличный исполнитель и неприхотливый слуга. Теперь он был кожурой от благодатной сердцевины. Когда-то ее называли душой, сущностью человека, но разве можно назвать душой голограмму жителя отдаленной, затерянной на задворках вселенной планеты? Это товар и довольно ценный. Граждане федерации научились торговать им почище сатаны. Состоятельные люди имели по несколько таких душ-голограмм, отчего их видение мира было шире и многограннее. Исключительная трудность создания второй души и баснословная стоимость сделали ее достоянием избранных. И уж в десятки раз дороже ценились голограммы из диковинных миров. Обладатели дополнительной души могли решать встающие перед ними задачи неожиданными, неординарными способами. Их никто не мог подслушать, скопировать – они были сродни гениям. Стоимость определялась редкостью. Вот для этого и купил Шелли Клио-777, только этот монстр Звездной федерацией мог доставать из обитателей подзвездных миров их души. Рожденный в пучине научной мысли компьютер Клио-777 был новым воплощением дьявола, посланным во искушение переросшей свои желания федерации Свободных миров.

Во всем деле добычи голограмм, кроме преступления закона, была еще одна тонкость. Снимать с мыслящего существа голограмму равносильно сдиранию заживо кожи, но она легко отделялась, когда владелец находился в наивысшей точке нервного напряжения, на грани отчаянного поступка или неслыханного злодейства. Последнее обстоятельство несколько смягчало безнравственность совершаемого, которое становилось милостью, избавлением для пострадавшего. Легкие угрызения совести уже не брались в расчет.

Когда было сделано открытие, многие бросились за легкой наживой, и, надо сказать, делали это по-пиратски. Подлетел корабль к облюбованной планете, бросал несколько трелиновых бомб, после чего собирал обезумевших туземцев. Тогда душа на рынке стоила немногим больше космояхты. Почуввав выгоду, правительство наложило на добычу свою тяжелую руку. Доходы от продажи потекли в банки метрополий. Решавшего посягнуть на монополию ждало обезличивание. Полиция федерации умела заставить нарушителей уважать

законы. И все же черный рынок работал, и находились отчаянные головы.

С кворга голограмма сошла довольно быстро, по-видимому, он перенес сильнейшее потрясение. Клио подал сигнал – дело сделано, зомби можно выпроваживать. Орест повел его к шлюпке, несмотря на предупреждение о предстоящей работе, он испытывал стыд, самый обыкновенный, архаичный, до дрожи в коленях неприятный. Привычным движением достал из кармана сигареты, надеясь в табачном дыму развеять угрызения совести. Привычка уравнивает всех: совестливых и бесчувственных, умных и глупых. Тлеющий огонек навел на мысль, что может и в этом новом для него деле поможет привычка.

Аякс вывел его из задумчивости:

– Орест, можно с тобой? Хочу посмотреть город, такой наверняка мог быть на Земле в Средние века.

– Давай, – кивнул врач.

Опустошенный Гард вяло двигался небольшими шагами, черты лица вытянулись, взгляд потух. Орест толкнул его в шлюпку, пытаясь грубостью скрыть смущение, и дал старт. Внешняя оболочка корабля звонко чмокнула, выпустив слабо светящийся пар.

Милостивый с утра ощущал неясную тревогу. Днем она обозначилась. Принесли известие: Гард исчез! Милостивый не хотел верить, Гард не мог сам уйти без посторонней помощи. Кто посмел! Правитель, сосредотачиваясь, стал мерить шагами тронный зал. Такого еще не было. Он чувствовал каждой клеткой старого мозга присутствие чужой, неведомой ему воли. Нужно во что бы то ни стало дотянуться до источника и взять под контроль.

Обдумав все, он приказал:

– Немедленно двух служителей с гвором к Гарду.

С башни сквозь мелькание дождя было видно, как служители вытащили из ближайшего дома гвора. Старший начертил в воздухе двойной знак, открыв короткую дорогу. Втроем они протолкнулись в упругую пелену и исчезли. Странные создания гворы обладали даром притягивать к себе окружающих. Правители издавна научились использовать эту особенность. Чары гворов на служителей не действовали. Вкусившие напитков наслаждения, они уже ничего не воспринимали, кроме воли своего властелина. Жили они недолго, зачастую умирали

так и не отведав питье во второй раз, зато весь свой недолгий век проживали со страстной мечтой-воспоминанием о пережитом наслаждении.

Орест осторожно вел шлюпку над городом. Как ни хотелось Аяксу рассмотреть его поближе, сумеречный, уходящий за горы свет и прячущийся в узких колодцах улиц туман не давали этого сделать. Впрочем, особой изощренностью архитектуры грубые, прямоугольные постройки не отличались. Пожалуй, только культовые сооружения поражали своей грандиозностью. Посреди огромных базальтовых глыб висели обтесанные блоки в десятки тонн весом. Гедеон успел рассказать об их назначении. Кворги разводили камни в стороны, клали на специальный постамент покойника и приводили механизм в движение. По представлениям туземцев, душу умершего надо вытряхивать из тела столь странным способом, в противном случае ей придется ждать, пока сгнившая плоть не отпустит ее. Диковинные сооружения работали не хуже паровых молотов, оставляя от покойников мокрое место. Подчас объяснения Гедеона содержали такие сравнения, что побуждали Аякса спрашивать и о них.

Кворга, в отличие от мальчика, уже ничего не интересовало. Он тупо смотрел в спину подростка, своим присутствием осуждая любознательность пришельца. Аяксу стало неловко от этой мысли, и он спросил:

– Орест, мы похожи на эллеров. Взяли все лучшее, а оставшееся выбросили. Зачем ему теперь жить?

Орест, покачив головой, стал объяснять:

– Ученые федерации бьются над загадкой души. Когда-то на Земле перед Великим Объединением люди воспринимали душу как данность, считали ее вечной и непостижимой. Сейчас мы научились ее использовать, и в этом нам помогают создания разума, такие как Клио-777. Недалек тот день, когда, познав все ее сокровенные тайны, мы шагнем к неизвестным пока вершинам познания. А это главное, для чего существует человечество.

Орест лгал, желая уберечь мальчика от правды. К тому же существование подобного объяснения давало возможность успокоить свое Я-идеалиста, которое с благодарностью примет любую ложь во спасение.

– Ну вот и его жилище. Отведи кворга. Мне что-то не хочется выходить под дождь.

Аякс вспыхнул от радости, ему редко доверяли самостоятельную работу.

Впустив кворга, Аякс оторопел от нескольких устремленных на него взглядов. Не готовый к подобной встрече инстинктивно закрыл за собой дверь. По правилам надо было уходить. Но Аякс, движимый мальчишеским самолюбием, медлил, еще он чувствовал, что виной его смущения является странное существо, от которого исходило дивное добродушие. Ничего не понимая, Аякс прошел в глубь помещения.

Заждавшийся Орест включил биолокатор и обмер. Мальчик сидел в окружении нескольких существ и внимательно слушал одного в сером капюшоне, похожим на монашеский, и, судя по выражению лица, понимал. От строения исходила сильная телепатическая волна.

– Шелли, ты слышишь, Шелли, – запросил врач, – Аякс под контролем местного телепата, источник очень сильный, я не могу войти.

Застигнутый врасплох известием, Шелли не растерялся:

– Орест, оставайся на месте. Высылаю Гедеона. Гедеон, срочно адаптируйте в голограмме кворга и вылетай.

– Капитан, на это уйдет не меньше тридцати минут, – встревожено сообщил ученый.

– Орест, смотри, чтобы они его не увели куда-нибудь. Пока ничего страшного.

Служитель сделал замысловатый знак рукой, и они прошли сквозь плотный поток воздуха. Замок, чуть видневшийся вдали, внезапно быстро вырос в размерах. «Наверное, смещение перспективы или искривление пространства», – подумал Аякс. Мозг лихорадочно искал выхода. Вот и ворота, сзади тяжело сомкнулись створки. С ним остался старший кворг. Они легко преодолели несколько этажей. Широкая лестница крутой спиралью пронизывала замок, теряясь где-то наверху. Со ступенек открывались взору коридоры, комнаты, залы. Казалось, здесь должна кипеть жизнь, сноваť слуги и служители, крутиться озабоченные и беззаботные придворные. Но пространство покоев угнетало пустотой, иногда из недр галерей раздавался протяжный свист, оканчивающийся громким медленным скрипом. Так звучит глубокий космос, когда корабль входит в суперпространство. Аяксу всегда казалось, что Вселенная стонет от боли, когда космолет разрывает своим металлическим телом ее живую плоть.

Провожатый с каждым этажом двигался тяжелее, его серый балахон тлел, становясь черным. Преодолевая ярус за ярусом, они поднимались все выше и выше. Конус лестницы уткнулся в последний коридор. Звук шагов многократно отскакивал от сводов. Кворг в очередной раз повернулся к Аяксу, и ужас сковал сердце мальчика. Лицо аборигена покрылось сетью глубоких морщин, из груди вырывалось хриплое дыхание загнанного животного. Распахнулись узкие двери, и кворг с грохотом рухнул на порог, конечности прорвали одеяние. В крайнем отчаянии, которое питало мужество подростка, Аякс двинулся дальше. От стрельчатого окна из отливающего синевой кресла поднялся старик с бездонными глазами без век и ресниц. В нем чувствовалась неимоверная сила, необъяснимая и в то же время реальная. И хотя Аякс был уверен, что Орест где-то рядом, а Шелли обязательно вытащит его отсюда, страх охватил все его существо, подавил волю.

– Зачем вы забрали Гарда? – отчетливо прозвучал в голове Аякса вопрос правителя.

– Мы изучаем ваш мир, — ответил Аякс.

– Ты узнаешь, как мы живем.

Обдав мальчика запахом тлена, старый кворг прошел к двери.

Милостивый наконец осознал степень опасности, нависшую над страной.

Уже несколько поколений кворгов жило в Долине Бушующих Гроз. Однажды придя сюда из пояса Алексы, они не покидали безопасного края. Хотя жизнь здесь была не многим легче, чем на прежней родине, тут не беспокоили набегами проклятые форры, притеснявшие кворгов за веру в освобождение души и странное, противоестественное сожительство с гворами.

Новая, необычайно соблазнительная для всех вера вторглась в жизнь племенных сообществ, жестоко истребляя сопротивляющихся. Кворга, чтобы уберечь своих богов, чтобы не раствориться среди других народов, ушли к окраине Пахучих лесов, в Долину Бушующих Гроз. Треть племени осталась лежать на горных тропах. И теперь, замкнувшись среди лесистых холмов и гор, они жили своей особенной жизнью. Боги назначали им правителей, которые поддерживали равновесие в природе. Стоило весам закачаться, как Милостивый отыскивал причину и устранял. Нечестивый Гард захотел обладать силой правителя и нарушил запрет. Только избранный богами

мог рвать стебли гаалы, чтобы стать бессмертным. Теперь наказание понесет все племя. Вот почему нет бури, вот почему пришли чужие. Покой долины охранял суеверный страх соседних племен перед бушующими в этом краю ураганами, после которых в горах долго бродят призраки-монстры, сводящие с ума чужаков.

Если грозы уйдут, появятся мстительные форры и разрушат храмы и святилища, убьют гворов, а с ними заберут жизни кворгов. Преступный Гард должен был вымолить прощение у богов. Но теперь, как он сможет это сделать, когда чужие отняли у него душу и этим обрекли долину на смерть.

Милостивый перебрал в своей голове обнаженными пальцами воли нити мыслей и, найдя нужную, вышел на площадку, устроенную среди зубцов главной башни.

Его хриплый голос сначала звучал тихо и мерно, словно заклинаниями он нащупал в пространстве дорогу к богам. Он просил защиты, предлагая невиданную цену. Чем громче становилась гортанная речь, тем более мрачнело небо, наливаясь гневом и болью. Вскоре над головой сердито проворчал первый гром, раскололи облачность молнии, Милостивый уже исступленно кричал, посылая все новые и новые проклятия на пришельцев. С городских окраин донесся стук погребальных камней.

По пустынным улицам, с шипением и треском натываясь на дома, сталкиваясь друг с другом, рассыпаясь снопами оранжево-зеленых искр, носились шаровые молнии.

Милостивый, не однажды наблюдавший разгул стихий, застыл в немом восхищении перед гневным пробуждением природы. Лицо правителя озарялось вспышками мертвенного света, вдохновенные глаза впитывали в себя красоту открывающегося могущества богов.

Готовясь к великой жертве, он хотел насладиться вселенской силой разрушения и созидания. Пройдет гроза. Пропитаются божественной энергией кворга, а почва влагой. Жизнь по-прежнему будет справлять свой праздник. Тут над замком выросла громада «Звездной черепахи». Ей приходилось идти на предельно низкой скорости, чтобы не снести двигателями городские постройки.

Разбушевавшийся ураган оборвал связь с Орестом. Всегда невозмутимый Шелли встревожено всматривался в экран, сцепив побелевшими пальцами поручни капитанского кресла. Перевоплотившийся Гедеон подавленно молчал. Корабль бро-

сало, гравитационное поле с трудом удерживало горизонт, датчики водородного реактора жалобно попискивали. Самые атмосферные разряды с неистовой силой врезались в старенький корпус звездолета. Казалось, стихия хочет раздавить, смять корабль, как пустую пивную банку. Шлюпка Ореста, по-видимому, разбилась. Совершенство техники было ничто по сравнению с взбунтовавшимся биополем планеты.

Команда оставила корабль на попечение Клио-777. Авдий с Ферфаксом отправились на поиски Ореста, а капитан, проклиная чертову планету, полез с Гедеоном в боевой катер, чтобы нанести визит вежливости правителю и освободить Аякса или превратить город в расплавленный базальтовый монолит.

Под брюхом «Звездной черепахи» застыл в камне замок правителя долины. Грандиозное сооружение, озаряемое вспышками природного электричества, напоминало космический корабль эпохи Одностороннего Контакта. Шелли в душе негодовал на себя. Он нарушил все инструкции и предписания, но разбираться будет после. А сейчас, там, в каменном лабиринте, исчезли Орест с Аяксом, и без них старый капитан не улетит. Оставить члена экипажа на чужой планете, не зная жив он или нет, значило опозориться на всю галактику. После этого акта харакири под его команду никто не пойдет, не займет место на корабле, не заполнит регистрационный файл.

Бесстрашный Клио снял на время кусок силового поля и боевая машина, планируя, подошла к главной башне.

– Шелли! – позвал Гедеон. – Орест рядом, смотри, на экране сигнал его личного кода. Он жив!

Орест и не заметил, как в небе взорвалась буря и, раскрывшись гигантским волчком, покрыла собой все видимое пространство. В борт что-то сильно ударило, резко запахло озоном и горелым пластиком. Шлюпку бросило на землю.

Очнулся он не сразу. На затылке нащупал липкое месиво, кое-как выбрался из-под обломков, понял, что получил сотрясение: руки плохо слушались, в глазах двоилось, подташнивало. Услышав гул, он увидел, как от звездолета отделились два светящихся шара. Один направился к замку. Чувствуя свою вину в случившемся, Орест не захотел оставаться в стороне. Зная, что его запрут в лазарете, он вырвал из уха излучатель кода. Не поленись он тогда, все могло повернуться по-другому. Как иногда смертельно раненые люди решаются на отча-

янные поступки, так и Орест двинулся на ватных ногах в сторону замка.

Когда небо закрыла «Звездная черепаха», Милостивый испугался, поскольку ничего подобного никогда не видел, но уверенность его в себе и совершаемом не ослабли. Надо было торопиться, скоро боги обрушат на город небывалые потоки воды, и тогда никто и ничто не сможет устоять перед ними. Смерчи уничтожат пришельцев и их летающий дом. А сейчас надо увести мальчика. Пока непрошенные гости будут сражаться со стихией, искать вход в замок, буря наберет силу, кворга выйдут на крыши, и тоща он покажет, кто истинный властелин всего живого и мертвого в этом мире. Без его повеления буря не прекратится, будет бесноваться, отдавая кворгам накопленную в затишье энергию. Ни одно племя не возводило таких величественных храмов, как в долине. Гигантские базальтовые глыбы с легкостью передвигались в грохоте и сверкании молний, под ливневыми потоками кворга строили жертвенники. Это было впечатляющее зрелище. Глава семейства поднимались на крыши своих домов и устремляли взоры и помыслы к замку правителя. Над городом раздавались заклинания, от которых исходила волна такой силы, такого невероятного напряжения, что казалось, еще немного и мир обратится в пыль. Милостивый осторожно переводил силу на скалы, от которых отлетали каменные блоки. Находясь в нескольких днях пути от места, правитель и верховный жрец возводили новые храмы и святилища. Так было всегда.

Пока кворг отсутствовал, Аякс оправился от потрясения. Он безгранично верил Шелли, но ждать пока его освободят не хотел из самолюбия. Подойдя к окну, он увидел, как на улице началось что-то невероятное. Разъяренными зверьками на башню кидались ослепительные молнии, грохот разрядов прерывался ужасающим треском, дождь закручивался в гигантские спирали, раскачивающие пушистыми хвостами. Иногда вдали проскакивали параллельные земле уродливые создания, схожие с людьми и животными одновременно, размеры их превышали самое смелое воображение. Казалось, все силы планеты собрались здесь, чтобы дать грозное и ослепительное представление.

С трудом оторвавшись от завораживающего зрелища, Аякс бросился к дверям. Скелет служителя дотлевал на иссиня-черном полу зала. Обойдя, Аякс попытался приоткрыть

створки, но они не сдвинулись на ни миллиметр. Тогда, разбежавшись, он кинулся на них всем своим отчаянным существом. Вдруг половинки бесшумно распахнулись, и подросток кубарем вылетел в коридор. Оглушенный падением, он поднял глаза, перед лицом раскачивалась грубая ткань балахона Милостивого.

– Идем, – приказал тот.

Аякс подчинился. По той же лестнице стали спускаться. В комнатах и галереях уже не было угрюмого, прерываемого пронзительным скрипом безмолвия. Польшали зарницы, взлетали и гасли огненные всполохи, за стенами, казалось, проносятся, грохоча по булыжникам, громадные колесницы дьявола. Непонятные призраки претерпевали массу превращений и исчезали, давая место новым видениям.

Внезапно из левого крыла галереи, уходящей наклонно в сторону города, появился Орест с парализатором в руках. Он полоснул лучом по Милостивому и упал, как скошенный луговой стебель под кривой косой Владычицы жизнью.

Кворг даже не повернулся в его сторону. Аякс хотел кинуться к истекающему кровью врачу, но не смог. Неведомые силы влекли его вслед за правителем. Распростертая фигура врача осталась бездыханною на ступенях. Спуск оказался более утомительным, чем подъем. Аякс чувствовал, что решается его судьба и страшился предназначенного чужой, непонятной волей.

Шелли с Гедеоном приземлились во внутреннем дворике перед квадратной глыбой, заслоняющей вход.

Включив дезинтегратор, начали резать плиту, не успев луч зашипеть, испаряя камень, как она отошла в сторону, и в проеме появился Аякс сопровождаемый старым кворгом.

Шелли побежал навстречу, но был отброшен мощной силовой волной. Тогда он поднял свое оружие.

– Капитан, остановись, не делай этого, – крикнул из катера Гедeon, – узнай, что он хочет.

Сдавленным голосом Шелли приказал аборигену:

– Отпусти мальчика.

Тут из передатчика зазвучал голос Клио:

– Реактор работает на пределе, топлива хватит только на обратную дорогу, уберите катер. Я спускаюсь.

«Звездная черепаха» стала медленно входить стальным корпусом внутрь зубчатых стен.

Положив руку на плечо Аякса, кворг невозмутимо ждал, когда звездолет утвердится перед главной башней.

Мальчик не смел пошевелинуться, предательские слезы душили его так, что он не успевал сводить их на щеки движением ресниц.

Правитель поднял руку:

– Пришельцы! Мальчик останется здесь, в долине. А вы и ваш летающий дом сейчас покинете эту землю или вы все погибнете.

Шелли увидел, как над двориком нависло несколько глыб, способных превратить в металлическую болванку корабль. Отодвинув одну, протянулась волосатая четырехпалая рука монстра и слегка покачала «Звездную черепаху». Все казалось ужасным кошмаром. Шелли понял – сопротивление бессмысленно.

– Сколько у нас времени?

– Его нет. Одного из вас уже постигла беда. Сейчас его принесут, и вы уйдете.

– Орест погиб, ты слышишь, Гедеон.

– Да, – отозвался из катера ученый, он также как и командир воспринимал речь правителя мысленно.

– Хорошо, мы улетим. Что будет с мальчиком?

– Боги назначили его в мои преемники.

– Аякс, – прокричал Шелли, – ты слышишь, мы не можем сейчас тебя спасти. Ты все понимаешь. Мы улетаем, но я вернусь, обязательно вернусь.

Шелли с ненавистью посмотрел на кворга, чувствуя свою беспомощность перед проклятым аборигеном.

Команда собралась у корабля проститься с Аяксом. Служители положили у ног командира мертвого врача. Все чувствовали себя подлецами. Четырнадцатилетний пацан брал на себя грехи взрослых, он стал платой за неудавшееся посещение.

Трудно, невероятно трудно предугадать, что тебя ждет на чужой планете. Никогда не знаешь с чем столкнешься, какие силы приведешь в движение, вторгнувшись в незнакомую жизнь. Старый абориген с планеты, на которой едва обозначились зачатки цивилизации, был сильнее вооруженного последними техническими достижениями экипажа сверхцивилизации.

Огненным шаром «Звездная черепаха» рванулась в небо. И если не знать, что это свечение в облаках – космический

корабль, то его легко можно было спутать с огромной шаровой молнией, внезапно прыгнувшей вверх.

Шелли обещал вернуться, и он сдержит слово. Но это произойдет не скоро, парадокс времени еще никто не отменил.

На следующий день Милостивый погасил ураган. При огромном стечении населения долины он взошел на постамент в храме. Были разведены в стороны базальтовые блоки, дрожали от напряжения цепи, вибрацией доводя толпу кворгов до иступления.

Правитель поднял руку. Все замерли.

Рука Милостивого резко упала. Каменные блоки глухо сомкнулись. Настала тишина.

Правитель долины ушел в небытие, в вечность. Пришелец Аякс стал новым, седьмым по счету правителем долины кворгов, одной из одиннадцати обитаемых долин второй планеты звезды Б-6 в созвездии Атракса.

ЭПИЛОГ

Правитель вышел из святилища Гаалы и поднял к небу бездонные глаза. На горизонте остывающее солнце прорезало лучами скалистые горы. Пронзительный писк алькота проткнул иголкой перепонку тишины. Маленький зверек всегда знал, когда надо уходить из леса. Скоро пойдет дождь, а вслед за ним выползут из ущелий ураганы. В темноте ложбины правитель споткнулся о необычный предмет. Подняв, узнал компактфайл со своего звездолета. Несколько помедлив, словно взвешивая что-то про себя, он с силой запустил его в заросший колючками овраг. Титановый треугольник, жалко блеснув над деревьями, исчез в расщелине. Проследив долгим взглядом полет, кворг зашагал в сторону города.

В ночь перед ураганом над долиной повис мелкий противный дождь, крохотные капли стучали по глади струящихся вод, не нарушая чистоты поверхности. Безгласые птицы пронизывали серыми телами влажный, пахнущий мокрой землей воздух. Казалось, время остановилось. Аякс давно перестал ждать возвращения Шелли. Его больше не тревожили, как прежде, это бесполое и неприветливое небо, где одна половина стоит неподвижно на месте, а другая – то несется, словно вспуганная кем-то стая солнечных странников, раскинув свои крылья облака, то сбавляет бег, открывая в просветы фиолетовых туч яркий свет далеких звезд. Долетая сюда из обитаемых систем Звездной федерации, он приходил угасающим эхом давно ушедшей жизни.

Андрей Корепанов

Трагедия прошлого

Фантастический рассказ

Вездеход мягко покачивало. Колеса, обутое в прочные герметичные шины, сглатывали все неровности. Внутри машины сидели два одетых в скафандры человека.

Один, с более темной кожей, был гражданином Соединенных Штатов Америки. Другой, большой и светловолосый, принадлежал к роду славян и жил в России.

Эти земляне час назад пересекли последнюю границу освоенной территории и направлялись к автоматическому зонду, третьего дня приземлившемуся в кратере Шиккрад.

По какой-то неизвестной причине зонд замолчал, спустя восемнадцать часов после посадки. Так как аппаратура зонда была новейшей конструкции, то руководство лунной базы Армстронг решило послать небольшую экспедицию для выяснения причин поломки.

На базе в то время проходили стажировку молодые космонавты, прибывшие со всех стран мира, и поездка к зонду была неплохой проверкой для них.

Лучшим для этой миссии был признан Сергей Орловский, с отличием закончивший обучение в международном центре NASA. Поначалу его хотела забрать одна из российских баз, но из-за непредвиденной аварии ее закрыли.

Орловского откомандировали к американцам, что Сергея, впрочем, мало огорчило. После небольшой тренировки, он вместе с инструктором Эйлом Деккером выехал к зонду.

Деккер оказался любитель поболтать, и как только вездеход очутился на поверхности начал рассказывать всякие космические небылицы.

– ...Когда это обнаружили... О, Святой Петр! Ее с базы долой, Тритона под трибунал... Тот от страха двух слов связать не может, бормочет только: она на Земле пролезла в ракету, здесь вышла, меня заприметила, попросилась пожить, жалко ее стало, хотел ее следующим рейсом домой отправить... Пришлось мне тогда за него вступиться: мол, человека воспитаннее и примернее Тритона на Луне не найти. Короче, оставили его с испытательным сроком в три недели, – Эйл посмотрел на своего подопечного:

– И чем думаешь все кончилось?

– Выгнали, надо полагать, – равнодушно ответил Сергей.
– Таким людям, как этот ваш Тритон, на Луне делать нечего.

Американец с обидой воззрился на курсанта, но промолчал. Однако, долго держать язык за зубами он не умел и через минуту вновь заговорил:

– Я слышал, японцы неудачно приземлились на вашу базу.

– Это правда, – Орловский откинулся в кресле и посмотрел на звезды. – У них отказало управление. Жертв на нашей стороне нет, но два их техника погибли.

Эйл открыл рот, чтобы сказать еще что-нибудь на эту тему, но понял, что та уже исчерпана, и вместо этого спросил Сергея о России.

Тот вяло ответил и повисла длительная пауза. До места назначения оставалось не более мили и Деккер, прищурившись, стал выглядывать зонд, который вот-вот должен был появиться на глаза.

Они проехали еще два километра, но посадочного модуля не было. Эйл развернул вездеход и медленно проехал по своим следам обратно, на этот раз тщательно осматривая местность.

– А разве на ваши луноходы не ставят радары, – наивным голосом спросил Сергей. Деккер оглянулся и ему показалось, что русский улыбается, впрочем, за дымчатым стеклом скафандра лица Орловского не было видно.

Американец в душе выругался на себя за такую непростительную оплошность перед новичком и включил прибор. Но радар безмолвствовал.

– Какой у него радиус действия? – спросил Сергей, подвинувшись к пульта управления.

– Шесть километров, – Эйл развел руками. – Зонда здесь нет, наша техника никогда не обманывает...

– Остановите машину! – Вдруг крикнул его напарник, приподнявшись в кресле, и, после того как Деккер нажал на тормоз, махнув рукой вправо, сказал:

– Вон там, метрах в ста от нас, черное пятно! Я думаю, это след от двигателей зонда!

Эйл неуклюже встал и, заслонив глаза от солнечного света, увидел ровный круг, резко выделяющийся на пепельной почве Луны. Это и в самом деле могло быть результатом работы посадочного модуля.

В сердцах проклиная неудобный скафандр, он повернул вездеход и повел его к пятну. Сергей на ходу выскочил из машины и побежал впереди нее, высоко подпрыгивая. Он первым достиг места прилунения зонда и в недоумении остановился.

К нему подошел Деккер, но не заметил ничего необычного.

– А в чем дело?

– Посмотрите, – удивленным голосом проговорил Орловский. – Зонд был здесь, а потом куда-то исчез.

Он глянул на американца, но тот стоял, уставившись на обгорелую почву, и ждал дальнейших объяснений.

– То что зонд сел здесь, это точно, – Сергей опустил на корточки, – Перед отъездом я сверился с базовым компьютером – за всю историю освоения Луны в этом секторе никто не приземлялся и не собирался этого делать. Взлететь модуль тоже не мог, потому что у него нет стартового двигателя и вообще при взлете он обуглил бы большую площадь. Напрашивается только один вывод – зонд украли.

– Украли? – Хмыкнул Деккер. – Это только русскому может взбрести в голову!

– Вдобавок, – сказал Сергей, поковыряв пальцем в углублении. – Эта работа проделана с ювелирной точностью. Видите, даже пыль не сдвинута, а ведь она вздымается при малейшем прикосновении!

– Действительно, – Эйл не мог не согласиться с Орловским. – В наблюдательности вам не откажешь, однако... Кому мог понадобиться этот зонд? На Луне находятся базы всего четырех государств: России, США, Франции и Японии. Никому из них этот аппарат не нужен, ведь он входит в серию, созданную совместно учеными всех четырех стран.

– Как вы думаете, существует ли вероятность того, что еще одно государство вторглось на поверхность Луны?

– Да нет, – Деккер покачал головой. – Их бы сразу засекали – вокруг планеты вращается с две дюжины спутников. Тут даже на одноместном катере не проскочишь, не то что целую базу привезти!

– Хитрая задача! – Сказал Сергей, обходя пятно. – Пожалуй, надо связаться с блоком А-6, он сейчас пролетит в двух градусах над горизонтом, и доложить ему обстановку.

Американец подивился осведомленности Орловского. Без лишних слов он подошел к вездеходу и, подключившись к рации, набрал код спутника.

Прошла минута, заполненная трескотней, и женский голос произнес:

– Говорит блок А-6. Кто вызывал? Прием.

– На связи Эйл Деккер с базы Армстронг, – неуверенно проговорил американец. – Мы находимся в квадрате 67, недалеко от вас. Просим связать нас с Дериком Эрслином.

– Неужели так важно? – Спросил голос. – Это ведь заместитель главы станции.

– Волне, – Эйл покосился на Сергея. – Исчез автоматический зонд, завершающий главную линию наблюдения за Землей. Вы слышали о ней?

– Естественно! Кто же на Луне о ней не слышал! Но я буду в пределах досягаемости передатчика базы только через сорок минут! – Послышались помехи. – Простите, мощности больше не хватает, конец...

Деккер отсоединил провод от шлема и вернулся к молодому космонавту. Тот отошел под скалу и что-то увлеченно рассматривал на земле.

– Ну как, Серж, нашли что-нибудь?

– Напоминает след гусениц, хотя довольно странный! Инструктор наклонился и увидел три ровных полосы, отстоящих друг от друга примерно на метр.

– Они начинаются недалеко от пятна, – Орловский повернул голову, и солнце, отразившись от стекла гермошлема, на мгновение ослепило Эйла. – Можно предположить, что зонд увезли именно на этой штуке. Вы никогда не встречали луноход о трех гусеницах? – Сергей усмехнулся.

Деккер окинул взглядом колею: та уходила за плоский холм.

– Как нам теперь поступить? – Русский отряхнул пыль с костюма. – Я бы пошел дальше по следу, но вам лучше знать, что делать.

– Насколько я помню, кроме А-6 в этом поясе нет ни одного спутника, – Эйл повернулся к машине. – А тот появится здесь только через четыре часа. Мы можем либо вернуться, либо обнаружить логово вора. Второе привлекает меня больше, так как грабежей до этого на Луне не было. Но если мы что-то найдем, то сразу возвращаемся. Мы должны уложиться в три часа, иначе кончится кислород. Не забывайте, что у нас впереди еще обратный путь на базу.

– Прекрасно! – Сергей открыл небольшой ящичек, приспособленный под сиденьем и достал пару пистолетов. – Работают на сжатом газе. Струя газа вылетает из дула под большим давлением и сразу замерзает. Убить из них нельзя, однако с ног хорошо сбивают. Ими пользуются монтажники в космосе для передвижения, поэтому на таможене меня не остановили – это всего лишь рабочие космические принадлежности. Я сам одно время работал на строительстве спутника V-5 и с тех пор везде таскаю эти игрушки.

Деккер улыбнулся, подумав о достойной смене. Он прицепил на пояс кобуру и, сев в кресло, завел двигатель. Вездеход, рванувшись, словно разъяренный конь, быстро понес людей по равнине.

* * *

След уходил в темноту каньона. Деккер и Орловский стояли на его краю и смотрели вниз.

Они ехали уже полтора часа и к концу этого времени совсем потеряли надежду, когда наткнулись на глубокий обрыв, раздающийся в стороны на многие километры.

– Я предлагаю спуститься, – Сергей кинул в провал маленький камушек. – Как раз подходящее место для станции – сюда ведь никто не полезет.

– Нас заметят на радаре, если там кто-то есть. Думаю стоит обойти слева – я видел еще один пологий спуск. Тогда весь путь мы проделаем под прикрытием скалы.

– Неплохая идея! А как же машина?

– Мы оставим ее перед спуском. Гора надежно защитит вездеход от любопытных глаз. Ну, время не ждет!

Они стали спускаться в зияющий провал каньона. Почва осыпалась под ногами и люди могли в любой момент сверзиться в пропасть. Когда стало слишком темно, Деккер включил фонарик.

Достигнув, наконец, дна, оба они совершенно вымотались. Как следует поплутав, земляне наткнулись на отвесную стену, перегораживающую каньон.

Сергей попытался взобраться на нее, но только оцарапал костюм.

– Придется идти обратной дорогой! – Эйл посветил Орловскому в лицо. – Липшего кислорода почти не осталось.

– Ничего не поделаешь, пожал плечами Сергей. – Как вы считаете, ваша база выделит мне тачку и пару баллонов с воздухом? Я буду не прочь вновь навеститься сюда!

– Посмотрим, – Деккер потряс фонарь и понял, что жить батарейке осталось недолго. – Скорее всего они вышлют сюда отряд молодцов, которые разнесут все сразу, даже не успев понять, что к чему!

Сергей схватился за уступ и, подтянувшись на руках, залез на него.

– Давайте руку, Эйл! – Он крепко схватил американца и затащил наверх. – Эх, будь у меня кирка, я вмиг бы добрался до верха!

– Не грустите, Серж! – Карабкаясь по крутому склону Деккер был похож на лягушку. – Скоро вы будете попивать синтетический кофе, заедая его дрожжевым печеньем, и со смехом рассказывать однокурсникам о своей поездке!

Орловский не смог сдержать улыбку. Он заполз за горизонтальную поверхность и отдышался.

– Эйл, где вы там?

– Тут я, – американец с трудом перевалил через край. – Слабею чего-то. А ведь еще лет пять назад я бы с легкостью...

– Вам плохо? – Встревожено спросил Сергей, присев перед Эйлом, уставившимся куда-то позади Орловского.

Деккер, еле ворочая языком, прохрипел. – Где... Где вездеход?!

* * *

Машины не было. Орловский с ужасом думал о том, какие будут последствия. Воздух – самое ценное вещество на Луне, кончился бы прежде, чем они дошли до американской базы. Была только одна надежда на то, что похититель не успел увезти луноход за столь короткий срок. С тех пор как они спустились в каньон, прошло не более двадцати пяти минут. От вездехода остался небольшой след, который никуда не вел.

Эйл, которого чуть не хватил удар, так как все запасы кислорода на обратный путь находились в вездеходе, теперь оживленно двигался, пытаясь отыскать след воров. Он был уверен, что исчезновение зонда и вездехода – дело рук одних и тех же людей.

Наконец, он нашел то что искал. Три полосы начинались примерно в пяти метрах от места стоянки вездехода и шли по самому краю пропасти.

Сергей не придумал ничего лучше, кроме как пойти по следу. За ним неспеша поплелся Деккер.

Прошло еще полчаса. Мысль о том, что след может идти неизвестно как далеко, начала всерьез тревожить Орловского.

Внезапно перед ними открылся еще один спуск в провал. Он был весь испещрен тройными полосами, расходящимися во все стороны света.

– У нас нет другого выхода! – Сказал Эйл, глядя на склон.
– Мы должны спуститься!

– Согласен, – кивнул Сергей. – Надеюсь, что нас не убьют!

Они быстро скатились вниз, вздымая целые клубы пыли, долго не оседающей в безвоздушном пространстве. Внизу оказалась ровная площадка, хорошо освещенная солнцем. Следы сходились к черному люку в скале. Он был овальным, без каких-либо видимых выступов. Сергей подошел к нему и постучал.

Несомненно, люк был металлическим.

– Надо как-то дать знать о себе!

Эйл кивнул. Он с размаху пнул по двери ногой. Через секунду та открылась наподобие диафрагмы фотоаппарата. Орловский, прислонившийся к люку, чуть не упал внутрь. Деккер опасно заглянул в темноту.

– Зайдем?

– Придется!

Они осторожно ступили за порог неизвестной базы.

* * *

Там была шлюзовая камера, но она уже давно пришла в негодность. Внутренние створки ее были перекошены. Из шлюза шел коридор. Пол был покрыт полосами из лунной пыли.

– Наверняка, тот, кто утащил зонд и машину, находится здесь! – шепнул Эйл, хотя прекрасно знал, что никто его не услышит, заори он даже во все горло.

– Вполне вероятно, – Сергей достал из наружного кармана пистолет. – Будьте повнимательнее!

База была просто огромна. Многочисленные коридоры, переплетаясь друг с другом уходили вглубь склона. Следы шли по самому большому коридору.

Идя по ним, земляне наткнулись на небольшую комнату, всю напичканную приборами.

– Эйл, здесь нет ни одного человека!

– Это странно! – Деккер подошел к пульту и провел по нему рукой. – Какой слой пыли! Да тут лет сто никто не убирал!

– Да, видимо люди давно покинули это место. Возможно база построена на самой заре полетов в космос. Помните, «холодную» войну?

– Все может быть. Смотрите-ка, работает! – Эйл указал на тусклый зеленый огонек, светящийся на приборной панели. – Вы хорошо разбираетесь в электронике?

– Посмотрим, – нахмурился Сергей. Он поискал глазами и, найдя, нажал на самую большую треугольную кнопку.

На пульте вспыхнули разноцветные лампочки и потолок засветился оранжевым светом. По полу пронеслась еле заметная вибрация.

– Какое неприятное освещение! – Поморщился Эйл, посмотрев вверх.

– Наверное, напряжение низкое! – Пожал плечами Сергей. Он сел на корточки перед клавиатурой, так как никаких сидений не было.

– Какие-то странные знаки, – Орловский протер матовую панель. – И рычаги словно для трехпалых конечностей...

– Интересно, – Деккер дотронулся до рычага и тот выпал из своего гнезда. – Рухлядь!

Питание скорее всего поступает от солнечных батарей наверху! – Проговорил Сергей. – Возможно, здесь также сохранились запасы кислорода! Надо попытаться найти их!

– Тогда не будем терять времени! – Резко вскинув пистолет, Эйл протиснулся в коридор.

* * *

Тусклые оранжевые лампы с трудом освещали темноту и блестящие зеленые подтеки на стенах. Хрупкий пластик потрескался и упал на пол в виде желтых хлопьев.

– По-моему все коридоры сходятся к одной большой камере и перемежаются concentрическими, – подумав, сказал Сергей.

– Как в муравейнике?

– Примерно. Однако, все базы на Луне построены из кубических модулей, потому что так проще.

– Выходит, эта станция исключение из правил? – удивился Эйл.

Именно это меня и тревожит!

Внезапно впереди показались еле заметные вспышки света.

– Ага, вот и наши похитители! – улыбнулся Деккер. Они осторожно пробрались к чуть приоткрытому люку, откуда вырвался тонкий лучик света и прильнули к отверстию.

– Черт, ничего не видно! – Выругался Эйл. – Будто на Солнце смотрю!

– Давайте попробуем открыть люк до конца! – Предложил Сергей.

Деккер просунул руку в отверстие и потянул лепесток диафрагмы на себя. Ту же операцию проделал и Орловский. Люк задрожал и через мгновение открылся.

Перчатку американца защемило дверью и он упал.

– Повреждений нет? – Спросил Сергей после того, как помог Эйлу высвободиться.

– Скафандр, к счастью цел, но мне кажется, я сильно содрал кожу! – Он поднял с пола упавший пистолет. – Вход открыт, мы можем идти!

Свет по-прежнему лился из люка. Теперь он стал гораздо ярче. Люди вступили в помещение и тут же ослепли. Компьютеры, встроенные в скафандры, только через несколько секунд смогли так затемнить стекла гермошлемов, что земляне вновь обрели зрение.

– Ну и ну! – Только и смог выговорить Эйл. Оглядевшись, он добавил:

– Мощный должно быть светильник!

– Мощный, – согласился Сергей. Он до минимума снизил проницаемость стекла своего скафандра и сказал:

Источника света почему-то не видно. Вон там вроде бы ярче, чем в других местах, хотя при такой интенсивности из-

лучения и отсутствии атмосферы, я ни за что ручаться не могу.

Под прикрытием стены они прошли около тридцати метров. Здесь помещение расширялось, превращаясь в огромный куполообразный зал.

– Смотрите, Серж! – Крикнул Деккер, указывая вверх. Там, посередине толстой стальной паутины, вращаясь, висел огромный светящийся шар.

– Это что – плазма?

– Должно быть, вы правы! – Зачарованно воскликнул Орловский. – Это, наверно, плазменный реактор. Подобный разрабатывается сейчас на Земле. Но я не знал, что уже в те времена смогли додуматься до такого!

– Что-то я не вижу тех, кого мы ищем! – Пробормотал Эйл, разглядывая пол. – Следы-то исчезли!

– Нет, следы тут. Они уходят в другую дверь.

– Надо спешить! У меня кислорода на пятьдесят минут. Пройдя под реактором, а затем по длинному коридору, земляне вошли в шестиугольную дверь.

– Эйл, это же наш вездеход! – Сергей подбежал к выступающему из темноты колесу машины. – Мы еще успеем обратно! – Он обошел колесо, намереваясь завести вездеход. – Какого черта?!

– М-м-да... – Эйл включил фонарь. Тонкий луч осветил жалкие останки машины. – Кто-то славно поработал.

Вездеход был разобран по кусочкам. Все детали оказались аккуратно уложенными у стены. Лишь колеса остались целы, так как были литые.

– Нам ведь его за месяц не собрать! – Ужаснулся Сергей.

– Ну, а что насчет кислорода? – Спросил Эйл, надеясь, что еще не все потеряно.

– Они, сволочи, воздушный клапан свинтили! – Орловский поднял с пола пустую емкость. – Весь кислород вышел.

Деккер тяжело привалился у стены. Пистолет выпал из его рук.

– Кто меня дернул ехать сюда? Мы бы уже были на базе!

– У вас что, истерика?

– Да нет, это я на себя злюсь. Уже пятнадцать лет работаю на Луне и не мог себе позволить такое. А тут еще и вас втянул.

– Мы оба виноваты, – грустно улыбнулся Сергей. – Но мне то не хочется погибать в этих мрачных казематах. Еще

есть время! – Он с силой стукнул по стене, так, что там хрустнуло. И внезапно что-то из темноты отбросило его на добрые три метра. Сергей прокатился и упал рядом с Эйлом.

– Боже мой, Серж, что это? – Крикнул американец. Прямо на них выехала какая-то огромная металлическая конструкция.

– Бежим! – Орловский схватил Эйла за руку. Стремглав, они промчались в главный зал.

Войдя в первую дверь, они обернулись. В зал «на всех парах» вкатилась уродливая гусеничная машина.

– Это тот, кого мы искали! – Воскликнул Сергей.

– Но это робот!

– Он мог выполнять чью-то команду! – Орловский поднял пистолет и поглядел на Деккера. – А где ваше оружие?

– Вот дьявол! Наверное, оставил у вездехода!

Тем временем робот развернулся и увидел людей. Он рванулся в их сторону. Земляне побежали по коридору к выходу.

– Он догоняет нас! – Сергей оглянулся через плечо. – Надо спрятаться!

Они свернули в боковой коридор. Спустя минуту, наткнулись на еще один зал. Его освещала единственная крохотная лампочка под потолком, и поэтому большая часть помещения была в полумраке.

– Сюда! – Эйл втолкнул Орловского в узкую щель между оранжевыми металлическими цистернами, а затем влез сам.

Практически в тот же момент в зал влетел робот. Он замер посреди зала, и теперь у землян была возможность получше рассмотреть своего преследователя.

Основанием робота служили три гусеницы, причем средняя была меньше остальных и заметно выдавалась вперед. Сверху находилась сферическая рама. Под ней можно было разглядеть странной формы аппарат, состоящий из оранжевых пирамид, соединенных между собой блестящими трубками.

Поверх всего этого был приделан манипулятор, в котором было три сочленения, прикрепленных друг к другу подвижными суставами. Это было заметно, так как манипулятор постоянно вздрагивал. Оканчивался манипулятор вращающимся цилиндром, над которым возвышались два глазка телекамер.

Впрочем, один из них был разбит, и все его внутренности выпали наружу, болтаясь на нескольких проводках.

Немного подождав, робот развернулся и медленно стал объезжать зал по периметру. Он вытягивал свою «шею», заглядывая во все уголки.

В конце концов робот добрался до ряда цистерн, между которыми прятались люди.

– Я выстрелю в него, – сказал Эйл, взяв у Сергея пистолет. И да поможет нам Господь.

Когда робот просунул «голову» в щель, американец нажал на спусковой крючок, целясь в оставшийся глаз. Но не рассчитав силу отдачи и его отбросило на Сергея, сидевшего сзади.

В ту же секунду робот вытянул манипулятор и, появившейся из цилиндра иглой, попытался ударить Эйла.

Выронив оружие, Деккер схватился за манипулятор, решивший проколоть его, и был подкинут вверх с такой силой, что чуть не ударился о потолок. Описав параболу, он приземлился у входа в зал и остался там лежать.

Пока машина занималась Эйлом, Орловский, подобрав пистолет, прыгнул и, зацепившись за раму, выстрелил роботу в телекамеру. Все это произошло в считанные секунды.

Камера разлетелась вдребезги. На мгновение робот остановился и начал вращаться на одном месте. От этого он закачался и всей своей массой упал на железный пол.

Оранжевые пирамидки стукнулись о раму, и из них потекла маслянистая фиолетовая жидкость. Робот вытянул конечность и, стукнув ей по полу так, что цилиндр, отлетев, укатился куда-то в тень, остановился навсегда.

* * *

Первым делом Сергей подбежал к неподвижно лежащему Эйлу и потряс его за плечо. Тот приоткрыл глаза и что-то проговорил, но вместо этого в динамиках послышалось лишь невнятное шуршание.

Эйл поморщился и стукнул себя по шлему. Связь тут же наладилась.

– Где эта штука? – Был первый его вопрос.

– Вон лежит! А с вами что? Он вас так метнул...

– Бока славно помял. Но кости, кажись, целы.

– Идти сможете? – И получив утвердительный ответ, Сергей помог американцу подняться. – Может, мы еще успеем что-нибудь найти!

Он подошел к неподвижному роботу и присел на корточки.

– Впервые вижу подобную конструкцию! – Подковылял Деккер.

– А ведь это вы ему глаз выбили! Когда стукнули по стене. Он, видимо, в темноте сидел, наблюдал и потеря камеры его, естественно, разозлила.

Орловский кивнул. Он заметил, что здесь пол тоже покрыт полосами из лунной пыли. Они исчезали во тьме у противоположной стены, Сергей поднялся и пошел в ту сторону.

Полосы уходили в широкую галерею. Войдя туда, Орловский замер, пораженный увиденным зрелищем.

Вдоль стен стояли огромные стеллажи, внутри которых находились представители земной флоры и фауны всех форм и размеров.

Раскрыв рот, Сергей разглядывал крокодилов, обезьян, птиц, собак, слонов, сусликов, хамелеонов, жуков-носорогов... Да кого там только не было!

Из растительного мира были представлены обрубки стволов деревьев, папоротники, пальмы; в одной из витрин одиноко притулился подсолнух; в глазах рябило от всевозможных цветов.

Раздался удивленный возглас Эйла. Сергей оглянулся и увидел, что тот тоже вошел в галерею.

– Откуда все это?

Орловский развел руками. Земная живность на Луне?

– Наверняка они заморожены. Это огромный пантеон.

– Ничего не понимаю. Может быть в преддверии ядерной войны одно из государств решило сохранить все живое для своих потомков, так как боялись, что скоро то может исчезнуть? – Эйл покосился на облезлого лемура, который поднял обе лапки вверх, словно сдаваясь в плен. – Звучит абсурдно.

– Надеюсь, что ученые найдут ответы на все вопросы.

– Если, конечно, мы вернемся!

– Я думаю... – Вскрикнув, Сергей отпрянул от ближайшего стеллажа. Прямо на него из-за стекла уставилось странное существо. Оно было не очень большое, примерно по плечо Орловскому, с голой, песочного цвета, кожей.

Но самое главное – это был гуманоид. Две трехпалых руки, две ноги. Вдоль худого и плоского тела были натянуты полосы блестящей ткани, кончавшиеся внизу неким подобием

юбки. На широкие ступни были надеты легкие туфли, похожие на сандалии.

Поза существа тоже была необычна: оно стояло на коленях, туловищем опираясь о стекло. Руки плетью висели вдоль тела.

Маленькие, сильно утопленные в черепе, глаза существа, полные мольбы и страха, уставились на человека.

Этот взгляд мог принадлежать только разумному существу.

– Что-то я не припомню такого животного, – подал голос Эйл.

– Мне оно тоже кажется незнакомым... Одежда... Это признак разума, – нахмурился Сергей. – По-моему есть какая-то связь между ним и приборной рубкой. Помните рукояти рычагов? Они предназначались лишь для трех пальцев, а не для пяти.

– Вы что, хотите сказать, что хозяевами базы были подобные существа?

– Вы правильно поняли мою мысль, – кивнул Орловский. – Не такая уж и фантастическая идея.

– Но что тогда одно из них делает в витрине? – Спросил Эйл.

– Может оно – преступник и его заперли здесь в наказание, а может оно подготавливало холодильник для приема новых животных и поломка шлюза застала его здесь. Да мало ли чего могло быть!

Американец наклонился, чтобы получше рассмотреть инопланетянина.

– У него на поясе какой-то прибор! – Воскликнул он. Сергей тоже заметил его. Сбоку на теле существа висела небольшая блестящая коробочка. На ней было три зеленых кнопки без всяких обозначений.

– Это еще раз подтверждает его разумность! – Сказал Орловский.

Он подошел к другой витрине.

– А тут их аж трое! – Гуманоиды беспорядочно лежали на полу камеры. – Вот тебе и преступник.

– Да, эта теория явно не годится, – проговорил Эйл. – Тем более они не могли всем скопом чистить витрину – она слишком мала для троих!

Деккер посмотрел в конец коридора. – В этой коллекции земной жизни не хватает только человека... – Он остановился перед следующим стеллажом. – Ну вот, накаркал...

За стеклом сидел человек в скафандре.

* * *

– Он мертв. Безусловно мертв, – сказал Эйл. – Стекло почти целиком выпало.

Такой тип скафандров выпускался в начале двадцать первого столетия. Он был тяжел и неуклюж. Им пользовались первые монтажники лунных баз.

– Теперь мы окончательно запутались, – пробормотал Сергей. – Сначала робот, животные, гуманоиды, потом мертвый космонавт.

Деккер, раздумывающий над чем-то, внезапно хлопнул в ладоши.

– Как вы думаете, Серж, в те времена пользовались такими же разъемами кислородных баллонов, как и сейчас?

– Вроде бы... – Его осенило. – Считаете, что в этом костюме может быть кислород?

– Да, это спасло бы нас! Надо достать его оттуда. Попробуем выдавить стекло!

Они навалились на прозрачную перегородку, но та не подалась ни на дюйм.

– Что же делать?

Еще при осмотре первого стеллажа Сергей заметил крохотную клавиатуру на дверце. С нее, скорее всего, вводились команды для изменения температуры внутри холодильников и герметизации-разгерметизации. Орловский, как и в приборной рубке, нажал на самую большую кнопку. В тот же момент стекло отъехало в сторону. Эйл заскочил в стеллаж и вытащил наружу мертвеца.

– Подходит в самый раз! – Крикнул он. – Датчик показывает семь с половиной часов – баллоны почти полны!

Деккер достал соединительный шланг и прикрепил его к воздушному клапану. – Серж, вы первый!

Без лишних слов Сергей подключился к шлангу. Через минуту он глянул на дисплей расположенный на рукаве:

– Все. Мне хватит и на три часа. Остальное – вам. Эйл выкачал остатки кислорода и облегченно вздохнул.

– Наконец-то можно не думать о смерти!

– Угу, – Орловский рассматривал скафандр мертвеца. – Принадлежит Французскому Космическому Ведомству. Опы-знаватель показывает ноябрь две тысячи второго года. Давно это было. Скорее всего он просто упал лицом вниз и разбил стекло. Впрочем, нас спасло именно это.

– Надо выбирать! – сказал Деккер. – Кто знает, какие еще ловушки приготовила нам эта база.

Сергей кивнул и, бережно передвинув труп к стеллажу, пошел за Эйлом к выходу.

* * *

Солнце висело невысоко над горизонтом, отчего все пред-меты отбрасывали длинные тени. Орловский и Деккер возвра-щались на американскую базу «Армстронг», с которой много часов назад они оправились в эту изнурительную поездку на поиски зонда.

Спустя два с половиной часа после того, как они покину-ли базу пришельцев им вновь удалось связаться с блоком А-6, откуда сообщили, что благодаря Дерику Эрслину, помощь недавно выехала. Тому поначалу отказали в поддержке, но он сказал, что возьмет вину на себя, если все это ложная тревога. С Эйлом Эрслин состоял в очень дружеских отношениях еще с тех пор, когда был зеленым юнцом и носил кличку Тритон.

– Какова все-таки была цель инопланетян? – спросил Эйл. Зачем им музей, когда планета под боком? Изучай сколько влезет!

– Наверняка у них были свои причины на это. Переиначив вашу теорию можно предположить, что они решили сохра-нить частичку земной природы для себя, в связи с надвигаю-щейся войной.

– Как думаете, кто из нас мог развязать войну? – Деккер хитро прищурился, имея в виду под «нами» Штаты и Россию.

– Не знаю, – поморщился Сергей. – У меня есть еще одна теория, но...

Эйл вопросительно посмотрел на русского. – Какая?

– Как только мы вошли, у меня появилось подозрение, что база – это огромный замаскированный звездолет, – начал разъяснять Орловский. – Потолки от края к центру повыша-ются; в середине плазменный двигатель. Кстати, вы не заме-тили, что самый большой зал оказался не чем иным, как со-плом корабля?

– Соплом? – прошептал Эйл. – Но ведь пол...

– Пол – это диафрагма, настолько гигантская, что мы этого не увидели. Убегая, я оглянулся, но думал мне показалось; теперь же пришел к выводу, что не ошибся. Ко всему прочему, стены зала были черными, цвета обгорелой керамики.

– Если та штука под потолком – двигатель, то почему ее не затушили?

– Наверное они прибыли ненадолго, скажем, собрать коллекцию живого материала Земли, но что-то произошло, и приглушенный на время двигатель остается в таком положении уже долгое время.

– А зачем им пришлось прятать корабль? – спросил Эйл.

– Они могли прилететь относительно недавно – лет семьдесят назад. Об этом говорит сам факт того, что звездолет не сел на Землю – его могли уничтожить, приняв за вражеский объект.

– А если он просто не мог приземлиться из-за своей массы?

– Конечно тут куча неясностей. Тот же самый робот. Почему он остался один на корабле? Почему инопланетяне сами оказались в роли экспонатов? Как там очутился космонавт?

– Кстати, насчет экспонатов, – заметил Эйл. – Мне тут пришла в голову одна идея. Робот – это машина. А у всяких машин случаются сбои, даже у инопланетных. Допустим, робот мог быть разведчиком и исследователем и работать в основном на Земле. Однажды, находясь на базе, робот перегрелся, или что-нибудь в этом роде, решил, что он на нашей планетке-матушке и принялся собирать и препарировать все живое, что встретится ему на пути. Естественно, своих хозяев он тоже отнес к категории живых и запер их в холодильники, пока те и опомниться не успели.

– А что насчет космонавта? Его то каким ветром туда занесло?

– Робот мог найти его во время осмотра местности, также как он нашел зонд и наш вездеход. До сих пор не могу понять, как он уволок зонд при всей своей хлипкой для него конструкции, оставив лишь следы гусениц?

– Можно логически предположить, что он просто разобрал зонд и перевез его по частям.

Эйл посмотрел на часы и вздохнул. – В Питтсбурге сейчас ночь. Как бы я хотел хоть на секунду очутиться там!

– Уже скоро, – проговорил Сергей. – А вот и спасатели едут.

– Знаете, только что пришел приказ о понижении меня в должности! – с досадой сказал Деккер. – И это после всего того, что произошло! – Он поднес ложку к тарелке. – А что бы сделали мне на вашей базе? Благодарность бы вынесли и дали бы двухмесячный отпуск на Земле!

Сергей сосредоточенно жевал кусок бифштекса, думая о чем-то. Громовой голос Эйла снова разнесся по полупустой столовой:

– Конечно, я понимаю, что поступил неосмотрительно, но наша находка с лихвой покрывает мой промах, – американец зачерпнул немного супа и вылил его обратно. – Даже аппетит исчез!

Орловский молчал. Деккер отодвинул тарелку и принялся за второе. Он подцепил кусок отбивной вилкой и понюхал его:

– Пахнет синтетикой. Не удивлюсь, если окажется, что обивку для пола и котлеты делают из одного и того же материала. – Эйл поглядел на Сергея. – Да не сидите вы как истукан!

Орловский с тоской посмотрел на Деккера:

– Вы помните какая дата стояла на опознавателе мертвого француза?

– Две тысячи второй год, а почему вы спрашиваете?

– Все дело в том, что первый французский космонавт высадился на поверхность Луны лишь в две тысячи пятнадцатом году, то есть на тринадцать лет позже!

– Еще одна загадка? – усмехнулся Эйл. – С меня достаточно. Сегодня же напишу заявление о моем переводе на Землю в транспортную авиацию!

Андрей Корепанов

Последний поезд

Фантастический рассказ

За окном быстро пролетали тусклые фонари на стенах туннеля. Рон Уорт поежился: по ногам дуло. Сонным взглядом он обвел вагон метро – тот был пуст, если не считать сгорбленной старушки, сидевшей у самых дверей с книгой в руках. По обложке Рон понял, что это Библия.

Уорт посмотрел на часы: половина первого. Он ехал с работы: весь вечер Рон проторчал перед экраном компьютера, выполняя ответственное задание фирмы. По собственной инициативе он задержался до полуночи.

Уорт поднялся и подошел к дверям: он должен был выходить. Впереди засверкали огни станции. Поезд влетел под мраморные своды, но не затормозил и с такой же скоростью вновь очутился в туннеле.

– Что за черт?! – Воскликнул Рон, провожая глазами станцию. – А как же остановка?

Старушка в углу перекрестилась и, встретившись взглядом с негодующим Уортом, еще сильнее уткнулась в книгу. Может быть станцию закрыли, подумал молодой человек. Он прислонился к двери, решив выйти на следующей.

Но к превеликому его удивлению, поезд проскочил вторую станцию, как и первую, не сбавляя скорости. Возмущенный до глубины души, Рон направился в головной вагон, надеясь разобраться с машинистом.

Там Уорт обнаружил человек одиннадцать, стоящих у дверей кабины. К Рону подскочил невысокий лысый мужчина лет пятидесяти:

– Быть может вы нам объясните, что происходит?

– Я сам ничего не понимаю! А где машинист?

– Не знаем! – Пожал плечами человек. – Дверь заперта, а он не отвечает!

– Сейчас я его достану, – потер руки Уорт. Он обеими руками ухватился за ручку двери и уперся ногами в стенку вагона. Ручка затрещала, и дверь с грохотом откатилась в сторону. Рон сунулся в кабину, но объяснения давать было некому. Кабина была пуста.

* * *

– Мне кажется, я где-то слышала о том, что теперь с двенадцати часов ночи до шести утра поезда метро переводятся на автоматическое управление, – проговорила одна женщина. – Но я точно не помню.

– Должно быть, она права, – кивнул Рон лысому человеку по имени Роджер Лайнинг. – Все дело именно в этом. Какой-нибудь сбой в компьютере.

– Наверное, – ответил Лайнинг. – Но как нам остановить состав?

– Надо попробовать переключить поезд на ручное управление! – Рон сел в кресло и стал рассматривать пульт. В конце концов, он нашел небольшой рычажок красного цвета «РУЧ. / АВТ.».

– Вроде этот! – Уорт взялся за рычаг. – Ну, с Богом! Под дном вагона что-то взвизгнуло, и гул мотора затих.

Поезд, проехав еще несколько секунд по инерции, остановился. Рон вымученно улыбнулся.

– А как нам добраться до станции? – Протиснулся в кабину Лайнинг. – Вы умеете управлять поездом?

– Ну кое-что я тут знаю, – хмуро сказал Уорт. – Необходимо найти педаль безопасности. Она здесь одна, но я почему-то не вижу ее.

Они опустились на корточки и стали искать педаль. Она даже на педаль-то и не походила: простой выступ над полом. Рон нажал на нее, и поезд двинулся вперед. Через три минуты состав достиг станции.

Люди высыпали на перрон и побежали к эскалатору.

– Спасибо за помощь! – Роджер протянул руку Уорту. – Вы нам очень помогли! – Он повернулся, собираясь уходить, но вдруг со стороны эскалатора раздался сдавленный вскрик.

Рон и Лайнинг бросились туда. Они увидели пожилую женщину, сбегавшую вниз по эскалатору.

– Там, наверху... – Выдавила она, взмахнув рукой. – Там...

Уорт оставил женщину на попечение Роджера, а сам стал быстро подниматься вверх. То что увидел Рон, заставило его присесть.

Весь наклонный туннель занимал песок. И с каждой секундой тонны песка сползали все ниже и ниже, грозя затопить станцию.

* * *

– Боже мой, откуда это? – Воскликнул Роджер, увидев бесформенную гору песка.

– Там что-то случилось! – Указал Рон пальцем в потолок. – А если весь район взлетел на воздух?

– Но мы не слышали взрыва, – растерянно вымолвил Лайнинг. – Все было спокойно, – песок тем временем достиг станции и растекался по каменному полу.

– Я позвоню кому-нибудь из родственников! – Сказал Уорт, заметив телефон. – Сейчас разузнаем точно.

Он поднял трубку, но аппарат молчал. Рон пустым взглядом обвел небольшую кучку людей. – Гудка нет.

Женщины переглянулись и кинулись к телефонам. Уорт в бессилии прислонился к бетонной колонне и медленно осел на пол. Роджер опустил рядом:

– Я живу в этом квартале. У меня дома жена и трое детей. Как они там?

Рон вздохнул и провел по лицу рукой:

– Надо найти диспетчерскую, она должна здесь быть. На станцию подается электричество – значит линии целы. Диспетчерская тоже должна работать.

Прихватив с собой юнца лет восемнадцати, они отправились в конец станции, где находились несколько дверец. Все они были заперты, кроме туалетов. Пришлось довольствоваться кабинкой дежурной по станции. Замок ее особой проблемы не представлял. В кабинке располагались небольшой монитор и с дюжину кнопок. Рон нажал на кнопку «экстренная связь с главной диспетчерской», но безрезультатно.

– Что ж, придется нам ехать на другую станцию, – кивнул Уорт в сторону кучи песка. – Еще часа два, и тут нечем будет дышать.

Они увидели старушку с Библией, которая что-то кричала столпившимся возле нее людям и размахивала руками.

–... И было мне видение: расколосось небо и души закружились в водовороте Господнем! И услышала я глас Господа повелевающий мне! Очищение – вот, что спасет вас! Ибо дьявол уже накрыл мир тенью Армагеддона!

– Ишь, как распалилась старушенция, – сказал Уорт Роджеру. – Именно такие вот ораторы вечно портят нам жизнь.

– Господа! – Крикнул Рон людям, бесцеремонно прерывая пожилую женщину. – Я прошу вас занять места в поезде, так как мы отправляемся дальше. Оставшись здесь, вы подвергнете себя смертельной опасности!

– Грех идти против воли Божьей! Покарает он непослушных, накажет дерзких! Но я могу спасти заблудших...

Часть людей, находящихся уже у входа в вагон, заколебалась.

– Ну вот, как и обещал, – Уорт зло сплюнул на пол. – Идиоты, вас же здесь засыплет!

Это подействовало – перспектива оказаться заживо погребенными никого не прельщала. Блюстительница библейских законов после некоторых раздумий последовала за остальными.

Сев на корточки, Уорт зачерпнул немного песка с пола. Песок, как песок. Поднявшись, Рон зашел в головной вагон и, осмотрев станцию в зеркало и убедившись, что на платформе никого не осталось, нажал на педаль.

* * *

Уже седьмой станции достиг поезд, однако, вид она имела, что и первая. В некоторых местах песок просочился даже на пути и неприятно скрипел под колесами.

Люди молча сидели в головном вагоне. Рон вел состав. И хотя он был мужественным человеком, его нога немного подрагивала, нажимая на педаль. С поверхности не доносилось ни звука, ни вибрации. Уорт чувствовал себя замурованным.

Внезапно одна из женщин забилась в истерике. Остановив поезд, Рон вошел в салон. Женщина стучала в дверь, и несколько человек пытались удержать ее.

– Пустите! Я должна выйти!

Уорт подбежал и, резко схватив ее за плечи, бросил на сиденье. Женщина дернулась и в испуге уставилась на Рона. По лицу ее текли слезы.

– Слуга ада! – донесся до ушей Рона скрипучий шопот. Кому он принадлежал, определять не было необходимости.

– Слушайте все! – Громко произнес Уорт, пытаясь подобрать наиболее понятные слова. – Никто из нас не знает, что произошло наверху. И мы должны выяснить это, ведь от этого может зависеть наша жизнь. Устраивая истерики, вы задерживаете сами себя.

Не зная больше, что сказать, Рон вернулся в кабину. За ним последовал Лайнинг.

– Я вспомнил о том, что одна из линий метро проходит под небоскребом «Эрроу-Билдинг», – сказал он. – Станция соединяется со зданием напрямую, и если нам удастся попасть на нее, мы сможем подняться на крышу здания и осмотреть окрестности.

– Неплохая идея, Роджер! – Обрадовался Уорт. – А где мы сейчас?

– К счастью, «Эрроу-Билдинг» расположен на этой же ветке метрополитена. Станций двенадцать, не больше.

– Прекрасно! – Рон взгляделся в темноту туннеля. – Надеюсь это нам что-то даст.

Поезд отправился к своему новому пункту назначения.

* * *

Мягко загудели тормоза.

– Останьтесь здесь, – сказал Уорт юнцу, собравшемуся идти с ними. Он обратился к людям:

– Я и мистер Лайнинг наведаемся в «Эрроу-Билдинг», чтобы разузнать все как следует. Прошу вас не идти за нами – это может быть опасно. Мы не знаем, что поджидает нас наверху.

– Никто не имеет права перечить Всевышнему! – Вскричала старушка с Библией. Рон не заметил, как она вошла в вагон. – Это Армагеддон! Время Дьявола! Но Господь укроет верящих и избавит от страданий... – Уорт заткнул ей рот рукой.

– Замолчи, старуха! – Его нервы тоже были на пределе. – Кто еще начнет сеять панику, будет иметь дело со мной!

– Послушайте, мистер, – приподнялся было толстый, прямо лоснящийся от жира человек. – Она может оказаться права...

– Сидеть! – заорал на него Рон. – И что б больше не слова о всякой... – Он запнулся и, окинув людей горящим от злости взором, вместе с Роджером вышел из вагона.

Тот придирчиво осмотрел станцию и произнес:

– По-моему, мы должны искать лифт. Мой старший сын говорил, что здесь самый длинный лифт в мире.

– Возможно, – Рон начал карабкаться на зыбкий «бархан».

– Только бы его не засыпало.

Они кое-как перевалили через гору, которая почти достигла потолка. Лифт едва виднелся из-за чудовищной груды песка. Совместными усилиями Уорту и Лайнингу удалось приоткрыть створки лифта.

– Работает! – Довольно ухмыльнулся Роджер, вкатившись в кабинку. Он помог забраться Рону. – Интересно, цело ли само здание?

– Узнаем сейчас, – осклабился Уорт. Мышцы не слушались его. – Давай, жми на крышу.

Двери лифта закрылись, и люди почувствовали легкую перегрузку. Через пару минут лифт остановился и выкинул их в низкий коридор. Вселенский холод сковал людей.

– А ведь на дворе июль, – шепотом проговорил Роджер. Он потуже натянул пиджак. – За поворотом выход наружу. Я был здесь один раз с семьей. – Он быстро зашагал вперед.

Что-то непонятное сдерживало Рона от того, чтобы броситься за Лайнингом. Тот в нетерпении все ускорял шаг и, наконец, взялся за ручку двери. Уорт остановился: в нем закипал ужас.

Роджер открыл дверь: снаружи была ночь. Оттуда полыхнуло страхом. Рон сделал шаг назад; его сердце стучало, как паровой молот.

Лайнинг шагнул в темноту, и случилось нечто невероятное: казалось, в Роджера попал зенитный снаряд. Рон увидел взрыв кровавых брызг, летящих ему в лицо, и инстинктивно опустил веки. Когда он открыл глаза, то не увидел красных пятен на стенах и потолке. Все было чисто, хотя Уорт почему-то оказался с ног до головы осыпан песком, который набился ему даже в рот. Внезапно погас свет. Не разбирая дороги, наощупь, Уорт бросился к лифту. Отплевываясь, трясущейся рукой он нажал на кнопку. Лифт заскрипел и стал нехотя опускаться.

Разбив ладони в кровь, Рон выбрался из тесной клетки на станции и помчался к поезду. Тот приветливо сиял желтыми огнями. словно сумасшедший, Уорт ворвался в вагон.

– Где она?! Где она!? – Задыхаясь, заорал он. Люди в недоумении переглянулись.

– Я здесь, – прокричала старушка, вставая. Библия в ее руках была открыта.

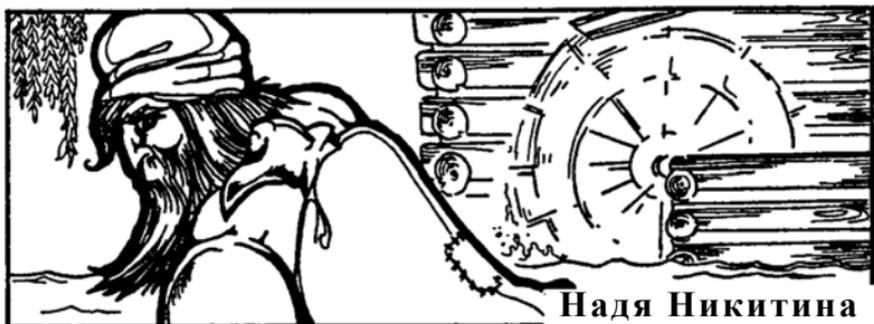
Рон упал на колени:

– Господи, прости меня за все грехи мои пред тобой!..

– Ты опоздал! – Старушка с необычной силой оттолкнула Уорта.

– Нет, нет, не может быть... – одними губами проговорил Рон. – Неужели конец?..

Старушка отвернулась от распластавшегося перед ней человека, и Уорт понял, что было уже слишком поздно.

Надя Никитина

Встречи в полнолуние

Русалочий хоровод

Дело в том, что я очень люблю гулять при луне. Есть что-то завораживающее в ее мертвенно-бледном свете и нечто сверхъестественно жуткое в длинных черных тенях, которые отбрасывают предметы в полнолуние. Реальный мир на несколько ночей перерождается в сказочный, а сама ты чувствуешь себя феей, не обходящей а, скользя в серебристом луче, облетающей свои законные владения.

В одну из таких искристых летних ночей я вышла на обычную свою прогулку, которые совершаю издавна, вот уже много лет. В городе такие променажи ничего не стоят, ибо нет в каменном нагромождении зданий того очарования, которые таят в себе залитые лунным светом леса, поля, луга.

Не спеша спускаясь по пологому склону горы к реке, я заметила вдруг странное движение у воды. Здесь река делала замысловатую петлю, образуя довольно широкий и плоский курган, и поэтому я не могла разглядеть, что делается на дальнем его конце. Тем не менее любопытство уже захватило меня целиком, и я направилась туда, в глубине души подозревая, что сейчас стану свидетельницей чего-то сверхъестественного и необычайно красивого. На всем протяжении своем неширокая и неглубокая, речка в этом месте сильно расширялась, образуя большой и, по слухам, чрезвычайно глубокий омут, в просторечии называемый бучалом.

Так вот, возле бучала и в самом деле происходило нечто необычное. Под покровом прозрачного тумана легко и плавно

двигались какие-то фигуры. Что такое? Танцуют? Да кому придет в голову выплясывать на бучале в два часа ночи? Либо уж я спятила сама?

Я протерла глаза и пригляделась. На моих глазах закрытые до самых глаз молочно-туманными накидками фигуры выходили прямо из воды и гармонично вливались в хоровод. Я насчитала их не меньше дюжины. Была в их движениях эдакая плавность, и неземная грация, которой нет и никогда не будет у обычной земной женщины. Я уже поняла, что передо мной явились ни кто иные, как русалки.

Я глядя на них, я вдруг испытала неодолимое желание к ним присоединиться, влиться в их стройный хоровод и забиться в танце. Только так подумала, а нога уже сами несли меня в круг. И, не успев оглянуться, оказалась я среди этих призрачных созданий. Необыкновенная экзальтация охватила меня, тело само повторяло все их движения, но все равно я чувствовала себя страшно неуклюжей в сравнении с этими неземными созданиями. Но я как могла тянулась за ними, переступала ногами, размахивала руками и постепенно дурела все больше и больше. Вдруг мне захотелось туда, к ним, в воду, и широко раскинув руки, словно ловя серебристый лунный свет, я устремилась в бучало. Сверкающая гладь воды манила забиться, отрешиться от всех земных проблем. Покой – вот что обещал мне лунный свет.

Что-то резко дернуло меня за шею, да так, что я споткнулась и упала у самого обрыва. В то же мгновение наваждение вдруг исчезло, и я осталась одна на берегу реки, в свете убывающей луны. Ночь побледнела, небо заволочлось туманной дымкой. Светало.

Тут я и обнаружила то, что так больно рвануло меня за горло. Оказывается, мой нательный крестик зацепился за прибрежные кусты. Это-то меня и спасло. Святой крест отогнал нежить, не позволил броситься в омут вслед за нечестивыми созданиями. Однако, часа два с липшим я все-же где-то потеряла. Ноги гудели, а сердце стучало, как после быстрого бега. Чувствуя боль и разбитость во всем теле, с трудом поднялась и побрела домой, удивляясь, как могло меня, трезвую женщину, угораздить поддаться галлюцинации и в припадке бегать по берегу реки. А ведь могла ненароком и утонуть!

Кладбищенские страсти

Это произошло еще во времена моего далекого детства, но помню все так, будто было вчера. Случилось так, что я поспорила с подругами – сумею или не сумею провести ночь на кладбище, на самой могиле вчера похороненного деда Селиверстова, о котором говорили, что по ночам он перекидывается в кота и в таком непристойном виде слизывает у хозяек сметану с крынок. Конечно, над этими наивными байками я от души смеялась, потому что в то время еще не верила ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай.

Итак, мы поспорили, не помню уж на что, да это и неважно. Ночи стояли прохладные, поэтому я захватила с собой теплый свитер, одеяло, и решительно двинулась в соседнюю деревню, где у нас и располагалось кладбище, одно на все окрестные села. Светила полная луна, в воздухе дрожал пар от дыхания – еще не настали летние теплые ночи. Девчонки проводили меня до ворот, но дальше идти не рискнули, зато твердо обещали ждать меня недалеко, в кустах. Ободренная этими горячими заверениями, я помахала им рукой и шагнула в крошечную темь. А, надо сказать, кладбище у нас, в отличие от других подобных просто роскошное. Начать с того, что возраст ему никак не меньше двух веков. Красная кирпичная ограда во многих местах обвалилась и ремонтировалась очень редко, по большим церковным праздникам. Высоко в небо взметнулись кроны вековых дубов и лип, а между их толстыми стволами одна на другой громоздились могилы разных лет и поколений. Среди них можно было встретить забытые всеми захоронения прошлого века. Конечно, могла бы я, воспользовавшись страхом подруг, приземлиться где-нибудь у самой стены и подремать до рассвета, но самолюбие не позволило этого сделать, и я честно отправилась отыскивать могилу деда Селиверстова. Лунный свет пробивался кое-где сквозь густые кроны деревьев, но тем не менее я быстро отыскала нужное мне место, благо деда далеко не унесли. Там я расстелила одеяло, накинула свитер и приготовилась бдеть.

Долго ли, мало ли я сидела, заметила, что луна отыскала брешь среди листвы и залило небольшой пятачок вместе со мною и могилою своим мертвенным светом. Как ни люблю я прогулки при луне, но здесь мне стало жутко. И в этот момент вдруг почувствовала под собою вроде как идущие из-под земли слабые толчки. Ух, ну тут и перетрухала я, подхватила свое

одеяло и в мгновение ока переместилась с подозрительной могилы за толстое, в три обхвата, дерево и, чувствуя себя весьма неудобно, там притаилась.

В таких случаях время тянется медленно, как резиновое. Сидела я сидела, пристально, до боли в глазах приглядываясь к дедовой могиле, и вот стало мне казаться, что над свежей поверхностью ее поднимается вроде как осязаемый сгусток белого тумана, с каждой секундой становясь все материальнее и превращаясь в фигуру старика в длинной холщовой рубашке и широких шароварах.

Лица его не было видно, но так у нас, сколько я помнила, всегда одевался дед Селиверстов. В том его и похоронили, это я хорошо помню, сама ходила смотреть. И тут почувствовала я, как волосы на моей голове поднимаются дыбом, а душа с бешеной скоростью устремилась в пятки. Когда говорят «душа ушла в пятки», это отнюдь не ради красного словца. Некий плотный и тугой комок сконцентрировался у меня именно в пятках, побуждая к одному только действию – как можно скорее бечь. Но прежде чем удариться в бега, я оглянулась. Весьма уже материальная фигура деда оторвалась от могилы и не спеша направилась к выходу. И тут я рванула. Не разбирая дороги, перепрыгивая через могилы, устремилась куда глаза глядят, непонятно, как только шею себе не свернула. На счастье попался мне пролом в стене и вылетела я в него, будто птичка. Одеяло так и осталось там, под деревом, а обрывки своего свитера растеряла по всем крестам и кустам.

Наутро оказалось, что не я одна поспешно спасалась бегством. Хватаясь за головы и в ужасе тараща глаза, подружка мои поведали, как, сидючи в кустах, увидели вдруг деда Селиверстова. Недавно похороненный дед собственной персоной прошествовал мимо них по направлению к деревне. Причем одна из них утверждала, что глаза у деда горели, как у волка.

Верно говорят, у страха глаза велики. Но кто знает, может, не так уж и велики?

Кикимора болотная

А однажды была я в гостях и засиделась до вечера. Ничего, думаю, добегу, бешеной собаки семь верст не крюк. Тем более, ночка-то какая лунная, прогуляться удовольствие одно. И пошла. Мимо леса, пешком, а уже стемнело. Но в те време-

на страх во мне начисто отсутствовал. Как говорилось выше, ни в сон, ни в чох...

И имелось там, на пути одно маленькое болотце – не болотце, а так, тьфу, вязкое место. Предусмотрительные люди дощатый мостик через него перекинули, но несколько в стороне от тропы. Показалось мне лень идти к мосту, ну и поперла я напролом. Эх, где наша не пропадала! И чувствую вдруг, что увязла. Дернула одну ногу, дернула другую – ну никак! И сделалось мне не по себе. Остановилась дух перевести, и сразу почувствовала некий посторонний взгляд со стороны. Кому, думаю, в таком месте и в такое время? Неужели еще один бешеный нашелся? Обернулась – мать честная! Сидит!

Вот тут даже описать затрудняюсь, кого или чего я увидела. Вроде не такое оно и большое, а страшное. Кожа на нем бугристая, пупырчатая, руки-ноги как у лягушки, а мордочка совсем человечья. Смотрит оно и вроде как ухмыляется. А потом шлеп! – перепрыгнуло ближе ко мне. Шлеп! Шлеп! – еще ближе, и глазки эдак сверкают зелененьким огоньком. У меня мурашки по телу побежали, и стало так холодно, будто кусок льда положили за пазуху.

А она снова – шлеп! – целый фонтан вонючей болотной жижи брызнул мне в физиономию. Я вообще всегда несдержанна на язык, а здесь подавно, сам Бог повелел выругаться по-матушке. Завернула аж семиэтажным, а когда продрала от грязи очи, нежить уж исчезла, как не бывши. Тогда ноги мои сами в ход пошли, не помню, как отмахала весьма приличное расстояние до дома.

Могла бы, конечно, сослаться на выпитую в гостях рюмку вина и зеленого змия, но как не убеждала себя, ничего не получалось. После этого случая если и в сон-чих не поверила, но к тому близка.

Лешовы забавы

К концу июня поспевают земляника. Вкусная вещь, скажу я вам. С самого утра гуляла в лесу, не столько собирала, сколько ела, и, объевшись не на шутку, прилегла отдохнуть под кустом. И уснула, да так крепко, что проспала и весь день, и вечер, и проснулась лишь когда взошла полная луна.

Нужно мне было сначала осмотреться и сориентироваться, а я вскочила и сразу понеслась. А куда? Вот этого и сама не знала. Остановилась лишь когда запуталась в буреломе. Тошно стало. Представила себя на моем месте – ночью, одна, в

густом лесу. Черт его знает, какие тут в темноте звери рыщут. Сожрут и косточек не оставят! Так жалко мне себя сделалось, чуть не заплакала. И заревела бы, но отвлек большой пень по правую от меня руку. Грандиознейший, я бы сказала, пень, никогда таких не встречала. Баобаб здесь рос, что ли? Смотрю я на этот пень и вижу – один глаз у него приоткрылся. И моргнул! Свят-свят-свят! Рука моя сама потянулась сотворить крестное знамение, да застыла на полпути, одеревенев. Хочу молитву прочесть, а ни одной не знаю, в школе, сами понимаете, не учили. Вертится на языке: «Отче наш, иже еси на небес и...» а как дальше, не помню.

А у пня тем временем и второй глаз открылся. Смотрит он на меня, как удав на кролика, того и гляди разинет пасть да съест. Чувствуя я себя перед ним этакой маленькой, ничего не значащей козявкой.

Не знаю, что меня спасло, только вспомнила я, как опытные охотники лешака ублажают. Корзина с ягодами была еще при мне, не потеряла. Преодолев ступор, повесила ее на ветку. И тот час наваждение исчезло. Когда выбралась из леса, началось уже светать. Снова куда-то пропали несколько часов. Пропала и корзина.

Мельник

А теперь расскажу о последней встрече, после которой поверила и в сон, и в чох. На этот раз на озере. Здесь сослаться на галлюцинации и большое воображение не удастся, потому что видела это не я одна.

Было мне тогда лет шестнадцать, не больше, но мальчишками уже интересовалась. В городе ребята катают девчонок на мотоциклах, кто побогаче – на машинах, а у нас из всего транспорта имелись лишь колхозные кони. На них-то мы и катались. Как-то, увлекшись, заехали с Мишкой к трем заросшим тиной и осокой прудам. Давным-давно на одном из прудов стояла мельница, а сейчас от нее остались лабаз без крыши да гнилое колесо. В свое время в этих местах пропасть клубники, люди до позднего вечера с ведрами ходят. Но сейчас ни о каких ягодах речи быть не может, сентябрь на носу. Но тем не менее доносится с развалин плеск и подозрительный скрип. Что такое может быть?

Вдруг конь наш взвыл как-то не по-своему, взвился на дыбки и в мгновение ока сбросил нас обоих наземь. Пока мы

оклемались от удара, проклятого коня уже далеко унесло, ищи его теперь свищи.

Страшно отчего-то нам вдруг сделалось. Сначала шум этот непонятный, потом необъяснимое поведение чертовой животины. Но любопытство оказалось сильнее страха. Хотя будь я одна, скорее всего, бежала бы без оглядки. Но Мишка махнул мне рукой и стал пробираться по направлению к развалинам.

Луна светила ярко, и видно было все как на ладони. Колесо крутилось в полную силу, а на колесе! на колесе! Маленький, бородатенький, какого-то грязного лягушачьего цвета, красные глазки так и горят. Нырнет – вынырнет. Нырнет – и опять вынырнет! А колесо все скрипит, крутится. На что уж Мишка не робкого десятка, а и то рванул. Неизвестно еще, кто первым в село примчался – мы, или сбежавший конь.

...Так что теперь я и в сон, и в чох...

Надя Никитина

Мышиный король

Рассказ

Замок стоял на горе, и остроконечные шпили его башен высоко поднимались над лесом. Издали он представлял собою величественное зрелище, и лишь подойдя ближе можно было разглядеть изъеденные временем стены, осыпавшиеся колокольни и обвалившийся мост. Время неплохо потрудилось над великолепным зданием, но его прочное основание, сложенное на века, могло простоять еще много лет.

Поэтому областным советом по сохранению памятников старины было принято основание о восстановлении замка и последующей охране его государством. Специально назначенная комиссия в составе пяти человек прибыла в близлежащее село с целью осмотра и определения его материальной ценности. Возглавил ее известный в городе архитектор, доктор наук Верховцев.

Ольга Николаевна Петрищева и Виктор Иванович Быстрицкий считались видными деятелями в области охраны памятников старины. В основном их заслугой было подписание документа о реставрации здешнего замка. Они же выбрали средства, которые министерство культуры упорно не хотело выделять.

Студентки архитектурного института Кристина Орлова и Татьяна Симагина проходили практику и готовились к выпускным экзаменам. Им особенно по душе была интригующая атмосфера предстоящих исследований, невольно вызывающая перед глазами образы средневековых рыцарей в тяжелых доспехах, грандиозные ристалища на широкой каменной площад-

ке перед старинным замком и прекрасных дам в роскошных туалетах, созерцающих поединок через узкие, забранные толстыми железными решетками окна.

Так и кажется, что сейчас из тех ворот вырвутся навстречу друг другу два всадника на взмыленных конях, – восторженно разглядывая в бинокль чарующую панораму окрестностей, сказала Кристина и вскочила повыше на уступ, чтобы лучше видеть.

– Разве ты собираешься писать исторический трактат? – поддела ее более прозаически настроенная Татьяна. – Все, что от тебя в данный момент требуется – защитить диссертацию, а для этого надобно интересоваться не средневековыми рыцарями, а к примеру, вон тем высоким порталом...

– ...По которому в ночное время не спеша проаживаются стражи ворот с алебардами... – в тон закончила Кристина и со смехом добавила:

– Прагматик ты, Танька, с тобой и пофантазировать от души нельзя.

Татьяна неопределенно пожала плечами и потянулась за биноклем.

– Ага, тоже заинтересовалась... – начала Кристина.

– Подожди, – отмахнулась та и приложила к глазам окуляры.

– Ну, что ты там увидела? – нетерпеливо спрашивала подруга.

– Странно... видишь, там движется какая-то серая лента...

– Ничего не вижу, – приглядевшись, честно призналась Кристина.

– А я вижу... Нет, теперь уже не вижу, исчезла. – Татьяна опустила бинокль.

– И что же это было? – разочарованно спросила Кристина. Она ничего не успела заметить.

– Не знаю. Может, мне тоже показалось, – спускаясь вниз, сказала Татьяна.

– Знаешь, у меня есть предложение, – неожиданно выдумщице Кристине пришла в голову замечательная идея.

– Что такое? – вопросительно обернулась Татьяна.

– Давай прямо сейчас прогуляемся к замку. Интересно взглянуть на него вблизи при закате солнца.

– Вдвоем? Через лес? – изумилась Татьяна.

– А мы пригласим с собой Виктора, – сразу нашлась Кристина, которой очень хотелось совершить эту прогулку.

– Ну, ежели он согласится... – с сомнением протянула подруга.

* * *

Солнце заметно склонилось к закату, когда трое молодых людей по едва различимой тропинке поднялись на гору. Последние несколько метров пришлось продирааться напролом, потому что здесь дорожка круто сворачивала в другую сторону. Похоже, к замку давным-давно никто не приближался. Солнце совсем скрылось за горой, и от этого в воздухе повис густой синеватый сумрак. Казалось, толстые стволы вековых деревьев сдвинулись и плотно обступили незваных гостей, не давая им пройти. Под ногами назойливо путался мелкий колючий подлесок.

Но внезапно лес расступился, и взорам молодых людей открылось великолепное зрелище. Освещенный багровыми лучами заходящего солнца, замок предстал перед ними во всей своей экзотической красоте. Сгладились и потерялись для глаза оставленные на его стенах неумолимым временем мелкие и крупные повреждения. Замок походил на игрушку. Казалось, он вот-вот оживет, и из ворот его появятся люди в старинных одеждах.

– Красота-то какая! – изумленно выдохнула Кристина.

– Но мрачновато здесь, однако, – заметила Татьяна и, пожившись, добавила: – Не хотела бы я оказаться здесь одна и после захода солнца.

– Кстати, только что из уст одного древнего старичка я услышал любопытную легенду об этом замке и его обитателях, – сказал Виктор.

– Вот как? И что это за легенда? – заинтересовалась Кристина.

– Как будто в незапамятные времена стоял здесь гусарский гарнизон, и комендант его был очень жесток со своими подчиненными. Однажды за какую-то провинность он приказал до смерти заporоть одного из солдат. По слухам, мать того солдата при всех прокляла убийцу, и через некоторое время комендант был найден в своей спальне повесившимся. Говорят, черная душа его вселилась в грызуна, и с тех пор подвалы замка стали подвергаться нашествию этих тварей, в короткое время дотла опустошивших все закрома и вынудивших людей покинуть жилище. С тех пор замок пришел в запустение...

– Легенда, конечно, интересная, но мы не решаем сельскохозяйственных вопросов, и грызуны не входят в тему диссертации, – саркастически заметила Татьяна. – Я бы, например, предпочла осмотреть вон ту стену. Если я не ошибаюсь, это начало семнадцатого века.

– Тогда нам нужно перейти на другую сторону, – взглянув на часы и прикинув, сколько в их распоряжении осталось времени, согласился Виктор.

Замок опоясывал неглубокий, можно сказать, чисто символический ров. Возможно, раньше он был шире и глубже, но со временем берега его осыпались, заросли травой, и можно было перейти на ту сторону не пользуясь мостом, от которого осталась одна лишь центральная кладка. Остальное обвалилось, и обломки грудой лежали на дне рва.

– Вы заметили? Это не наш стиль. Верно, замок строили привозные мастера, – предположила Татьяна.

– Скорее всего, не обошлось без консультации немцев. Присутствуют явные признаки готического стиля, – подсказал Виктор.

Татьяна первая оказалась по другую сторону рва, и тотчас же до оставшихся донесся ее изумленный и испуганный возглас. Когда Виктор и Кристина со встревоженными лицами подбежали к ней, девушка стояла, судорожно прижав руки к груди и смущенно улыбаясь.

– Наверно, мне показалось. Скорее всего, опять игра света и теней, обман зрения.

– Снова серая лента?

На этот раз она пронеслась перед моими глазами с какими-то странными звуками, похожими на шелест и исчезла в том дверном проеме.

– Все произошло так быстро, что я не успела ничего толком рассмотреть.

– Тогда не будем гадать, а пройдем туда и посмотрим, что это было и куда оно делось, – сказал Виктор и решительно направился в сторону указанного места.

Робея и слегка поживаясь от охватившего их странного озноба, девушки медленно двинулись за ним. По пути Виктор приготовил карманный фонарик, но вначале он не понадобился. Слабый предвечерний свет пробивался с улицы в узкие окна. Можно было разглядеть большую залу с остатками в центре широкого деревянного помоста. Под ногами что-то мягко похрустывало. Виктор включил фонарик и наклонился.

Весь пол оказался усеян мелкими катышками – сухим мышинным пометом.

– Так значит, это были всего лишь грызуны, – догадалась Татьяна.

– Чем они здесь питаются, вот вопрос. Ведь не могли же прежние хозяева оставить им пищи на несколько столетий, – удивилась Кристина.

– Ничего странного, – ответил Виктор. – Не исключено, что где-то здесь есть подземный ход, ведущий в село, а там пропитания сколько угодно.

– Одного не понимаю, если это мыши, то зачем им собираться в стаю и тусоваться в этом пустынном замке?

– Может, у них сегодня здесь какой-нибудь мышиный съезд назначен, – пошутила Кристина и вдруг, замолчав, настороженно вытянула шею.

Прислушались и остальные. Откуда-то снизу явственно доносился мышинный писк.

– Стойте, девчонки, здесь, а я погляжу, что там делается, – решительно сказал Виктор и пошел к висящей на одной петле толстой дубовой двери, которая косо прикрывала вход в подвал.

Противно заскрипели ржавые несмазанные петли, дверь зашаталась, подалась и с треском рухнула на покрытый толстым слоем мусора каменный пол. Стягивающие ее насквозь проржавевшие железные обручи лопнули, и гнилые доски разлетелись в щепки.

– Ой! – невольно вскрикнула Кристина.

Виктор поднял повыше фонарь и шагнул на верхнюю ступеньку ведущей куда-то вниз лестницы, и голова его тут же скрылась в темноте.

Переминаясь с ноги на ногу, девушки нетерпеливо ждали. Им было явно не по себе. В зале царил промозглая сырость. Солнце село, и сумрак стал заметно сгущаться. Так прошло примерно с четверть часа. Виктор не возвращался. На мгновение им обеим показалось, будто внизу приглушенно крикнули.

– Куда он запропал? У нас нет даже запасного фонаря, – с досадой воскликнула Кристина.

– Иной раз курение оказывается полезным, – сказала Татьяна и щелкнула зажигалкой.

Девушки опасливо приблизились к краю темного провала. Узкая лестница убегала круто вниз, в вязкую сырую черноту.

– Виктор! Виктор Иванович! – громко позвала Кристина.

Никто не отозвался. Девушки прислушались. Снизу слабо доносился странный, ни с чем не сравнимый сухой шорох и то стихал, то нарастал монотонный мышинный писк.

– Мыши его там съели, что ли? – сердито воскликнула Татьяна и решительно шагнула в темноту.

Замирая от мучительного страха, за ней, спотыкаясь, плелась Кристина. В данный момент она успела горько пожалеть о своем необдуманном решении на ночь глядя осматривать замок. Ступеньки стали скользкими от многолетней сырости, с трудом удавалось удерживать равновесие. Один раз Татьяна поскользнулась и едва не уронила зажигалку. Лестница все не кончалась. Трепетный желтый огонек неярко освещал покрытые серой плесенью стены. Кое-где вправо и влево ответвлялись узкие боковые ходы. По мере того, как они спускались, подозрительные звуки становились громче.

– Что такое там может быть? – с невольным страхом спросила Кристина.

Татьяна открыла было рот, чтобы снова окликнуть Виктора, но сейчас же передумала. Внезапно выхваченная из темноты слабым светом карманной зажигалки взору их предстала странная и одновременно жутковатая картина.

Наконец-то спуск закончился. Девушки оказались на пороге небольшого низководчатого подвала. Весь пол и даже стены его были покрыты серым ковром из мышинных шкурок. Ковер этот шевелился, пищал и царапал по полу множеством когтистых лапок. Так вот чем объяснялись эти непонятные звуки. Оказывается, их тоже издавали мыши. Но где же Виктор?

В следующий момент они увидели и пропавшего товарища. Привалившись спиной к стене, сидел дочиستا обглоданный скелет и смотрел на девушек пустыми глазницами, из которых опять же выглядывали мыши. Серые зверьки пролезали между прутьями ребер, жадно догрызая остатки кровавого мяса.

А на черепахе погибшего – Боже! – царственно восседала огромная особь величиной со средней величины кошку и свирепо смотрела на незваных гостей злыми красными глазами.

Девушки застыли, как вкопанные, загипнотизированные этим Жутким, почти осмысленным взглядом серой твари.

– Господи! – побелевшими губами тихо прошептала Татьяна.

Громадная мышь издала резкий писк. Кристина отчаянно завизжала, круто повернулась и бросилась вверх по лестнице. На мгновение она успела обернуться и увидела, как серый ковер всколыхнулся волной и хлынул следом. Замешкавшись, Татьяна на секунду приотсталала, и тотчас же ноги ее по самые икры погрузились в море грызунов. Жуткий крик пронесся под низкими сводами подвала. Колени девушки подломились. Мыши гроздьями облепили ее тело, массой задушили последний предсмертный стон.

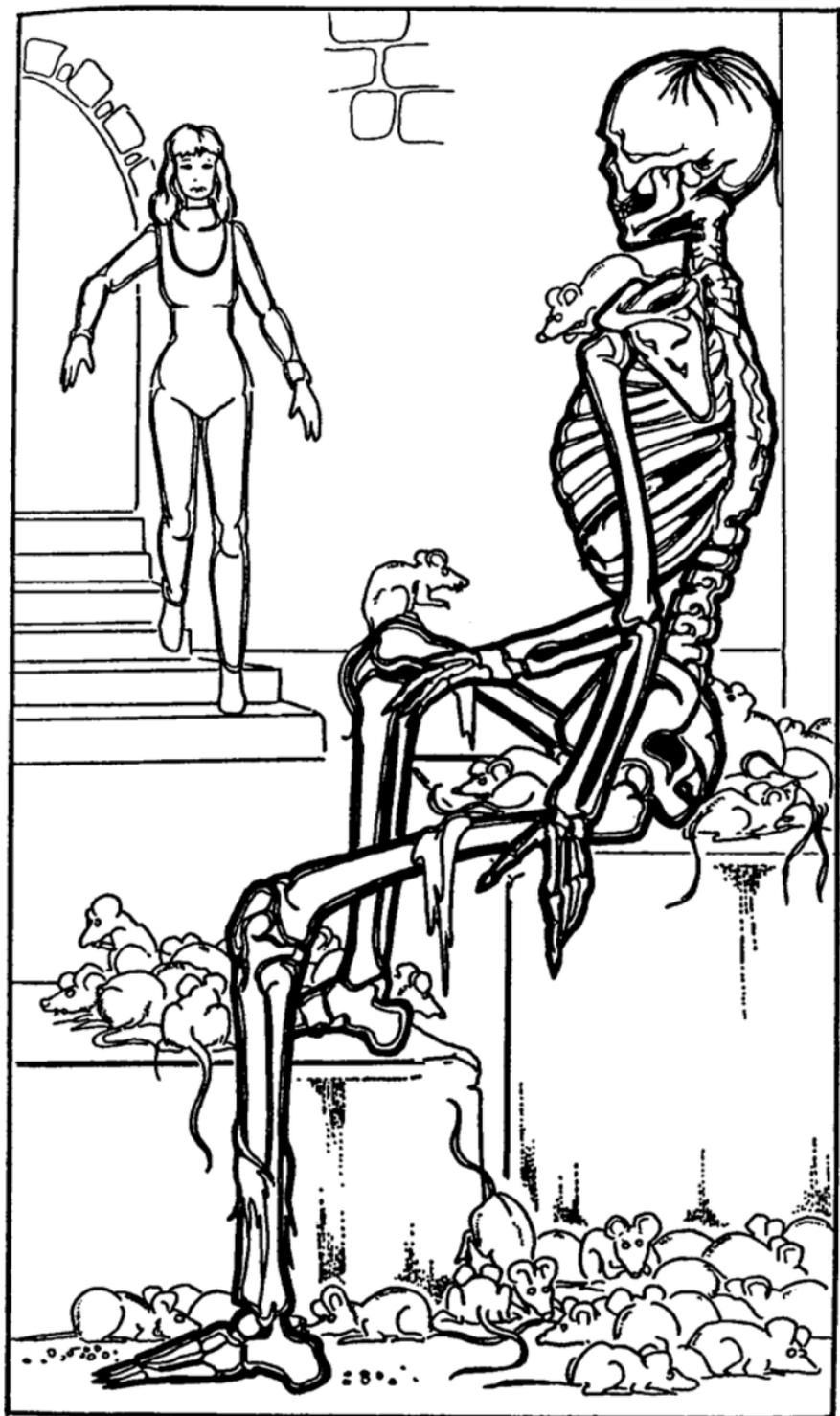
Кристина мчалась, уже не оглядываясь, но тем не менее сразу догадалась, какая участь постигла подругу и не сомневалась, что то же самое ждет и ее. И она бежала. Лестница казалась бесконечной. За спиной нарастал, неумолимо приближаясь, сухой шелест мышинных лапок. Твари настигали. Сначала вокруг царила кромешная темнота, но потом над головой внезапно забрезжил слабый сумеречный свет. Задышавшись, девушка с усилием преодолела последние несколько метров и вырвалась на вольный воздух.

Солнце село, но на улице совсем не стемнело. Внизу у ее ног красиво расстилалась вечерняя панорама окружающей местности. Оказывается, в темноте она перепутала ходы, по ошибке свернула в боковой и вышла вместо парадного входа на высокую стену, кольцом опоясывающую замок. Другого выхода, кроме как снова через подземелье отсюда не было.

– Мамочка! Мама, помоги! – заплакала и закричала Кристина, в безысходном отчаянии стуча кулаками по бездушной каменной стене.

Крик булькнул у нее в горле и оборвался. Расширенными от ужаса глазами она смотрела, как из подземелья проворно выбирается огромная серая тварь. Ей показалось, что мышь ехидно ухмыляется, насмешливо поводя длинными жесткими усами. Следом за нею непрерывно текла густая лавина – повинувшись приказу своего коменданта, мыши снова ринулись в наступление. Внезапно Кристина вспомнила слова легенды: «...Говорят, черная душа его вселилась в грызуна...» Дико закричав, она снова бросилась бежать вдоль стены. За спиной ее раздавался резкий писк – мышиный король подавал сигнал к действию. И тогда вокруг жертвы начало стягиваться серое кольцо. Мыши вылезали из всех щелей и переходов. Их было миллионы, казалось, они собрались сюда со всего света.

Вся дрожа крупной дрожью, Кристина непослушными пальцами шарила по каменной кладке, ища какое-нибудь ору-

дие для защиты, хотя умом понимала, что сопротивление бесполезно. Ее час настал.

Она не помнила, каким образом в руках у нее оказался обломок кирпича. Вжавшись спиной в стену, она с храбростью отчаяния метнула свой импровизированный снаряд в мышинного короля. Удар ее достиг цели. Тварь оглушительно взвизгнула и перевернулась кверху брюхом. В следующий момент кладка за ее спиной подалась, и девушка с криком рухнула вниз. Больше она ничего не помнила.

Кристина чувствовала, что ее мерно покачивает, как на волнах. Малейшее неосторожное движение адской болью отдавалось во всем теле. Она слабо застонала и приоткрыла глаза.

– Слава тебе, Господи, очнулась бедняжка, – послышался знакомый голос.

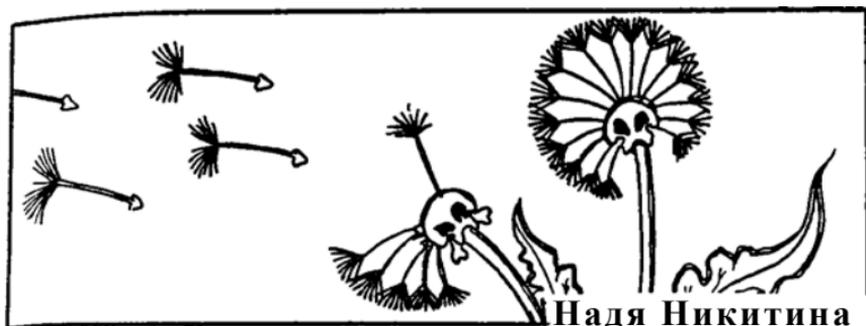
Над нею склонилось доброе, в очках, лицо Ольги Николаевны. Здесь же Кристина увидела доктора Верховцева и еще каких-то незнакомых ей людей. Над ее головой медленно проплывали высокие кроны деревьев.

– Виктор, Татьяна... они... – непослушными губами прошептала она.

– Молчи, молчи, тебе нельзя говорить, – быстрым шепотом предупредила Ольга Николаевна и отвернулась, пытаясь скрыть набежавшие слезы.

Кристина бессильно закрыла глаза. Значит, все происшедшее с ними не дурной сон. Виктор и Татьяна мертвы. В ее ушах и сейчас звучал жуткий предсмертный крик Татьяны.

Откуда-то из черной глубины стали вдруг выплывать неясные видения, замелькали расплывчатые фигуры... солдаты в серых мундирах... Мышиный король снова вел в наступление свое неисчислимое войско...

Надя Никитина

Божьи одуванчики

Неординарное расследование майора Миронова

Прошло вот уже три часа с тех пор, как майор Миронов, не выпуская сигареты из рта, прикуривая одну от другой, крупными шагами мерил узкое пространство служебного кабинета, и эта возбужденная ходьба вовсе не входила в привычки всегда спокойного и сдержанного майора. Причиной тому послужило полученное сегодня утром новое дело. Было в нем нечто странное, не укладывающееся в рамки обычных уголовных преступлений.

Накануне майор уголовного розыска Игорь Миронов передал в прокуратуру только что законченное им дело об убийстве. С самого начала там все было ясно. В припадке патологической ревности подвыпивший муж зарубил топором собственную жену и сам признался в содеянном. У следователей создалось впечатление полной неумолимости убийцы. Приговор суда можно уже предсказать заранее.

С гордым чувством исполненного долга явился сегодня он на работу, с удовольствием выкурил обычную свою утреннюю сигарету и неторопливо принялся за просмотр донесений. И так. Справки по делу о мошенничестве можно пока отложить, там возникли серьезные осложнения и необходима консультация областного прокурора. Дальше. Два самоубийства раскрыты, и вердикт по ним вынесен. Что-то много стало в последние годы суицидов, можно подумать, людям хором надоедает жить, и они спешат свести последние счета с бренным своим существованием.

Следующая папка оказалась совсем тоненькой. Наверху стоял гриф «Принять к производству». Внутри лежала одна-единственная бумажка – протокол допроса штатного работника собеса Петра Петровича Сидорова. Миронов прикурил очередную сигарету, присел к столу и взял в руки папку, чтобы еще раз ознакомиться с написанным.

Дело было так.

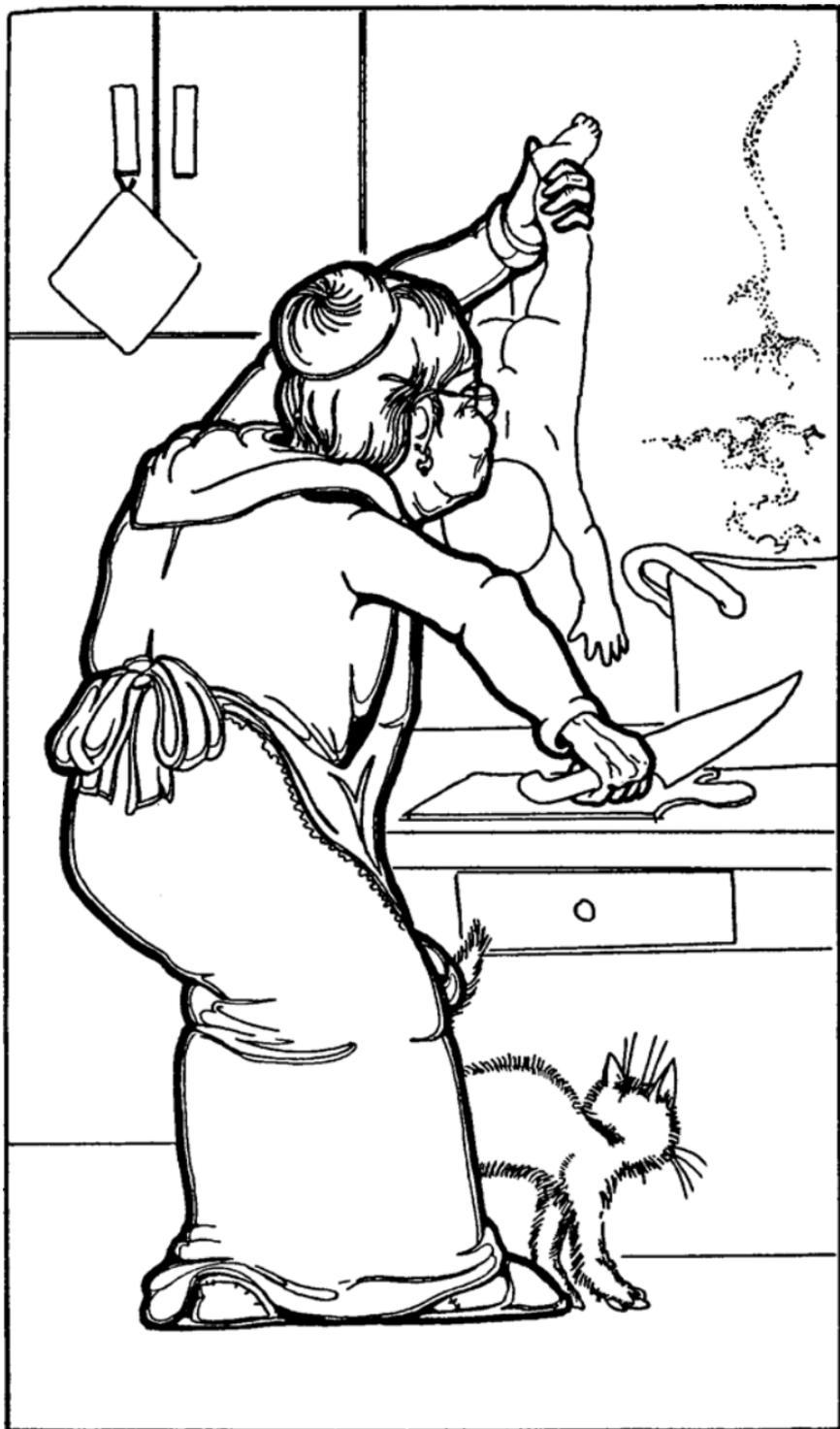
Четвертое число каждого месяца издавна считается пенсионным днем, когда старички и старушки получают свои кровные. В тот день Петр Петрович обошел целую улицу в Пролетарском районе, а так как человек он был уже пожилой и болезненный, то сильно устал. «Зайду еще по одному адресу, и домой», – решил он и стал подниматься на третий этаж последнего на сегодня дома. Дверь открыла сухонькая старушка. На вид ей казалось не меньше семидесяти. Суетливо вытирая фартуком мокрые руки, она заметалась в поисках паспорта. На ходу доставая из портфеля папку с деньгами и ведомостями, Петр Петрович тщательно вытер ноги об полосатый коврик у двери и прошествовал в кухню.

И тут он увидел это. Испуская аппетитный запах, на плите что-то с шипеньем жарилось. Здесь же на столе лежала окровавленная разделочная доска и старательно обрезанная кость. Именно эта кость и смутила работника собеса. Глаза его медленно полезли на лоб, а челюсть отвалилась вниз. Сначала Петр Петрович не сообразил, что к чему и никак не мог поймать ускользающую мысль. Он стоял и присматривался, тупо соображая, какое животное закололи к обеду и кому может принадлежать эта странной конфигурации кость. Определенно, не говядина, не свинина и даже не баранина. Но что?

В этот момент разъяренной фурией ворвалась получательница и зло прошипела: – В комнату пожалте!

И сказано это было так свирепо, в глазах старушонки дрожала такая злость, что Петр Петрович опрометью выскочил из кухни в прихожую и не помнил, как отсчитал деньги. И только на улице его осенило. Ну конечно, кость эта не говяжья, и не свиная, и не чья-либо иная. А видел он истерзанную ножку годовалого младенца. Петру Петровичу казалось, что он успел рассмотреть исковерканные и переломанные фаланги тоненьких детских пальчиков. Волосы встали дыбом на голове бедного работника собеса, и он схватился за сердце.

Кое-как засунув папку с ведомостями в портфель, он бегом бросился в милицию.

Понятно было недоверие работников прокуратуры. Сначала решили, что податель заявления просто пьян, либо внезапно повредился в рассудке. Но работник собеса упрямо стоял на своем, с каждым новым вопросом вспоминая мельчайшие подробности увиденного. Слова его записали в протокол и, пообещав сделать все возможное, отпустили. Сидоров ушел, недоверчиво бормоча себе под нос нелестные слова в адрес милиции. В тот же вечер на квартиру пенсионерки Саломатиной под предлогом проверки водопроводных труб был отправлен оперативный работник. Ему удалось мельком заглянуть даже в хозяйский холодильник, но ничего подозрительного он не обнаружил.

Таким образом дело попало на стол майора Миронова лишь для того, чтобы он поставил на нем резолюцию «в архив». Но что-то не позволяло майору завершить неудачно начатое расследование. И он отложил папку в сторону с серьезным намерением самолично перепроверить факты.

Причиной, побудившей майора Миронова столь озабоченно отнестись к необычному сообщению работника собеса явилось происшествие, случившееся аж полгода назад и оставшееся нераскрытым. Тогда бесследно исчез шестилетний сын его лучшего друга. Майор сам занимался расследованием, но самые тщательные поиски ни к чему не привели. Ребенок словно сквозь землю провалился. Тогда-то, в процессе работы и выявились некоторые весьма удручающие факты.

Оказывается, за последний год в городе пропало свыше трех тысяч человек, причем семьдесят процентов из них дети. Из этих семидесяти процентов живыми или мертвыми найдено лишь двадцать. Куда исчезли остальные полторы тысячи детей? Тогдашнее дело было приостановлено за отсутствием улик. Теперь майор счел нужным заняться им снова. И не только этим.

Миронов начал с того, что заново ознакомился с прошлогодними фактами. Шестилетний Витя Абраменко гулял во дворе около восьми часов вечера. Его видели сидящие всегда в это время на лавочках у подъездов соседи. Наконец, за полчаса до исчезновения его с балкона окликнула сама мать, зовя сына ужинать. Но домой ребенок так и не поднялся. На опросе

несколько человек единогласно показали, что видели Витю Абраменко, когда тот, погнавшись за собачкой, заворачивал за угол дома. Похоже, обратно он не вернулся. После этого никто больше ребенка не видел. Посторонних мужчин и вообще подозрительных личностей поблизости не заметили. Дворик маленький, и появление незнакомого человека сразу вызвало бы подозрение. Но тем не менее мальчик исчез. Таковы факты.

Миронов снял трубку, вызвал к себе помощника и попросил принести ему все дела об исчезновении детей за последний год. Набралось столько папок, что все не уместилось на столе и пришлось сложить оставшиеся в кресло. Просмотр их занял у Миронова почти три дня. За это время бывшая некогда тонкой папка с делом работника собеса распухла до солидных размеров. Тогда майор приступил к сопоставлению открывшихся его взору фактов.

И получилось следующее. В основном обращало на себя внимание время исчезновения. Это происходило либо утром, когда дети гуляли без родительского присмотра или вечером, когда их приводили из садиков. Далее. Возраст пропавших колебался от четырех до шести-семи лет, причем основной пик приходился именно на дошкольников.

Второй тип пропавших – младенцы до года. Эти исчезали вместе с колясками. Обычно жертвами становились легкомысленные мамы, беспечно оставляющие своих чад у дверей сберкасс и магазинов. В этих случаях потом часто находили пустые коляски с вещами дитяти, о самих же младенцах не было ни слуху ни духу. На этот счет в прессе как-то про-скальзывало предупреждение беспечным родителям, но, как правило, мало кто внимает своевременному и мудрому совету.

И третья. Все без исключения дети были из хорошо обеспеченных семей, где у родителей имелось все – и квартира, и машина, и дача, и солидный доход. На первый взгляд это казалось простым совпадением, но Миронов решил взять на заметку и это. Кто знает, может впоследствии оно окажется важным фактом.

Отложив записи, он глубоко задумался. Несомненно, во всех похищениях имелась своя система, в которой следовало разобраться. Миронов снова просмотрел протокол допроса Сидорова. Несокрушимо тот стоял на своем – в кухне подопечной пенсионерки он видел человеческие, а именно, детские кости.

Майор Миронов знал прекрасно, что ордера на обыск в подозрительной квартире ему никто не даст и людей для необходимой слежки за пенсионеркой не отпустит. Поначалу он не представлял, как здесь можно выйти из положения. Озарение пришло внезапно, и Миронов поразился простоте и доступности открывшемуся перед ним пути. Возможно, это было нарушением закона, но игра стоила свеч. А его гнало и подталкивало к действию то нераскрытое дело Вити Абраменко, который среди бела дня исчез в неизвестном направлении, и даже тело его не было найдено. Майор придвинул к себе лист бумаги, взял перо и написал заявление полковнику о предоставлении ему недельного отпуска без содержания.

Он рассудил так. Само по себе человечье мясо (ежели оно и вправду такое) на дороге не валяется и в магазине его тоже не купишь. Значит, тут три ниточки. Либо старушке его приносят, либо она ходит за ним куда-то. Или, это уже более сомнительно – добывает его определенными способами сама. Последняя версия, правда, не совсем устраивала майора. Затруднительно ему было представить семидесятилетнюю пенсионерку в роли закоренелой душительницы детей. Пусть его личное время окажется потраченным впустую, зато душа будет спокойна – он сделал все, что мог.

Миронов занял удобный наблюдательный пункт напротив указанного подъезда, набрался терпения и принялся ждать. К его большому удивлению, ожидание вовсе не затянулось. Не прошло и двух часов, как он увидел старушку. Та вышла из подъезда и, мелко семеня, заспешила на противоположную сторону улицы. Недолго думая, майор покинул свой наблюдательный пункт и двинулся вслед за «объектом». Было часа два пополудни. Майор прикинул в уме – все продуктовые магазины в этот час закрыты на обед. Старушка бежит с авоськой, значит, вознамерилась что-то прикупить. Скорее всего, никакого криминала в действиях пенсионерки Саломатиной не обнаружится. Но очень уж сильно грызло душу майора исчезновение ребенка друзей, и он не хотел упускать ни единой, даже самой тоненькой ниточки.

Старушка пересекла улицу и двинулась вдоль длинной анфилады старинных домов. Здесь и подавно не имелось никаких магазинов. В душу майора постепенно стали закрадываться самые черные подозрения, и он прибавил шагу, стара-

ясь не выпускать бабульку из виду. Это было нетрудно. Шаг майор имел широкий и спокойно мог держаться в некотором отдалении от преследуемой.

Недалеко от него дорогу пересек сухонький старичок с тростью. Великолепная эта трость с красивым медным набалдашником в виде львиной головы, явно не ширпотребовская, невольно бросалась в глаза. Пенсионерка Саломатина свернула в переулок, и Миронову пришлось отвлечься от старичка и его палки. Перебежав небольшой проходной дворик, пенсионерка свернула за угол. Побоявшись упустить «объект», Миронов поторопился сделать то же самое, механически отметив про себя, что старик с тростью не проследовал тем же путем, а повернул, скорее всего, в другую сторону.

Майор не сразу почувствовал неладное. Вернее, он и не подозревал, что с этой стороны ему может угрожать какая-то опасность, слишком невинной выглядела эта игра в преследование с дряхлой, немощной пенсионеркой. Нечто тяжелое как кувалда обрушилось ему на затылок. Майор еще успел отметить про себя, что ударили сзади. В голове взорвалось, перед глазами вспыхнули яркие круги, и все исчезло. Майор потерял сознание.

* * *

Голова у майора оказалась на редкость крепкая, а может, нападавшему не хватило сил нанести серьезный удар (Миронов подозревал в злом умысле старичка с экзотической тростью), но так или иначе, он был доволен состоявшимся оборотом дела. Зато теперь у него были причины официально взяться за расследование. Это значит прокуратура отпустит людей и средства, которых так недостает. Миронов интуитивно чувствовал, что разгадка находится где-то поблизости, и ниточка так или иначе приведет к загадочным исчезновениям маленьких детей.

На следующее утро во всех подозрительных местах дежурили оперативные группы. Примерно с неделю никаких новостей не поступало. Напуганные преступники затаились. Но в один прекрасный день, когда поставленные стражи начали терять терпение, пенсионерка Саломатина снова появилась.

– Смотри-ка, она уже возвращается. – Неужели прошляпили? – озабоченно сказал один охранник другому.

– Должно быть, когда я бегал за пирожками, ты и пропустил, растяпа, – сердито прошептал напарник. – Что теперь делать? Наверняка у нее в сумке что-то есть, еле несет.

Старушка неторопливо семенила мимо, к своему подъезду.

– Эй, уйдет ведь. Вот обидно!

– Постой, я придумал. Не двигайся с места, и будь наготове.

– Что ты хочешь делать?

– Слегка толкнуть старушенцию, чтоб уронила свой проклятый мешок.

Охранник, находчивый молодой человек, не растерялся и сумел исправить положение. Явно спеша к автобусу, он бегом вырвался из-за угла. Неповоротливая старушка не успела сойти с дороги. Молодой нахал налетел, будто танк. Бабуся выронила сумку, попятилась задом и села на тротуар. Шалопай, ее обидевший, не сумел вовремя затормозить и затоптал ногами упавшую сумку. Содержимое ее вывалилось наружу. Тонкая целлофановая обертка на увесистом пакете лопнула, открыв на всеобщее обозрение большой кусок нижней части детского туловища со всеми признаками пола.

* * *

И постепенно, шаг за шагом, начала разворачиваться картина страшного преступления, скорее всего, тяжелой социальной трагедии. Перед следователями один за другим проходили подсудимые. Их было двенадцать человек. С виду они казались вполне добропорядочными старичками и старушками. Но где-то глубоко сидела в них эдакая давняя и закоренелая злость, обида на жизнь и всех тех, кому судьба отпустила больше, чем им самим.

– Думаете, из этих сволочат хорошие люди вырастут? – без малейшей тени раскаяния говорила на допросе Саломатина. – Как бы не так! С младенчества зажавшиеся, ворованным добром избалованные...

– Позвольте-позвольте, с чего вы взяли, что ворованным? – не выдержал Миронов.

– А каким же еще? – презрительно пожала узенькими плечиками обвиняемая. – Откуда, спросите, у их родителей квартиры, машины, дачи трехэтажные, как не с краденого. Своим трудом не очень-то наживешь.

– Но дети, дети-то чем виноваты?!

Вместо ответа старушка проворно встала и подошла к окну. Отсюда хорошо была видна часть широкого проспекта, по которому то и дело вереницей проносились автомобили, в большинстве своем частные легковушки.

– Вот гляди, начальник, кто в тех лимузинах сидит?

– Люди сидят, – не понимая, к чему клонит обвиняемая, сказал майор.

– Не люди то, начальник, а бандиты, погляди, какие загравки крутые, ну чисто твои быки. А вырастают такие из кого? Из таких вот сытеньких да откормленных, которые с детства награбленным зажрались. Истреблять их надобно еще во младенчестве, весь род под корень пресечь! – потеряв над собой контроль, пенсионерка уже не говорила, а яростно кричала, в гневе сжимая сухонькие, побелевшие от напряжения кулачки. Миронов подошел к столу и нажал кнопку, вызывая конвой.

* * *

Другой семидесятипятилетний обвиняемый пошел в своих откровениях еще дальше. Методы заманивания детей были просты – конфетка, игрушка, ласковое обещание. Оказывается, на подачки особенно падки именно дети из обеспеченных семей, изначальная психология их такая, что ли. Жалости к пойманым жертвам не испытывали. Нет, детей не мучили. Их убивали и разделявали сразу, спеша удовлетворить потребности старых, заслуженных людей.

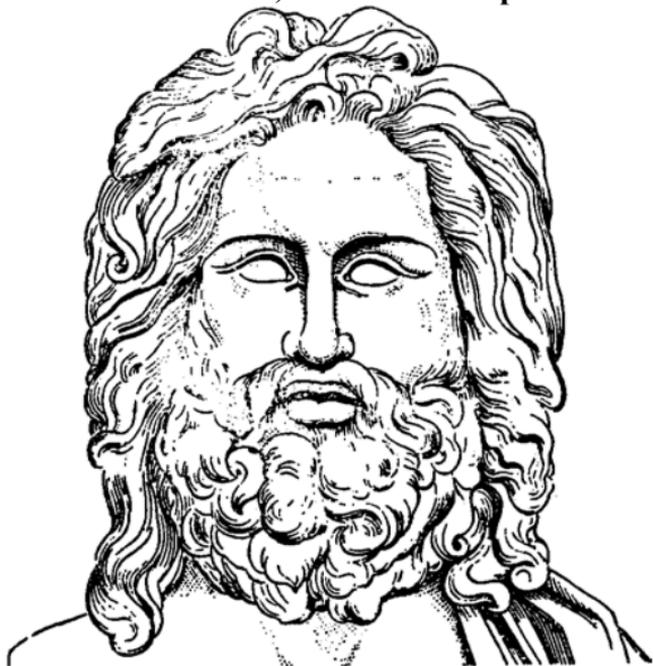
– Но людоедство... – в смятении начал Миронов.

– Извините, молодой человек, но нашей пенсии не хватает даже на хлеб и воду!

...В изнеможении Миронов захлопнул папку с протоколом, бессильно откинулся на спинку стула и отер пот со лба. Чудовищно!!!

Сухонький старичок с победоносным видом гордо выпрямился на своем жестком сиденье. У него был вид великомученика, страдающего за правое дело.

**Внимание педагогам, библиотекарям,
школьным работникам, родителям,
желающим, чтобы их дети росли
духовно и интеллектуально развитыми,
а также всем, кто любит историю!**

**Выписывайте толстый научно-популярный
и литературно-художественный журнал**

"ИСТОРИЯ"

**Подписка на 1997 год – с 1 сентября
Индекс в Каталоге "Роспечати"
"Газеты, журналы" – 71505**

**Журнал "История" – незаменимое пособие
для учащихся и преподавателей!**

qп ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Валерий Вотрин. "Гермес". Роман
А. Писанко. "Кривые зеркала пустыни"

